

Дмитрий Цыганов

**СТАЛИНСКАЯ ПРЕМИЯ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ**

**КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА
И ЭСТЕТИЧЕСКИЙ КАНОН СТАЛИНИЗМА**

Дмитрий Цыганов

**Сталинская премия по литературе:
культурная политика и
эстетический канон сталинизма**

«НЛО»

2023

Цыганов Д.

Сталинская премия по литературе: культурная политика и эстетический канон сталинизма / Д. Цыганов — «НЛО», 2023

ISBN 978-5-44-482323-7

Вопрос об эстетическом каноне сталинской эпохи и смежная с ним проблема взаимодействия эстетики и политики в послевоенном СССР – центральные и вместе с тем самые малоисследованные фрагменты культурной истории «малого» XX века. С помощью каких институций и учреждений обеспечивалось сообщение между политической и эстетической сферами? Какую роль в этом процессе играла Сталинская премия в области литературы и искусства? Книга Дмитрия Цыганова – это первое исследование, целиком построенное на архивных источниках и содержащее подробное описание и всесторонний анализ институционального облика Сталинской премии по литературе. Автор не только рассматривает детали работы Комитета по Сталинским премиям и нюансы присуждения наград, но и реконструирует ключевые культурные тенденции, которые определили динамику развития соцреалистического литературного проекта. Показывая сложное взаимовлияние различных институтов, формировавших канон сталинской эпохи, исследователь уводит читателя от упрощающей схематичности и предлагает ему более комплексное представление о литературном процессе 1930-х – начала 1950-х годов. Дмитрий Цыганов – филолог, историк культуры, научный сотрудник ИМЛИ РАН.

ISBN 978-5-44-482323-7

© Цыганов Д., 2023

© НЛО, 2023

Содержание

Введение. Соцреализм в отдельно взятой стране	7
Глава первая. «Не судите, да не судимы будете»	24
Культ Вождя, отлитый в золоте: Институциональный облик высшей советской награды	24
Сталинская премия глазами человека моего поколения:	33
Архивный след и проблема источников	
Между «относительно хорошим» и «абсолютно хорошим»:	42
Комитет по Сталинским премиям в поисках «выдающихся произведений»	
Глава вторая. 1934–1940	53
«Нас вырастил Сталин...»: На подступах к оформлению соцреалистического канона	53
Необходимость «выбирать»: Сталинский любимец в литературных декорациях	58
«Количество премий – элемент формальный...»: Обретение соцреалистического многообразия	68
Глава третья. 1941–1945	89
Война институций: Союз советских писателей и Всесоюзный комитет по делам искусств в 1940-е годы	94
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Дмитрий Цыганов

Сталинская премия по литературе.

Культурная политика и

эстетический канон сталинизма

УДК 821.02(47+57)«194/195»Социалистический реализм

ББК 83.3(2)631-003.3

Ц94

Дмитрий Цыганов

Сталинская премия по литературе: Культурная политика и эстетический канон сталинизма / Дмитрий Цыганов. – М.: Новое литературное обозрение, 2023.

Вопрос об эстетическом каноне сталинской эпохи и смежная с ним проблема взаимодействия эстетики и политики в послевоенном СССР – центральные и вместе с тем самые малоисследованные фрагменты культурной истории «малого» XX века. С помощью каких институций и учреждений обеспечивалось сообщение между политической и эстетической сферами? Какую роль в этом процессе играла Сталинская премия в области литературы и искусства? Книга Дмитрия Цыганова – это первое исследование, целиком построенное на архивных источниках и содержащее подробное описание и всесторонний анализ институционального облика Сталинской премии по литературе. Автор не только рассматривает детали работы Комитета по Сталинским премиям и нюансы присуждения наград, но и реконструирует ключевые культурные тенденции, которые определили динамику развития соцреалистического литературного проекта. Показывая сложное взаимовлияние различных институтов, формировавших канон сталинской эпохи, исследователь уводит читателя от упрощающей схематичности и предлагает ему более комплексное представление о литературном процессе 1930-х – начала 1950-х годов. Дмитрий Цыганов – филолог, историк культуры, научный сотрудник ИМЛИ РАН.

ISBN 978-5-4448-2323-7

© Д. Цыганов, 2023

© С. Тихонов, дизайн обложки, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

Введение. Соцреализм в отдельно взятой стране

В письме к Л. М. Кагановичу от 15 августа 1934 года И. В. Сталин написал: «Надо разъяснить всем литераторам-коммунистам, что хозяином в литературе, как и в других областях, является только ЦК и что они обязаны подчиняться последнему беспрекословно»¹. Эта фраза наиболее точно характеризует специфику историко-литературного процесса сталинской эпохи. Объем того влияния, которое лично Сталин и ряд приближенных к нему членов Центрального комитета партии оказывали на литературное производство 1930-х – начала 1950-х годов, отнюдь не исчерпывается частными санкциями и точечными вмешательствами в общий ход культурного развития: в отношении к сложившейся в Советском государстве ситуации можно говорить о целенаправленном и инициированном высшими структурами власти воздействии на формирование соцреалистического канона сталинской культуры. Механизмами, посредством которых проводилась эта культурная политика, стали многочисленные институты и учреждения (творческие союзы и объединения, съезды писателей, Литературный фонд Союза ССР², «городок писателей» Переделкино³, читатель и писатель как основные институты сталинской культуры, школы и университеты (в том числе основанный в 1933 году Вечерний рабочий литературный университет⁴), «толстые» литературно-художественные журналы и разнообразные газеты, Сталинская премия, литературная критика, цензура и «теория социалистического реализма», составлявшая ведущую отрасль «советского литературоведения»); их совокупность стала ключевым контекстом оформления сталинского культурного канона. Неравномерный характер протекания этого процесса особенно ощутим при сопоставлении хронологически дистанцированных этапов развития режима: полученный в первой половине 1930-х годов⁵ и очевидно ослабевший к 1936–1938 годам импульс литературного развития к концу десятилетия вновь набирает силу, однако, будучи прерванным начавшейся войной и довольно краткосрочным периодом послевоенного восстановления, достигает апогея уже в период позднего сталинизма, когда и происходит окончательное складывание культурного канона социалистического реализма. Наметившиеся незадолго до судьбоносного XIX съезда партии (октябрь 1952 года) деструктивные тенденции, обозначившие необходимость скорейшей переориентации литературного процесса и как бы завершившие послевоенную «литературу метрополии», позволяют значительно сузить хронологические рамки рассмотрения, сосредоточившись на периоде 1940-х – начала 1950-х годов и лишь отчасти привлекая материал, относящийся к ближайшему по времени контексту. Кроме того, в этот же временной промежуток укладывается 14-летняя (1940–1953) история функционирования института Сталинской премии в области литературы и искусства, чьей роли в формировании послевоенного

¹ Шифротелеграмма И. В. Сталина Л. М. Кагановичу, 15 августа 1934 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 83. Л. 67. Подробнее о предыстории сталинского тезиса см.: Юрганов А. Л. Как товарищ Сталин стал руководить литературным фронтом // Россия и современный мир. 2017. № 3 (96). С. 200–221.

² С 23 сентября 1940 года Литфонд Союза ССР лишился прежней автономности и был передан в ведение Комитета по делам искусств при Совнаркоме СССР.

³ См.: Талавер А. В. Писательский поселок Переделкино как утопия управляемого творчества // Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности. СПб., 2014. С. 177–182; Кознова А. А. 1) У истоков «Городка писателей» в Переделкине // Знамя. 2022. № 1. С. 172–194; 2) Переделкино 1936–1940 годов: Первые поселенцы // Новый мир. 2022. № 5. С. 151–163.

⁴ Осенью 1939 года ВРЛУ был реорганизован в дневное учебное заведение и стал называться Литературным институтом Союза советских писателей.

⁵ Неслучайно Х. Гюнтер определяет в качестве центральных в истории критики первой половины 1930-х годов именно «процессы канонизации» (см.: Гюнтер Х. Советская литературная критика и формирование эстетики соцреализма: 1932–1934 // История русской литературной критики: Советская и постсоветская эпохи. М., 2011. С. 251). Ключевым в процессе упорядочения литературного поля событием может быть назван Первый Всесоюзный съезд советских писателей, состоявшийся в августе 1934 года.

соцреалистического канона и – шире – месту в системе литературного производства и посвящено это исследование.

***

Говорить об исчерпывающем и относительно полном обзоре работ, посвященных проблеме «основного метода советской художественной литературы и литературной критики», на сегодняшний день не приходится: о культуре сталинской эпохи в целом и о множестве ее частных аспектов написано такое количество исследований, что одна их библиография растянулась бы на сотни страниц. Условно весь этот массив текстов, руководствуясь сугубо хронологическим критерием, можно разделить на две части: теоретические работы, созданные в период с середины 1950-х до начала перестройки, и исследования, написанные в условиях дезинтеграции основных институтов Советского государства и определившие специфику современного освещения сталинской культуры в отечественной и зарубежной историографии.

Первая группа текстов по вполне понятным причинам характеризуется относительной однородностью: большинство из входящих в нее образцов не столько описывает соцреалистическую культуру сталинизма, сколько является ее закономерным продолжением, производной тех «теоретических» установок на «борьбу с формализмом в науке», которые оформились в советском литературоведении и критике в конце 1940-х – начале 1950-х годов. Зачастую работы, входящие в эту группу, создавались либо непосредственными современниками и участниками художественной жизни послевоенного периода, либо сотрудниками различных институций и людьми, чья деятельность так или иначе соотносилась с бюрократическим контекстом официального советского литературоведения. К этой группе можно отнести опубликованные ближе к середине 1950-х годов работы А. А. Фадеева⁶, Ф. В. Гладкова, В. В. Ермилова, Е. Ф. Книпович, В. А. Луговского, В. М. Озерова, П. А. Павленко, В. О. Перцова, А. К. Тарасенкова, А. Н. Толстого, К. А. Федина, М. С. Шагинян, Н. З. Шамоты⁷ и статьи многих видных функционеров Союза писателей или других институций, вовлеченных в литературное производство⁸. Вместе с тем авторы этих текстов ставили своей задачей не осмысление соцреалистической культуры сталинской эпохи, а ее приращение: совокупность подобных работ оформляла теоретическое поле, в пространстве которого разговор о соцреализме как об эстетической системе вообще становился возможным. Иначе говоря, происходила нормализация

⁶ На сегодняшний день роль Фадеева в становлении и «оправдании» соцреализма не изучена вовсе. Так, в статье О. В. Богдановой и А. В. Святославского 2022 года представлена попытка указать на необходимость решения этой проблемы и в то же самое время доказать и без того очевидный тезис о слабой теоретической базе советского официального искусства довоенного времени (см.: *Богданова О. В., Святославский А. В.* Александр Фадеев как теоретик социалистического реализма // *Русская словесность.* 2022. № 3. С. 47–54).

⁷ См., например: *Фадеев А. А.* 1) За тридцать лет: Избранные статьи, речи и письма о литературе и искусстве. М., 1957; 2) О литературном труде. М., 1961; *Гладков Ф. В.* О литературе: Статьи, речи, воспоминания. М., 1955; *Ермилов В. В.* 1) Самая демократическая литература мира. М., 1947; 2) Против реакционных идей в творчестве Ф. М. Достоевского: Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральной лектории Общества в Москве. М., 1948; 3) Избранные работы: В 3 т. М., 1955–1956; *Книпович Е. Ф.* В защиту жизни: Литературно-критические статьи. М., 1958; *Луговской В. А.* Раздумье о поэзии. М., 1960; *Озеров В. М.* 1) Творчество А. Фадеева. М., 1952; 2) Д. А. Фурманов: Критико-биографический очерк. М., 1953; 3) Проблема типичности в советской литературе: Лекции 1-я и 2-я. М., 1953; 4) Образ коммуниста в советской литературе: Литературно-критические очерки. М., 1954; 5) Некоторые вопросы социалистического реализма. М., 1958; 6) На путях социалистического реализма: Сб. статей. М., 1958; 7) Александр Фадеев: Творческий путь. М., 1960; *Павленко П. А.* Писатель и жизнь. М., 1955; *Перцов В. О.* 1) Подвиг и герой: Этюды о советской литературе. М., 1946; 2) Писатель и новая действительность. М., 1958; *Тарасенков А. К.* 1) Идеи и образы советской литературы. М., 1949; 2) О советской литературе: Сб. статей. М., 1952; 3) О поэзии М. Исаковского. М., 1954; 4) Статьи о литературе: В 2 т. М., 1958; *Алексей Толстой о литературе: Статьи, выступления, письма.* М., 1956; *Федин К. А.* Писатель, искусство, время. М., 1957; *Шагинян М. С.* Об искусстве и литературе. 1933–1957: Статьи и речи. М., 1958; *Шамота Н. З.* О художественности. М., 1954.

⁸ Зачастую тексты «литературных работников» объединялись в сборники, рассчитанные «не только на литераторов, но и более широкие круги читателей»; см., например: О писательском труде: Сб. статей и выступлений советских писателей. М., 1953 (2-е изд. – М., 1955).

теоретического дискурса, создававшая (пусть и в ограниченном пространстве Страны Советов) видимость единства и цельности соцреалистического художественного «метода», материально явленного в образцах сталинского искусства. Однако уже в 1930–1950-е годы преимущественно в критике эмиграции оформляется альтернативный господствующему взгляд на культуру эпохи сталинизма, ставящий под сомнение повсеместно тиражируемое утверждение о безальтернативности «основного метода советской художественной литературы и литературной критики» (А. Жданов). «Молодая» советская литература в русской эмигрантской литературной критике и теории явилась чуть ли не центральным объектом анализа и рефлексии, потеснив и классическое наследие XIX столетия, и даже вопрос о самоидентификации уехавших писателей. Интеллектуальному производству альтернативных точек зрения на литературную культуру сталинизма способствовала и весьма разветвленная институциональная сеть, включавшая кружки, периодику, издательства. Тем не менее, по точному замечанию Г. Тиханова, «фактически лишь три эмигрантских критика – Пильский, Слоним и Юрий Мандельштам – сумели в межвоенный период опубликовать книги новых критических статей и рецензий»⁹. Литературные критики в эмиграции, утверждая принципиальную разницу сложившихся культурных обстановок в сталинском Советском Союзе и за его пределами, как бы обретали право не только на независимые суждения и оценки, но и на самостоятельное определение иерархии, свободное выстраивание *внешней* концепции эстетического канона. Очевидно, что работы, написанные в таком ключе, не могли без известных последствий для их авторов публиковаться в Советском Союзе, поэтому подавляющая часть не встраивавшихся в санкционированный государством «литературоведческий» дискурс исследований создавалась и печаталась за пределами СССР. Так, в 1951 году вышло третье издание расширенных до формата 400-страничной книги сводных курсов по истории советской литературы Г. П. Струве на английском языке¹⁰. Эта книга «апостола антикоммунизма»¹¹ в Советском Союзе получила негативную оценку¹²; при этом Струве, наряду с другими «белоэмигрантами», оценивался не столько как историк литературы, сколько как американский «советолог». Позднее за рубежом выйдут и другие исследования, посвященные советскому литературному процессу 1930–1950-х годов, среди которых особенно выделялись книга М. Л. Слонима «Soviet Russian Literature: Writers and Problems»¹³ и опубликованная в 1971 году итоговая работа Г. Струве о литературе сталинского периода «Russian Literature under Lenin and Stalin 1917–1953»¹⁴, которая представляла расширенную редакцию упомянутого выше издания 1951 года. Помимо монографических трудов, на Западе в 1960-е годы появилось множество менее объемных работ по частным вопросам истории советской литературы¹⁵; именно они и послужили основанием для форми-

⁹ Тиханов Г. Русская эмигрантская литературная критика и теория между двумя мировыми войнами // История русской литературной критики. С. 339. Речь идет о следующих сборниках: Пильский П. Затуманившийся мир. Riga, 1929; Слоним М. Портреты советских писателей. Paris, 1933; Мандельштам Ю. Искатели. Шанхай, 1938. Однако объем написанного о русской литературе в эмиграции чрезвычайно велик, о чем свидетельствует хотя бы библиографическая статья О. Коростелева (см.: Коростелев О. А. Литературная критика русской эмиграции: Материалы к библиографии // Классика и современность в литературной критике русского зарубежья 20–30-х годов. 2004. № 1. С. 132–181).

¹⁰ См.: Struve G. Soviet Russian Literature 1917–1950. Norman, 1951. Первое издание книги Струве с таким же заглавием вышло в 1935 году и по очевидным причинам не могло включать анализа литературного процесса интересующего нас периода (см.: Struve G. Soviet Russian Literature. London, 1935). О литературоведческой деятельности Струве см. подробнее: Ланно-Данилевский К. Ю. Глеб Струве – историк литературы // Русская литература. 1990. № 1. С. 99–107.

¹¹ Именно так Г. Струве прозвучит в 1970-е годы; ср.: Беляев А. А. Глеб Струве – апостол антикоммунизма // Москва. 1971. № 5. С. 193–204.

¹² Ср. хотя бы характеристику работы «белоэмигранта» Струве в: История русской советской литературы. М., 1968. Т. 3. С. 92.

¹³ См.: Slonim M. Soviet Russian Literature: Writers and Problems. New York, 1964.

¹⁴ См.: Struve G. Russian Literature under Lenin and Stalin 1917–1953. Norman, 1971.

¹⁵ Подробную библиографию этих работ см. в: Ермолаева В. Н., Толстых В. И. Социалистический реализм и штампы буржуазной эстетики. М., 1967.

рования западной «советологии» как отдельной области исследований (уже в 1970-е годы в СССР – не без участия А. Л. Дымшица¹⁶ – за термином «советология» закрепится однозначно негативная коннотация). Первым русскоязычным текстом, поставившим под сомнение статус социалистического реализма как эстетической системы, стала статья А. Синявского «Что такое социалистический реализм»¹⁷, написанная под псевдонимом Абрам Терц в 1957 году. Вскоре ее автор был подвергнут жестоким, но вполне закономерным нападкам: в 1962 году в журнале «Иностранная литература» (№ 1) появилась статья его главного редактора Б. С. Рюрикова «Социалистический реализм и его „ниспровергатели“»¹⁸, где Терц объявлялся «эстетствующим рыцарем „холодной войны“», а два его текста – рассказ «Суд идет» (1956) и эссе о соцреализме – оценивались как «неуемные антисоветские фальшивки». Очевидно возросший к 1950-м годам теоретический уровень создававшихся на Западе исследований, взявших на вооружение «буржуазную» «антимарксистскую» методологию, провоцировал необходимость в создании советской эстетической теории, которая упрочила бы статус соцреализма как доминирующей художественной системы¹⁹. Первые попытки придать разговору о культурной обстановке сталинизма научный характер относятся к началу 1960-х годов.

Состояние теоретического осмысления соцреалистической культуры в 1960-е годы характеризовалось отходом от литературно-критических форм в сторону историко-литературной рефлексии: переместившиеся с журнальных на страницы академических изданий под грифом различных учреждений и институтов дискуссии о «методе» советской литературы исходили из положения о завершенности сталинского культурного проекта²⁰. Работы, созданные в этот период, свидетельствовали об окончательном выведении разговора о соцреализме за рамки соцреалистической художественной практики. Иначе говоря, дискурс о культурном производстве сталинизма перестал быть органической составляющей этого производства, несколько нейтрализовался, приобретая черты историчности²¹. Поэтому доминирующим направлением исследований литературного процесса первой половины XX века становилось (псевдо)академическое. В конце 1950-х – 1960-е годы начинают появляться многотомные издания по истории советской литературы²², а позднее – изрядное количество монографических работ²³, составляются и издаются курсы лекций по литературной истории и «теории соци-

¹⁶ В середине 1970-х в издательстве «Художественная литература» (!) появился сборник статей к тому времени уже умершего Дымшица «Нищета советологии и ревизионизма» (М., 1975).

¹⁷ Терц А. Что такое социалистический реализм. Париж, 1988 (машинописные копии этой статьи распространялись в самиздате уже в 1960-е годы).

¹⁸ См.: Рюриков Б. С. Социалистический реализм и его «ниспровергатели» // Технология неправды: Сб. статей. М., 1968. С. 9–28.

¹⁹ Характерную реакцию советской стороны на построения западных «советологов» – «„доброжелателей“ советского искусства» – см. в: Ермолаева В. Н., Толстых В. И. Социалистический реализм и штампы буржуазной эстетики. М., 1967.

²⁰ См. об этом: Кормилов С. И. Споры о методах советской литературы в критике и литературоведении 1960-х – первой половины 1980-х гг. // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2009. № 2. С. 24–38.

²¹ Ср. заглавия появлявшихся в 1960–1970-е годы работ: Иезуитов А. Н. Об историческом изучении социалистического реализма // Русская литература. 1965. № 2. С. 218–230; Сучков Б. Л. Исторические судьбы реализма: Размышления о творческом методе. М., 1967 (ранее именно Сучков заявил об «осознанности» историзма как о специфическом свойстве соцреализма; см.: Сучков Б. Л. Жизнеутверждающее искусство нового общества // Правда. 1963. № 279 (16500). 6 октября. С. 3); Александрова Л. П. Советский исторический роман и вопросы историзма. Киев, 1971.

²² См., например: Очерк истории русской советской литературы: В 2 т. М., 1954–1955; История русской советской литературы 1917–1957: В 3 т. М., 1958–1961 (2-е изд.: История русской советской литературы 1917–1965: В 4 т. М., 1967–1971); История русской советской литературы. М., 1974; История советской многонациональной литературы: В 6 т. М., 1970–1974.

²³ См., например: Ломидзе Г. И. Единство и многообразие: вопросы национальной специфики советской литературы. М., 1957; Эльсберг Я. Е. О бесспорном и спорном: Новаторство социалистического реализма и классическое наследие. М., 1959; Социалистический реализм и классическое наследие (Проблема характера). Советский роман: Очерки. М., 1963; Тимофеев Л. И. Советская литература: Метод, стиль, поэтика. М., 1964; Муратова К. Д. Возникновение социалистического реализма в русской литературе. М.; Л., 1966; Ломидзе Г. И. Пути развития советской многонациональной литературы. М., 1967; Андреев Ю. А. Революция и литература: Октябрь и гражданская война в русской советской литературе и становление социалистического реализма (20–30-е гг.). Л., 1969; Петров С. М. Возникновение и формирование социалистического реализма. М., 1970;

алистического реализма»²⁴, проводятся конференции по «актуальным проблемам» советской литературы и литературоведения, материалы которых также публикуются в формате сборников²⁵. Однако, несмотря на укрепившееся в гуманитарной среде и в известной степени поддержанное хрущевским докладом 1956 года ощущение относительной свободы слова в исследовании литературного процесса сталинской эпохи, многие литературоведы и историки, вопреки открывшимся перед ними возможностям, обратились к хронологически более раннему периоду советской культуры – к 1920-м годам. Этот парадокс во многом объясняется стремлением исследователей сохранить память о старательно уничтожавшейся в сталинском СССР культуре «нэповской оттепели»²⁶, характеризовавшейся относительной свободой творческих дискуссий и полемик по вопросам эстетики. Тогда и выходят основополагающие работы по истории литературы и литературной критики досталинского периода: публикуются книги Г. А. Белой, Е. Б. Скороспеловой, М. О. Чудаковой и других²⁷. Это направление, расцвет которого пришелся на перестроечную эпоху, ставило своими задачами, прежде всего, расширение поля фактического материала (с чем связана активная публикаторская работа, благодаря которой в научный оборот был введен внушительный массив материалов о художественной жизни 1920–1930-х годов²⁸) и проблематизацию отдельных тематических участков историко-литературного процесса. В позднесоветский период развитие этой тенденции серьезно осложнялось тем, что в теоретической мысли наметилась апологетическая линия, со временем ставшая доминирующей в пространстве дискуссий о социалистическом реализме в 1970-е – первую половину 1980-х годов²⁹. В известной степени этот откат к оправдательной риторике стал возможным благодаря усилиям представителей академической бюрократии, в итоге монополизировавшей сферу до того времени сравнительно свободного изучения официальной культуры 1930–1950-х годов. Позиции ведущих специалистов заняли академик АН СССР, президент

Шешуков С. И. Неистовые ревнители: Из истории литературной борьбы 20-х гг. [М.], 1970; *Гей Н. К., Пискунов В. М.* Художественное богатство литературы социалистического реализма. М., 1971; *Гура В. В.* Роман и революция: Пути советского романа 1917–1929. М., 1973; *Иезуитов А. Н.* Социалистический реализм в теоретическом освещении. Л., 1975; *Акимов В. М.* В спорах о художественном методе: Из истории борьбы за социалистический реализм. Л., 1979.

²⁴ См., например: Лекции по истории русской советской литературы: В 4 кн. М., 1951–1955; История русской советской литературы: Курс лекций. М., 1958; Курс лекций по теории социалистического реализма. М., 1973.

²⁵ См., например: Творческий метод: Сб. статей. М., 1960; Проблемы социалистического реализма: [Сб. статей]. М., 1961; Социалистический реализм в литературе народов СССР. М., 1962; Советское литературоведение за пятьдесят лет: Сб. статей. М., 1967; Советская литература и новый человек: Сб. статей. М., 1967; Технология неправды: Сб. статей. М., 1968; Актуальные проблемы социалистического реализма: Сб. статей. М., 1969; Часть общего дела: Проблемы советской литературы. М., 1969; Проблемы художественной формы социалистического реализма: В 2 т. М., 1971; Литература созидания и борьбы. Социалистический реализм сегодня: Сб. статей. М., 1973; Актуальные проблемы советской литературы (Методологические и методические аспекты их изучения в социалистических странах). М., 1977; Социалистический реализм сегодня: Сб. статей. М., 1977; Советский роман. Новаторство, поэтика, типология: Сб. статей. М., 1978.

²⁶ Это обозначение предложено Н. В. Корниенко; см.: *Корниенко Н. В.* «Нэповская оттепель»: Становление института советской литературной критики. М., 2010.

²⁷ См., например: *Белая Г. А.* 1) Закономерности стиливого развития советской прозы двадцатых годов. М., 1977; 2) Из истории советской литературно-критической мысли 20-х гг.: Эстетическая концепция «Перевала». М., 1985; 3) Дон-Кихоты 20-х гг.: «Перевал» и судьба его идей. М., 1989; 4) О внутренней свободе художника: Из опыта критической мысли 20-х гг. // Контекст: Литературно-критические исследования. М., 1989. С. 128–157; *Скороспелова Е. Б.* 1) Идеино-стилевые течения в русской советской прозе первой половины 20-х гг. М., 1979; 2) Русская советская проза 20–30-х гг.: Судьбы романа. М., 1985; *Чудакова М. О.* 1) Мастерство Юрия Олеши. М., 1972; 2) Поэтика Михаила Зощенко. М., 1979; 3) Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988; 4) Без гнева и пристрастия: Формы и деформации в литературе 20–30-х гг. // Новый мир. 1988. № 9. С. 240–260; 5) Сквозь звезды к терниям: Смена литературных циклов // Новый мир. 1990. № 4. С. 242–262; *Кищинская Л. А.* Борьба за теоретические основы советской журнальной критики: 1917–1932. Свердловск, 1967; *Бузник В. В.* Русская советская проза двадцатых годов. Л., 1975; *Филлимонов О. В.* Время поиска и обновления: Из истории советской литературной критики: 20-е гг. М., 1989.

²⁸ См., например: Из истории советской эстетической мысли, 1917–1932: Сб. материалов. М., 1980; Русская советская художественная критика. 1917–1941. М., 1982; Из советской литературной критики 20-х гг. М., 1987; Судьбы русской интеллигенции: Материалы дискуссий 1923–1925 гг. Новосибирск, 1991.

²⁹ См. об этом: Отказаться ли нам от социалистического реализма? «Круглый стол» «Литературной газеты» // Избавление от миражей: Соцреализм сегодня. М., 1990. С. 373–380, 402–412.

(1970–1986) Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы М. Б. Храпченко, директор (1968–1974) ИМЛИ Б. Л. Сучков, заведующий Отделом советской литературы (1941–1970) ИМЛИ Л. И. Тимофеев, заведующий кафедрой истории советской литературы (1952–1985) филологического факультета МГУ А. И. Метченко, заведующий кафедрой советской литературы (1962–1972) ЛГУ П. С. Выходцев, главный редактор (1959–1978) журнала «Вопросы литературы» В. М. Озеров, член-корреспондент АН СССР В. В. Новиков, а также заведующий сектором ПСС М. Горького в ИМЛИ (1965–1988) А. И. Овчаренко³⁰ и ряд других партийных функционеров от литературоведения.

Конец 1980-х годов стал во всех отношениях переломным периодом: «поминками по советской литературе»³¹ ознаменовано рождение окончательно отошедшего от жесткой идеологической регламентации подлинно научного дискурса, предметом которого стала сталинская соцреалистическая культура. Именно в те годы начали появляться исследования, радикальным образом пересматривавшие подход к официальному советскому искусству сталинского периода и выводившие разговор о соцреализме за рамки оценочности, равно отдаляясь как от чрезмерно патетических восклицаний о его «передовом характере», так и от огульного поругания, по выражению А. Терца, «мертворожденного» «полуискусства не слишком социалистического совсем не реализма». Эти тексты, которые спешно и массово появлялись с 1989–1990 годов, положили начало второй выделенной нами группе исследований; первым в ряду таковых оказался вышедший в 1990 году 400-страничный сборник под заглавием «Избавление от миражей: Соцреализм сегодня» (М.: Советский писатель, 1990). Общая установка авторов, чьи статьи были собраны Е. А. Добренко в этом полемическом по характеру представленных позиций томе, определяется «необходимостью избавления от догм и нормативности, от стереотипов и голословных, беспочвенных посылок» в разговоре о соцреализме³². Несмотря на характерные для абсолютного большинства изданий той поры методологическую неопределенность (в предисловии она названа «объемным зрением»), ангажированность выводов и публицистичность их изложения, этот сборник по праву может считаться первым специализированным изданием, посвященным официальному искусству сталинизма³³. Кроме того, в издании освещена поле-

³⁰ См., например: Храпченко М. Б. 1) Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. М., 1970; 2) Художественное творчество, действительность, человек. М., 1976; 3) Горизонты художественного образа. М., 1982; 4) Познание литературы и искусства: Теория. Пути современного развития. М., 1987. Интересна характеристика, которую В. В. Виноградов давал «научной» деятельности Храпченко. Л. И. Скворцов вспоминал: «Про академика Храпченко и его „науку“ язвительный В[иктор] В[ладимирович] говорил мне так: „Удивительная эта наука – наше литературоведение! Вот мне Михаил Борисович [Храпченко] сказал на днях, что едет в творческий отпуск в наш дом отдыха ‘Узкое’ на 20 дней, чтобы написать там книгу в 20 печатных листов. Как это можно (В. В. картинно удивлялся, разводя руки), как можно написать за 20 дней книгу в 20 печатных листов? Какая же это наука?“» (цит. по: Скворцов Л. И. Наставники – соратники — друзья: О тех, кто нас учил // Моховая, 9–11. Судьбы, события, память. М., 2010. С. 173). Сучков Б. Л. Исторические судьбы реализма: Размышления о творческом методе. М., 1967. Тимофеев Л. И. 1) Советская литература: Метод, стиль, поэтика. М., 1964; 2) Советская литература и художественный прогресс // Новый мир. 1973. № 11. С. 254–263. Метченко А. И. 1) Завещано Горьким: Роль А. М. Горького в развитии социалистического реализма. М., 1969; 2) Кровное, завоеванное: Из истории советской литературы. М., 1971; 3) Мудрость художника: О творчестве М. А. Шолохова. М., 1976. Под редакцией Метченко в его бытность заведующим кафедрой вышло также несколько учебников по советской литературе для студентов-филологов. Выходцев П. С. 1) Русская советская поэзия и народное творчество. М.; Л., 1963; 2) Новаторство. Традиции. Мастерство. Л., 1973; 3) В поисках нового слова: Судьбы русской советской поэзии 20–30-х гг. XX в. М., 1980; 4) Земля и люди: Очерки о русской и советской поэзии 40–70-х гг. М., 1984. Озеров В. М. 1) Полвека советской литературы. М., 1967; 2) Литературно-художественная критика и современность. М., 1972. Новиков В. В. 1) Художественная правда и диалектика творчества. М., 1971; 2) Движение истории – движение литературы: Наследие и стилевое богатство современной советской литературы. М., 1979. Овчаренко А. И. 1) Социалистическая литература в современных спорах. М., 1972; 2) Социалистическая литература и современный литературный процесс. М., 1973; 3) Социалистический реализм: Проблемы, анализ произведений, споры. М., 1977; 4) Большая литература: Основные тенденции развития советской художественной прозы 1945–1985 гг.: В 3 т. М., 1985. См. также: К истории партийной политики в области литературы (Переписка И. Гронского и А. Овчаренко) // Вопросы литературы. 1989. № 2. С. 143–166.

³¹ Именно такое заглавие имела статья Виктора Ерофеева, опубликованная в «Литературной газете» 4 июля 1990 года (№ 27 (5301)). С. 8).

³² См.: Избавление от миражей: Соцреализм сегодня. М., 1990. С. 4.

³³ Уже в наши дни Добренко признается: «...назвать дискуссии эпохи перестройки полноценными нельзя. Это было ско-

мика о соцреализме, развернувшаяся в публицистике конца 1980-х годов³⁴. В том же году в «Новом мире» (1990. № 2) появилась статья Добренко «Фундаментальный лексикон: Литература позднего сталинизма», об основных положениях которой мы еще скажем особо.

Начало проблематизации теории и культурной практики социалистического реализма в постсоветской науке было положено в № 1 журнала «Вопросы литературы» за 1992 год, имевшем подзаголовок «Тоталитаризм и культура» (основной раздел состоял из десяти статей российских и западных исследователей и примыкавшего к ним эссе А. Камю «Бунт и рабство»)³⁵. В этом же году вышла монография М. М. Голубкова «Утраченные альтернативы: Формирование монистической концепции советской литературы. 20–30-е годы» (М., 1992), где автор предложил взгляд на соцреализм через призму общих тенденций историко-литературного процесса первой половины XX века. Все стремительнее возраставший интерес к деидеологизированному изучению тоталитарного искусства сталинизма привел к появлению первопроходческого сопоставительного³⁶ исследования И. Н. Голомштока «Totalitarian Art in the Soviet Union, the Third Reich, Fascist Italy, and the People's Republic of China» (London, 1990), в 1994 году переведенного на русский язык и напечатанного под названием «Тоталитарное искусство» (М., 1994). В нем ученый выстраивает убедительную концепцию генетической связи художественных практик четырех стран, где тоталитаризм, с его точки зрения, в XX веке возымел значение определяющей политико-эстетической тенденции. В этом же направлении А. А. Георгиев рассматривает организацию советских творческих союзов как одну из стратегий насаждения в СССР тоталитарной идеологии и эстетики³⁷. Обсуждая понятие «тоталитаризм», Л. Д. Гудков пишет о том, что «к середине 1990-х годов интерес к данной концепции заметно ослабел, само понятие к этому времени уже исчезло из публицистики»³⁸. И действительно, в конце 1990-х годов наблюдается снижение интереса к обобщающим работам теоретической направленности³⁹, а внимание ученых все чаще привлекают частные вопросы (стремление к формату case studies). На первый план выдвигаются исследования, осмысляющие ранее недоступный для ученых материал. Неслучайно именно в этот период появляются «Писатели и цензоры: Советская литература 1940-х годов под политическим контролем ЦК»⁴⁰ (М., 1994) Д. Л. Бабиченко,

---

рее прощупыванием почвы: насколько далеко можно было продвинуться в критике. Говорили тогда все, по сути, одно: надо ломать старый каркас истории русской литературы XX века, долой сталинские схемы, да здравствует „настоящая“, „возвращенная“, „потаенная“, „великая“ литература. Напор этот был настолько сильным, что смолкли даже записные обскуранты, поняв, что пришло какое-то невероятное время. Помню, каких трудов мне стоило найти кого-нибудь, кто заступился бы за „метод“: для „дискуссии“ нужны были „разные точки зрения“... разности достичь между тем было невозможно. По существу, разными были лишь степени отрицания ненавистного соцреализма» (Добренко Е. А. Читая сталинизм: Сталинская культура как исследовательское поле // Новое литературное обозрение. 2022. № 6 (178). С. 105).

³⁴ Подробнее о литературно-критической обстановке 1980-х годов см.: *Кормилов С. И.* Прощание с соцреализмом: Споры в критике второй половины 1980-х гг. о методах советской литературы // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2010. № 1. С. 18–31.

³⁵ Подробный анализ вошедших в номер публикаций см. в диссертации Д. Земсковой, выполненной под руководством проф. М. М. Голубкова: *Земскова Д. Д.* Советский производственный роман: Эволюция и художественные особенности жанра: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. С. 14–21.

³⁶ Позднее разработанный Голомштоком подход будет использован в объединившем русскоязычных и иностранных ученых издании: *За рамками тоталитаризма: Сравнительные исследования сталинизма и нацизма.* М., 2011.

³⁷ *Георгиев А. А.* Творческие союзы СССР как элементы тоталитарной системы (1932–1941 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999.

³⁸ *Гудков Л. Д.* «Тоталитаризм» как теоретическая рамка: Попытки ревизии спорного понятия // Гудков Л. Д. Негативная идентичность: Статьи 1997–2002 годов. М., 2004. С. 371. Все чаще западные ученые начинают говорить не о тоталитаризме, а о сталинизме; см., например: *Kotkin S.* Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley, 1995. См. также: *Эпоха Иосифа Сталина в России: Современная историография.* М., 2009. Подробнее о соотношении тоталитаризма и сталинизма см.: *Кацис Л. Ф.* «Тоталитаризм» Ханна Арентд в современных спорах о гитлеризме и сталинизме // Поиск. Альтернативы. Выбор. 2016. № 3. С. 104–145.

³⁹ Но их поток не иссякает полностью. Например, в 1995 году выходит сборник статей «Знакомый незнакомец: Социалистический реализм как культурная проблема».

⁴⁰ После публикации монографии Бабиченко представил ее основные положения в виде доклада (см.: *Бабиченко Д. Л.* ЦК ВКП(б) и советская литература: Проблемы политического влияния и руководства. 1939–1946: Дис. ... канд. ист. наук в виде

«Писатель и власть» (М., 1996) Н. Н. Примочкиной, «Русская литературная критика 1930-х годов: Критика и общественное сознание эпохи» (СПб., 1997) В. В. Перхина, «Формовка советского читателя: Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы» (СПб., 1997) и «Формовка советского писателя: Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры» (СПб., 1999) Е. А. Добренко, «Сумбур вместо музыки: Сталинская культурная революция, 1936–1938» (М., 1997) Л. В. Максименкова, «Сталин: Власть и искусство» (М., 1998) Е. С. Громова.

Но уже в 2000 году в издательстве «Академический проект» под редакцией Е. Добренко и Х. Гюнтера вышел 1000-страничный труд – сборник статей «Соцреалистический канон», в своих методологических установках последовательно развивающий, реактуализирующий те исследовательские стратегии, которые наметились еще в упомянутом выше номере «Вопросов литературы» и к тому моменту отчетливо были резюмированы И. Голомштоком. Изданию сборника предшествовала работа пяти научных конференций в Университете и Центре междисциплинарных исследований германского Билефельда в 1994–1998 годах. Издание это уже в момент своего появления вызвало известный резонанс в научном сообществе: с того момента ни одно (!) исследование, посвященное советскому официальному искусству эпохи сталинизма, не обходится без ссылок на этот труд. Масштаб «Соцреалистического канона» настолько потряс ученых как широтой привлеченного материала, так и неожиданностью ракурсов, что от их внимания ушел один принципиально важный момент: собственно, о *каноне* сталинского искусства в этом сборнике почти ничего не сказано. А немногочисленные высказанные Х. Гюнтером соображения о характере и объеме понятия канона в отношении к советской культуре при их критическом осмыслении недвусмысленно демонстрируют несостоятельность.

Спустя некоторое время в научном сообществе наметилась тенденция к переосмыслению взгляда на советскую официальную культуру, оформившегося в работах авторов «Соцреалистического канона». Одним из первых скептических откликов стала книга М. М. Голубкова «Русская литература XX в.: После раскола» (М., 2001), в которой ученый, учитывая опыт западных славистов, предложил свой взгляд на проблему социалистического реализма, противопоставив «нейтральный стиль» официальной культуры «новому реализму» русской прозы XX столетия⁴¹. А уже в 2003 году в свет вышла монография профессора МГУ Е. Б. Скороспеловой «Русская проза XX в.: от А. Белого („Петербург“) до Б. Пастернака („Доктор Живаго““), где соцреализму посвящен раздел «Литература социалистического выбора: Мифотворчество советской эпохи». В нем последовательно проводится дифференциация «социалистического реализма», основанного на властной интенции, и литературы «социалистического выбора», создавшей и оформившей, по Скороспеловой, «советскую мифологическую систему»⁴². (Заметим, что такое деление хоть и несколько неудачно с терминологической точки зрения, но тем не менее во многом отвечает специфике соцреалистического канона, о чем мы еще скажем подробнее.)

Диаметрально противоположных взглядов на эстетическую значимость явления придерживается Добренко, критически отозвавшийся об основных положениях концепции Скороспеловой⁴³; он выдвинул тезис об «отсутствии (в эпоху сталинизма. – Д. Ц.) литературы»⁴⁴ как

научного доклада. М., 1995).

⁴¹ См.: Голубков М. М. Русская литература XX в.: После раскола. М., 2001. С. 130–174. См. также: Голубков М. М. О литературе социалистического реализма // Наука о литературе в XX в.: История, методология, литературный процесс. 2001. № 1. С. 245–262. Понятие «новый реализм» впервые в том же значении было употреблено Метченко в монографии «Кровное, завоеванное: Из истории советской литературы».

⁴² Подробнее о разнице во взглядах Скороспеловой и авторов «Соцреалистического канона» см.: Выгон Н. С. Два взгляда на историю русской литературы XX в. // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2004. № 6. С. 172–179.

⁴³ См.: Добренко Е. А. Сталинская культура: Двадцать лет спустя (Обзор) // Новое литературное обозрение. 2009. № 1 (95). С. 320–322.

⁴⁴ Там же. С. 321.

таковой. В монографии Добренко «Политэкономия соцреализма» (М., 2007), которая последовательно развивает систему теоретических установок более ранней его книги «Метафора власти: Литература сталинской эпохи в историческом освещении» (Мюнхен, 1993), предложена точка зрения на соцреализм (если попытаться ее метафорически сформулировать) как на механизм, работающий на *идеи* топлива: исследователь старательно проводит сомнительную мысль об изолированности литературного производства сталинизма от сугубо экономических вопросов распределения прибыли. Между тем этот аспект оказывается одним из ключевых в вопросе организации художественной жизни сталинского СССР⁴⁵. В последние годы все яснее наблюдается отход от больших обобщающих проектов, интерес к которым начал иссякать к концу 2000-х⁴⁶, в сторону частных разысканий в области советской официальной культуры первой половины прошлого столетия⁴⁷. В это время вышли сборник «Образ врага» (М., 2005) под редакцией Н. Конрадова, монография Т. А. Кругловой «Советская художественность, или Нескромное обаяние соцреализма» (Екатеринбург, 2005), были переведены работы Ш. Фицпатрик⁴⁸, напечатаны книга А. И. Куляпина и О. А. Скубач⁴⁹, местами спорный в методологическом отношении сборник статей В. Ю. Вьюгина «Политика поэтики: Очерки из истории советской литературы»⁵⁰, активно публиковались историко-документальные исследования в серии «История сталинизма»⁵¹, готовились учебные пособия⁵² и т. д. Отдельно стоит упомянуть фундаментальное двухтомное исследование В. В. Петелина «История русской литературы XX века»⁵³, которое явилось итогом многолетних историко-литературных и архивных разысканий автора. Между тем сомнителен тот ракурс, который автор выбирает для освещения весьма противоречивой культурной истории прошлого столетия, поэтому оба тома неоднородны в содержательном плане. Ценные и подчас весьма оригинальные наблюдения в них перемежаются псевдонаучными выкладками о великой тысячелетней культурной традиции России, о «коренной русской жизни» в духе почвеннического «юрродства», которым по сей день «славится» журнал «Наш современник». В 2015 году свет увидела книга О. И. Киянской и Д. М. Фельдмана «Очерки истории русской советской литературы и журналистики 1920-х – 1930-х годов», послужившая прологом к исследованию «Словесность на допросе: Следственные дела советских писателей и журналистов 1920–1930-х годов», увидевшему свет в 2018 году⁵⁴. В этих

⁴⁵ См. об этом: *Илюхов А. А.* Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М., 2010.

⁴⁶ Финальным всплеском такого интереса стало появление сборников «Советское богатство: Статьи о культуре, литературе и кино» (СПб., 2002) и «Советская власть и медиа» (СПб., 2006).

⁴⁷ Закономерным следствием этого отхода стало появление весьма сомнительных концептуальных построений, основывающихся не на анализе фактического материала, а на обсуждении ранее высказанных в специальной литературе гипотез; см., например: *Булавка Л. А.* Социалистический реализм: Превратности метода. Философский дискурс. М., 2007. Подобные работы больше подходят на аннотированные библиографии, а не на самостоятельные исследования сталинской культуры.

⁴⁸ См., например: *Фицпатрик Ш.* 1) Сталинские крестьяне: Социальная история Советской России в 30-е гг.: Деревня. М., 2001; 2) Повседневный сталинизм: Социальная история Советской России в 30-е гг.: Город. М., 2001; 3) Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX в. М., 2011.

⁴⁹ См.: *Куляпин А. И., Скубач О. А.* Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи. М., 2013.

⁵⁰ См.: *Вьюгин В. Ю.* Политика поэтики: Очерки из истории советской литературы. СПб., 2014.

⁵¹ См., например: *Культура и власть в СССР. 1920–1950-е гг.: Материалы IX междунар. конференции.* М., 2017.

⁵² Так, на филологическом факультете МГУ было подготовлено несколько изданий, посвященных литературному процессу минувшего столетия, среди которых: *История русской литературы XX века. 20–50-е годы: Литературный процесс.* М., 2006; *История русской литературы XX века. 20–90-е годы: Основные имена.* М., 2008. В 2014 году в свет вышло двухтомное учебное пособие для бакалавров-филологов под редакцией Н. Л. Лейдермана, М. Н. Липовецкого и М. А. Литовской (см.: *Русская литература XX века: 1930-е – середина 1950-х годов: В 2 т.* М., 2014). Этот учебник сразу же приобрел статус полноценного научного издания.

⁵³ См.: *Петелин В. В.* 1) История русской литературы XX века. М., 2012. Т. 1: 1890-е гг. – 1953 г.; 2) История русской литературы XX века. М., 2012. Т. 2: 1953–1993 г.

⁵⁴ *Киянская О. И., Фельдман Д. М.* 1) Очерки истории русской советской литературы и журналистики 1920-х – 1930-х годов: Портреты и скандалы. М., 2015; 2) Словесность на допросе: Следственные дела советских писателей и журналистов

работах внимание сосредотачивается на неочевидных контекстах сложных и подчас парадоксальных отношений советской власти и некогда «выброшенных» из историко-литературного процесса писателей.

Не менее значимым событием в области изучения культурной истории сталинской эпохи стало появление в 2011 году в издательстве Гарвардского университета работы К. Кларк «Moscow, the Fourth Rome: Stalinism, Cosmopolitanism, and the Evolution of Soviet Culture, 1931–1941», явившейся продолжением ее публикации 1995 года «Petersburg, Crucible of Cultural Revolution». Обе книги переведены на русский язык и опубликованы в 2018 году. В 2020-м в издательстве «Новое литературное обозрение» вышло двухтомное исследование Е. Добренко «Поздний сталинизм: Эстетика политики», общий объем которого составляет более полутора тысяч страниц. Такой масштаб позволяет слависту не только попытаться легитимировать применение им метода аналитики «политической тропологии соцреализма» (этот метод в зачаточном виде предложен уже в упомянутой монографии 1993 года, которая не случайно озаглавлена «Метафора власти»), но и на частных примерах проиллюстрировать ключевой аспект своего труда, состоящий в определении позднесталинского периода как времени создания «советского человека» и «советской нации» в целом. Большая форма дает читателю возможность ознакомиться с методом работы Добренко над материалом. Прочтение столь объемного труда на фоне множества ранее написанных исследований позволяет говорить, что ученый прибегает к приему компиляции фактов, ранее отмеченных в специальной литературе. Иначе говоря, «Поздний сталинизм» – в большей степени результат обобщения и систематизации материала, а не специальных разысканий в первоисточниках (как архивных, так и литературных). Приоритет в двухтомнике отдан историческому и социально-политическому планам⁵⁵, тогда как культура во многом мыслится как производная от идеологии. Почти полностью игнорирует Добренко и институциональную сторону культурного производства позднесталинского периода (о Сталинской премии говорится лишь в контексте обсуждения «Молодой гвардии»⁵⁶). Новинками 2022 года стали книга А. Васькина «Повседневная жизнь советских писателей от оттепели до перестройки» (М., 2022), явившаяся своеобразным сиквелом к исследованию В. Антипиной 2005 года⁵⁷, и внушительный том «Госсмех: Сталинизм и комическое» (М., 2022), написанный Е. Добренко в соавторстве с Н. Джонссон-Скрадоль и опубликованный сначала по-английски (New York, 2022), а затем и по-русски. Если первое исследование ориентировано на массового читателя и не претендует на статус научного, то второй труд представляет собой попытку ученых осмыслить сталинскую культуру через трансформации комического и изменение функций смешного в сталинизме. Однако «Госсмех» лишен единого сюжета и является скорее тяготеющим к всеохватности и методологически разобренным «собранием пестрых глав», чем образцом многостороннего фундаментального исследования сталинской массовой культуры.

На фоне этого внушительного корпуса научных и кажущихся научными сочинений доля тех, которые имеют своим предметом соцреалистическое искусство как особый канон, оказывается едва ли не самой скудно представленной. Не изучена и институциональная сторона советского культурного производства. Предпринимаемые в актуальной литературе попытки анализа институционального комплекса сталинской культуры неудовлетворительны

1920–1930-х годов. М., 2018.

⁵⁵ О явном смещении интересов ученых в эту область говорит и появление перевода работы Ш. Фишпатрик 2015 года (см.: *Фишпатрик Ш.* Команда Сталина: Годы опасной жизни в советской политике. М., 2021).

⁵⁶ Интересно, что и в этом случае Добренко основывается на сборнике материалов по истории Сталинской премии, подробнее о котором мы еще скажем отдельно. Специальных разысканий в области истории институции исследователь не проводит, ограничиваясь трансляцией ранее полученных выводов и последующей их концептуализацией в нужном для подтверждения собственных идей направлении.

⁵⁷ См.: *Антипина В. А.* Повседневная жизнь советских писателей, 1930–1950-е гг. М., 2005. Монография Антипиной выросла из текста одноименной кандидатской диссертации, защищенной в ноябре 2005 года в МГПУ.

как с точки зрения скудности привлекаемых фактических сведений, так и с позиции методологии: доминирующим подходом оказывается «теория поля» П. Бурдьё, попросту не приспособленная для анализа тоталитарно ориентированной культуры⁵⁸. Закономерности, выведенные Бурдьё из анализа принципиально иной (!) историко-культурной ситуации, не работают на советском материале. Так, творческая репутация М. А. Булгакова не может быть объяснена в терминах «теории поля»: безусловно талантливый писатель, временами имевший возможность публиковать собственные тексты, – автор любимой пьесы Сталина, с которым он не только созванивался, но и, по воспоминаниям современников, встречался лично, тем не менее приобрел репутацию опального писателя, не став советским «классиком».

До сегодняшнего дня не становились предметом специального историко-литературного исследования «толстые» литературно-художественные журналы периода позднего сталинизма как институциональное ядро советской литературы. Вообще, издательский процесс сталинской эпохи изучен крайне слабо: современная наука обладает минимумом сведений об организации книгоиздания в СССР в 1930–1950-е годы⁵⁹. Такое положение объясняется не только банальной невозможностью сформировать представление о выходящей в период сталинизма книжной продукции ввиду колоссальных объемов ее производства⁶⁰, но и известной брезгливостью многих специалистов, с позиции современности предпочитающих «высокую» (и зачастую непечатную) литературу «макулатуре» советских «классиков», печатавшейся тиражами в сотни тысяч экземпляров. В этом перекосе обнаруживает себя прагматически мотивированное нежелание понять культурную ситуацию первой половины прошлого столетия и, как следствие, определить эту «высокую» литературу как периферийную по отношению к сталинскому литературному проекту⁶¹.

Это малозначимое для компаративистских опытов или штудий по теоретической или исторической поэтике обстоятельство оказывается ключевым для историко-литературных разысканий: появление текста в периодическом издании (в газете, «толстом» литературном журнале или альманахе) и тем более его последующее издание отдельной брошюрой/книгой в реалиях сталинской эпохи оказывались фактами, свидетельствовавшими о признании автора писательским и партийным истеблишментом. Наиболее осмысленным на сегодняшний день оказывается лишь один из фрагментов этой большой темы – цензура и репрессивные механизмы недопущения «вредоносных» текстов до части читательской публики, чей круг чтения не определялся приматом «снабжения» и формировался, насколько это позволяла обстановка, самостоятельно. Однако и эта волнующая умы ученых тема разрабатывается лишь в тех направлениях, которые затрагивают «большие имена»; вопросы же, связанные с практиками производства и распределения печатной продукции, оказываются вне поля зрения специалистов.

⁵⁸ См., например: *Геллер Л., Боден А. Институциональный комплекс соцреализма // Соцреалистический канон: Сб. статей.* СПб., 2000. С. 289–319. Критика подобного подхода предлагалась раньше и С. Ловеллом – см.: *Lovell S. The Russian Reading Revolution: Print Culture in the Soviet and Post-Soviet Eras.* New York, 2000. P. 18–24.

⁵⁹ Такое невнимание исследователей к производственной стороне вопроса выглядит по меньшей мере странным на фоне внушительного корпуса источников, которые начали появляться уже в 1950-е годы. Именно тогда выходят книга А. И. Назарова «Очерки истории советского книгоиздательства» (М., 1952), сборник документов «О партийной и советской печати» (М., 1954), появляются библиографические работы Н. И. Мацуева. Позднее появилось и справочное издание «Книгоиздательство СССР: Цифры и факты. 1917–1987» (М., 1987).

⁶⁰ Только за 1946–1947 годы в СССР было издано 47 000 наименований книг общим тиражом 905 000 000 экземпляров.

⁶¹ Убедительнее всего о действительной расстановке сил на культурном поле тех лет позволяют судить письменно зафиксированные читательские отклики. 1 ноября 1958 года в «Литературной газете» (№ 131 (3942)) в разделе «Гнев и возмущение: Советские люди осуждают действия Б. Пастернака» под заголовком «Лягушка в болоте...» было опубликовано письмо старшего машиниста экскаватора Филиппа Васильцова из Сталинграда. В нем «возмущенный читатель» с вполне искренним, как кажется, недоумением отметил: «Газеты пишут про какого-то Пастернака. Будто бы есть такой писатель. Ничего о нем я до сих пор не знал, никогда его книг не читал. А я люблю нашу литературу – и классическую, и советскую. Люблю Александра Фадеева, люблю Николая Островского. <...> С детства читаю и люблю Михаила Шолохова. <...> А кто такой Пастернак?» (С. 3).

Исследования последних лет значительно сузили поле советской литературы как объект изучения, превратив в набор имен, случаев и редких контактов: фокус на периферийных для культурной обстановки первой половины прошлого столетия фактах сделал возможной ситуацию, когда из пространства художественной жизни исключаются центральные явления, а интересующие ученых сюжеты «вынимаются» из *нелитературного* окружения и компонуются в последовательно организуемые изолированные ряды или альтернативные «соцреалистической доктрине» потоки. Вместе с тем советская литература, если понимать ее как все, что написано и опубликовано советскими писателями (то есть членами писательских организаций всех уровней), существовала именно в пространстве *печатного* литературного процесса. Куда больше исследователей привлекают другие связанные с культурным производством сталинизма проблемы: вопрос о содержании термина «социалистический реализм»⁶², соотношение соцреалистического текста и действительности (проблема так называемого «соцреалистического мимесиса»)⁶³, трансформация отдельных жанровых структур⁶⁴, отражение и реактуализация официальных культурных практик сталинизма в более поздние исторические периоды⁶⁵ и др. Исходя из невозможности даже вскользь упомянуть каждое исследование, мы ограничимся приведенным выше перечнем работ, а также отметим, что качественные и интересные тексты (мы старались сосредоточиться именно на них) составляют меньшинство написанного о сталинской культуре, тогда как подавляющее большинство работ отмечено тривиальностью выводов, скудностью фактических и библиографических сведений и научным провинциализмом.

В 2009 году Х. Гюнтер, чьи труды стоят у истоков осмысления феномена соцреалистического канона, в статье «Пути и тупики изучения искусства и литературы сталинской эпохи»⁶⁶ охарактеризовал некоторые работы, с его точки зрения стоявшие у истоков «критического осмысления ушедшей сталинской эпохи» с позиции ее культурной обособленности, тяготения к оформлению в иерархически организованное целое. Эта отнюдь не единственная работа, содержащая анализ текстов об искусстве сталинского периода советской истории⁶⁷, ценна для нас именно тем, что в ней выразилось стремление автора к обобщению и систематизации опыта (преимущественно западных славистов) изучения советского культурного канона. Отчасти охарактеризованное выше колоссальное количество разысканий в частных областях сталинской соцреалистической культуры вполне отвечает логике, сформулированной М. Чудаковой

⁶² См., например: *Добренко Е. А.* Стилевое подсознательное соцреализма // *Русская литература XX в.: Направления и течения.* Екатеринбург, 1998. Вып. 4. С. 128–141; *Ревякина А. А.* «Социалистический реализм»: К истории термина и понятия // *Россия и современный мир.* 2002. № 4. С. 102–114; *Захаров А. В.* К вопросу о возникновении термина «Социалистический реализм» // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История.* 2006. № 1. С. 107–118; *Литовская М. А.* Социалистический реализм как «образцовый» творческий метод // *Филологический класс.* 2008. № 19. С. 14–21.

⁶³ См.: *Добренко Е. А.* Соцреалистический мимесис, или «Жизнь в ее революционном развитии» // *Соцреалистический канон.* С. 459–471; *Гаспаров Б. М.* Социалистический реализм в метафизическом измерении: (Возможна ли ложь художественного вымысла?) // *Новое литературное обозрение.* 2017. № 1 (143). С. 66–77.

⁶⁴ См.: *Добренко Е. А.* Судный день русской литературы. Пост-классический роман: Канон и трансгрессия // *Филологический класс.* 2020. Т. 25. № 3. С. 9–22.

⁶⁵ См.: *Прохоров А.* Унаследованный дискурс: Парадигмы сталинской культуры в литературе и кинематографе «Оттепели». СПб., 2007; *Сухих С. И.* Эволюция доктрины соцреализма во 2-й половине XX в. // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского.* 2013. № 2–1. С. 300–305 (эта статья, помимо методологической ущербности, характеризуется и наличием банальных фактических ошибок, одна из которых, например, связана со временем публикации эссе Терца «Что такое социалистический реализм»).

⁶⁶ См.: *Гюнтер Х.* Пути и тупики изучения искусства и литературы сталинской эпохи // *Новое литературное обозрение.* 2009. № 1 (95). С. 287–299.

⁶⁷ Наряду с текстом Гюнтера следует также упомянуть и о других обзорных работах; например: *Яковская Г. А.* Изобразительное искусство эпохи сталинизма как проблема современной российской и зарубежной историографии // *Вестник Пермского университета. Серия: История.* 2007. № 3 (8). С. 128–136; *Добренко Е. А.* 1) О советских сюжетах в западной славистике // *СССР: Жизнь после смерти: Сб. статей.* М., 2012. С. 27–34; 2) *Читая сталинизм: Сталинская культура как исследовательское поле* // *Новое литературное обозрение.* 2022. № 6 (178). С. 104–124. *Цыганов Д. М.* Интеллектуальная история литературы сталинизма: Библиографический обзор // *Летняя школа по русской литературе.* 2022. Т. 18. № 1. С. 107–126;

в статье 1998 года. В ней литературовед указывает на то, что «анализы [отдельных литературных текстов] предельно – вернее, беспредельно – детализировались; они бывают очень интересны (как и совсем неинтересны), попадают доказательные и убедительные, но они не отвечают на основные вопросы – хотя бы потому, что их не ставят»⁶⁸. Между тем одним из этих «основных вопросов» является вопрос о методе исследования канона соцреализма, о той теоретической логике, благодаря которой отдельные сюжеты смогут преодолеть рубеж иллюстративности и сами по себе приобретут качество объясняющих специфику культурной динамики 1930–1950-х годов. Важность этого вопроса первостепенна еще и потому, что наблюдаемое сегодня «растекание» научного знания в подавляющем большинстве случаев имеет произвольный характер, когда каждая новая работа все больше усложняет, декомпозирует и все меньше проясняет картину литературного процесса эпохи сталинизма. Наиболее последовательным и вполне отвечающим специфике ситуации, сложившейся в Советском Союзе в период сталинского правления, оказывается метод, предполагающий рассмотрение сферы соцреалистического культурного производства как совокупности прихотливо взаимодействующих *институциональных* механизмов формирования и трансляции текстового канона соцреализма⁶⁹.

На сегодняшний день не возникает сомнений в необходимости преодолеть стагнацию в изучении официальной советской культуры сталинизма, которая возникла в гуманитарной науке в связи с появлением в начале 2000-х годов работ, монополизировавших эту область культурной истории. Поэтому особенно важным оказывается поиск нового подхода к исследованию институциональных механизмов, структурировавших поле соцреалистической культуры, определявших его центр и периферию.

Сложилось так, что в отечественной и зарубежной науке о литературе наибольший интерес для исследователей традиционно представляют именно *негативные* санкции власти, адресуемые писателям, поэтам, драматургам и другим участникам литературного производства. Не представляется возможным сегодня даже подсчет работ, полностью или частично посвященных, например, случаям О. Э. Мандельштама или М. А. Булгакова, травле Б. Л. Пастернака или печально известному ждановскому постановлению 1946 года⁷⁰. Несомненно, ряд имен и случаев может и должен быть продолжен; об осознании этой необходимости специалистами говорят многочисленные труды и публикации последних лет⁷¹. Н. А. Богомолов в статье, посвященной вопросам периодизации и специфики русского литературного процесса первой половины XX века, пишет о необходимости обращения к «литературному быту»⁷² при построении истории литературы прошлого столетия: «...награждение орденами, премии (особенно сталин-

⁶⁸ Чудакова М. О. Русская литература XX в.: Проблема границ предмета изучения // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*. Тарту, 1998. Т. 6. С. 193.

⁶⁹ Об осознании перспективности институционального метода в изучении советского официального искусства говорит появление в западной славистике работ, посвященных ключевым институтам культурного производства сталинизма. См., например: *Tomoff K. Creative Union: The Professional Organization of Soviet Composers, 1939–1953*. New York; London, 2006; *Frolova-Walker M. Stalin's Music Prize: Soviet Culture and Politics*. London, 2016; *Any C. The Soviet Writers' Union and Its Leaders: Identity and Authority under Stalin*. Evanston, 2020 (см. рецензию Добренко: *Добренко Е. А. От истории литературных институций к институциональной истории литературы // Новое литературное обозрение*. 2022. № 3 (175). С. 229–231).

⁷⁰ О предыстории ждановского доклада в августе 1946 года подробнее см.: *Бабиченко Д. Л.* 1) Жданов, Маленков и дело ленинградских журналов // *Вопросы литературы*. 1993. № 3. С. 201–214; 2) И. Сталин: «Доберемся до всех» (Как готовили военную идеологическую кампанию 1943–1946 гг.) // «Исключить всякие упоминания...»: Очерки истории советской цензуры. М., 1995. С. 139–188.

⁷¹ Среди них следует упомянуть отдельные тома из серии «История сталинизма» (РОССПЭН), работы К. М. Азадовского, М. М. Голубкова, Н. А. Громовой, Е. А. Добренко, Н. В. Корниенко, Н. М. Малыгиной, Г. А. Морева, Б. М. Сарнова, Р. Д. Тименчика, Д. М. Фельдмана, Л. С. Флейшмана, Б. Я. Фрезинского, а также труды многих других исследователей, чья деятельность по большей части связана с изучением и публикацией архивных материалов (П. А. Дружинин, М. Н. Золотоносов и др.).

⁷² Подробнее о специфике этой аналитической категории, ставшей одной из важнейших для позднеформалистской литературной теории, см.: *Зенкин С. Н.* Открытие «быта» русскими формалистами, [2000] // *Зенкин С. Н. Работы о теории*. М., 2012. С. 305–324.

ские) <...> вообще экономическое положение писателей и т. п.»⁷³. Однако рассуждает он об этом обращении как о периферийном (если не факультативном) в вопросе создания «общей картины исторического развития русской литературы после 1917 года», отдавая предпочтение задаче изучения «противостояния [власти] отдельных личностей»⁷⁴. Между тем рассмотрение подобных разрозненных взаимодействий писателей и власти на общем фоне литературного процесса не позволяет прийти к выводам, в полной мере характеризующим то влияние, которое эти сфабрикованные дела и срежиссированные кампании оказывали на складывание литературного канона официального искусства сталинизма. В подавляющем большинстве случаев мы имеем дело именно с частными аспектами творческой биографии отдельно взятого автора, которые, конечно, влияли на своеобразие литературного процесса сталинской эпохи, но отнюдь не обуславливали его специфику. Вместе с тем писатель, не имевший возможности публиковать собственные тексты и, как следствие, напрямую контактировать с потенциальным потребителем этих текстов, исключался из литературного производства. Говорить о «значимом отсутствии» можно и нужно, но не в тех случаях, когда речь идет о формировании литературного канона или читательского сознания. Анализ же «эволюции литературного ряда» (по Ю. Н. Тынянову) неуклонно сопрягается с анализом того влияния, которое *печатный литературный процесс* оказывает на «массового читателя». (Не стоит, думается, лишний раз повторять, что степень воздействия на читательское сознание печатного текста многократно весомее и объемнее, чем текста непечатного.) В свете этого куда более приоритетное положение в системе литературного производства сталинской эпохи занимали *положительные* санкции власти⁷⁵, потому как именно они не только «размечали литературный поток, сортировали *множество образцов*, бесперебойно поступающих на литературный рынок, а тем самым ориентировали, структурировали *литературное и читательское сообщество*»⁷⁶, но и непосредственно определяли общий характер соцреалистического канона, формировали категорию читательского вкуса, обуславливали и предопределяли стратегии и направления его развития и эволюции. Главным институтом в системе литературного производства начала 1940-х – середины 1950-х годов, работа которого была связана с осуществлением не *репрессивной*, а, наоборот, *поощрительной* деятельности, становится Комитет по Сталинским премиям в области литературы и искусства.

⁷³ Богомолов Н. А. Несколько размышлений по поводу двух дат в истории русской литературы советского периода // Богомолов Н. А. От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М., 2004. С. 265.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ К сожалению, этот аспект темы взаимодействия писателей и советской власти практически не разработан в отечественном литературоведении, не говоря уже о западной славистике. Несколько иное положение дел мы можем констатировать для историографии: исследовательское направление, в центре внимания которого находится повседневная жизнь сталинской эпохи, характеризуется большей степенью изученности темы положительных социально-политических практик; см. подробнее: Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: Политика и повседневность 1945–1954. М., 2000; Советская жизнь. 1945–1953. М., 2003; Андреевский Г. В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920–1930-е гг. М., 2008; Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009; Ильюхов А. А. Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М., 2010; Невежин В. А. 1) Застолья Иосифа Сталина. Книга первая: Большие кремлевские приемы 1930-х – 1940-х гг. М., 2019; 2) Застолья Иосифа Сталина. Книга вторая: Обеды и ужины в узком кругу («симпозионь»). М., 2019; 3) Застолья Иосифа Сталина. Книга третья: Дипломатические приемы 1939–1945 гг. М., 2020; Социальная политика СССР в послевоенные годы, 1947–1953 гг.: Документы и материалы. М., 2020; Коенкер Д. СПАСибо партии: Отдых, путешествия и советская мечта. СПб., 2022.

⁷⁶ Дубин Б. В., Рейтблат А. И. Литературные премии как социальный институт, [2006] // Дубин Б. В. Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре. М., 2010. С. 218. Курсив в цитате авторский. Общий механизм, описанный в цитируемой статье, может быть применен (с некоторыми, иной раз существенными и принципиальными, поправками) к анализу культурной ситуации позднего сталинизма, несмотря на то что она не предполагала существования литературного рынка в том смысле, в каком о нем пишут Б. Дубин и А. Рейтблат.

***

Институт Сталинской премии не был упорядоченной и стабильной структурой. Дело в том, что характер его функционирования определялся правительственными распоряжениями, которые Центральный комитет партии ежегодно спускал в Комитет. Кроме того, вплоть до конца 1940-х эксперты не выработали строго определенный порядок осуществления собственных обязанностей и поэтому руководствовались внутрикритическими договоренностями. С изменением этих договоренностей закономерно менялись и процедуры выдвижения, рассмотрения и премирования кандидатур. Это обстоятельство прямо повлияло на бюрократическое обеспечение работы Комитета: с принятием очередных постановлений секретариату приходилось изобретать новую адекватную форму учета необходимой информации, а также документально сопровождать многочисленные инициативы экспертов. Этим и объясняется неупорядоченность, свойственная архивному фонду Комитета по Сталинским премиям. Даже если мы будем исходить из самоочевидной версии о том, что некоторые документы попросту могут быть утерянными, нам так или иначе придется констатировать беспорядочное ведение документооборота: во все годы велись стенограммы пленарных заседаний Комитета, но не во все годы специально готовились протоколы этих заседаний; практика стенографирования и протоколирования секционных заседаний была отлажена только в последние годы существования Сталинской премии⁷⁷ (до этого мы имеем лишь косвенные и весьма обрывочные свидетельства о том, как проходили обсуждения вне пленумов); полные списки рассмотренных произведений с указанием выдвинувших организаций начали формироваться только с 1945 года⁷⁸. Лишь с 1952 года рецензирование критической литературы стало постоянным (то есть осуществлялось систематически вплоть до 1954 года); аннотирование⁷⁹ же художественной литературы приобрело системный характер только в 1953 году. С известным пренебрежением члены Комитета относились к формированию личных дел кандидатов на премии; об этом – далее.

Все это не могло не повлиять на выбор тех аналитических стратегий, которые мы с разной степенью интенсивности реализуем в этом исследовании. Однако все они подчинены представлению о релевантности применения *динамического метода* для описания функционирования Сталинской премии в контексте культурной политики сталинизма и в качестве ключевого механизма, посредством которого в 1940-е – начале 1950-х годов формировался соцреалистический канон. Основанием применения такой подвижной теоретической рамки стала отнюдь не невозможность подчинить множество разнородных фактов единой схеме, реализовать так называемый принцип генеральной линии, а, напротив, отсутствие потребности намеренно скрывать противоречия. Именно в этих противоречиях и внутренних эстетических конфликтах состояла специфика сталинской культуры, которая в конечном счете уподобилась уроборосу. Поэтому задачей книги стало создание исторически достоверной и максимально детализированной картины происходившего в те годы. Читатель по ходу знакомства с настоящей книгой не обнаружит в ней последовательно реализующуюся схему механического описания всех 14 лет работы Комитета по Сталинским премиям. В каждой главе аналитический

⁷⁷ В архивном фонде сохранились протоколы заседания литературной секции Комитета только за март 1946, февраль 1948 (и один протокол за декабрь 1947), декабрь 1949, январь 1951, а также за октябрь – декабрь 1952 и январь – февраль 1953 года. Стенограммы заседаний литературной секции сохранились лишь за октябрь – декабрь 1952, январь – февраль 1953 и январь – март 1954 года.

⁷⁸ Списки включали все представленные на Сталинские премии за 1943–1944 годы произведения, которые Комитет рассмотрел в 1944–1945 годах (списки по разделу литературы см.: РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 18–27).

⁷⁹ За подготовку аннотаций отвечала Е. Ф. Книпович, устроенная в Комитет на должность секретаря литературной секции. Эти аннотации представляли собой маленькие тексты (5–8 строк, однако иногда их размер достигал целой страницы машинописного текста), заверенные подписью автора (см.: РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 2. Ед. хр. 15, 36).

фокус будет смещаться на отдельные подробности, важные для понимания культурно-идеологической обстановки той эпохи.

Основным принципом исследования стал подробный анализ первоисточников (как архивных, так и печатных). Привлекательные в работе литература и источники призваны не столько проиллюстрировать, сколько выявить и объяснить специфику литературного производства сталинской эпохи. Архивные и печатные источники распределены по группам, первая из которых связана с проблемой соцреалистического канона (она охарактеризована выше), а вторая – с работой институции Сталинской премии (ее характеристика приводится в соответствующем разделе далее). Цитаты приводятся без нормализации, с сохранением орфографических, пунктуационных и графических особенностей первоисточника. Все вписывания, вычеркивания и исправления отражены либо при наборе, либо в сопроводительном комментарии к цитате. Литература и источники на иностранных языках цитируются в нашем переводе без дублирования текста на языке оригинала.

Это исследование имеет принципиально *открытую структуру*. Взаимодействие и нередко полемика с предложенными ранее точками зрения, с одной стороны, выявляют проницаемость и слабую предметную очерченность проблемы культурной политики сталинизма, а с другой – если не указывают на вероятный путь решения вопроса об описании канона соцреалистического искусства в русском XX веке, то обнаруживают необходимость поиска отличных от ныне имеющихся принципов и стратегий анализа, на которых это описание может быть основано. Вместе с тем структура книги определена нашим представлением о том, каким образом функционировала культурная индустрия в 1940–1950-е годы и как ее работа сказывалась на характере сталинского эстетического канона. *Видимость того, что в эпоху позднего сталинизма литературный процесс характеризовался полным отсутствием развития, обманчива, так как в отношении к этому периоду следует говорить о динамике иного порядка – не эволюционной, а накопительной.* Динамика проекта «многонациональной советской литературы» стала главным свидетельством порочности сталинского диалектического постулата: четвертьвековой этап неумолимого количественного разрастания привел не к «качественному скачку», а к демонтажу соцреалистического канона. Книга предварена введением, в котором пока что в общих чертах охарактеризованы основные параметры этого канона и предложен подробный библиографический обзор источников по заявленной теме. Основная часть исследования состоит из семи глав и условно распадается на два раздела, первый из которых (первая – пятая главы) посвящен собственно истории института Сталинской премии по литературе, а второй (шестая и седьмая главы) связан с проблемой сталинского эстетического канона. Деление работы на главы призвано выразить методологическую установку исследования: главы с первой по пятую организованы в хронологической последовательности и посвящены не только деталям работы Комитета по Сталинским премиям и нюансам присуждения высших советских наград, но и тем ключевым тенденциям, которые закреплялись в советском культурном поле, накладывались друг на друга и в итоге определяли облик соцреалистического литературного проекта; шестая глава описывает собственно культурную обстановку позднего сталинизма, сосредотачивается на механизмах структурирования литературного поля и складывания соцреалистического канона; седьмая глава, фокусируясь на анализе институционального облика международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами», описывает специфику функционирования соцреалистической литературной продукции в культурном пространстве сталинского СССР и за его пределами.

К основному тексту примыкают четыре приложения:

- 1) сводная таблица выданных премий по всем областям искусства за 1934–1951 годы;
- 2) состав Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства (1940–1954);
- 3) сводная таблица лауреатов Сталинской премии по литературе (1940–1953);

4) С. И. Сталина. Развитие передовых традиций русского реализма в советском романе (М., 1954).

***

Я выражаю глубокую признательность Ирине Прохоровой, любезно предложившей опубликовать настоящее исследование в «Новом литературном обозрении». Я благодарен Татьяне Тимаковой – чуткому и отзывчивому редактору этой книги. Спешу поблагодарить и тех, кто всячески помогал мне и поддерживал меня в работе над рукописью, – Дмитрия Белкина, Михаила Голубкова, Елену Лурье (Бирюкову), Марию Михайлову, Анну Михалеву, Марию Руденко, Ирину Синепупову, Владимира Турчаненко, Андрея Устинова, Лазаря Флейшмана, Анну Юрьеву и многих других друзей и коллег, чью помощь невозможно переоценить. Отдельная благодарность – сотрудникам всех архивохранилищ, где мне представилась счастливая возможность работать. Словом, я благодарю всех причастных к появлению этой книги сейчас...

Глава первая. «Не судите, да не судимы будете» Очерк истории Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства

Культ Вождя, отлитый в золоте: Институциональный облик высшей советской награды

Г. М. Маленков в отчетном докладе XIX съезду партии в октябре 1952 года, подытоживая «огромные успехи», сделанные СССР во всех отраслях производства, в числе прочих «крупных достижений» упомянул и то, что «высокого звания лауреата Сталинской премии удостоены 2339 работников литературы и искусства»⁸⁰. Съезд этот оказался итоговым во всех отношениях. Это был первый съезд, собравшийся в послевоенной истории, и вместе с тем последний, в котором принял участие «великий вождь трудящихся мира»⁸¹ И. В. Сталин. Он, являясь бессменным секретарем ЦК и Председателем Совета Министров СССР, передоверил выступление с отчетным докладом Г. Маленкову, ограничившись лишь заключительной речью в последний день работы съезда, 14 октября 1952 года. На этом же съезде, прошедшем под эгидой «триумфа» сталинской мысли⁸², партия фактически прекратила свое существование в былом качестве: она была переименована из Всесоюзной коммунистической партии большевиков в Коммунистическую партию Советского Союза, был изменен состав ее Центрального комитета. На последовавшем сразу за съездом не стенографировавшемся октябрьском Пленуме ЦК КПСС Политбюро было ликвидировано, а на его месте была образована новая управленческая структура – Президиум ЦК КПСС, в который вошли 25 членов и 11 кандидатов, лично предложенных Сталиным. К. М. Симонов вспоминал, что в полуторачасовой речи Сталин «о себе <...> не говорил, вместо себя говорил о Ленине, о его бесстрашии перед лицом любых обстоятельств»⁸³. Как замечают Олег Хлевнюк и Йорам Горлицкий,

сам Сталин в последние месяцы своей жизни принимал активное участие в заседаниях Президиума и Бюро Президиума ЦК, которые, в отличие от заседаний Политбюро в предшествующие годы, проводились на регулярной основе. С 18 октября 1952 г. по 26 января 1953 г. состоялось четыре заседания Президиума и семь заседаний Бюро Президиума ЦК, т. е. в среднем одно в неделю. Сталин присутствовал на всех⁸⁴.

Вскоре с новой силой качнулся маховик репрессий: в январе 1953 года была развернута подхватившая так называемое «дело врачей»⁸⁵ массовая идеологическая кампания, которая

⁸⁰ Маленков Г. М. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), 5 октября 1952 г. М., 1952. С. 72.

⁸¹ См.: Речь И. В. Сталина на XIX съезде партии, 14 октября 1952 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1130. Л. 92 об.

⁸² Основным документом, определившим направления работы съезда, стала вышедшая незадолго работа Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» ([Л.]: Госполитиздат, 1952).

⁸³ Симонов К. М. Глазами человека моего поколения: Размышления о И. В. Сталине. М., 1989. С. 241.

⁸⁴ Хлевнюк О. В., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011. С. 204–205. Авторы дают ссылку на: Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953 гг. М., 2002. С. 99–100.

⁸⁵ См. подробнее: Рапопорт Я. Л. На рубеже двух эпох: Дело врачей 1953 г. М., 1988; Брент Д., Наумов В. П. Последнее дело Сталина. М., 2004; Костырченко Г. В. 1) Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. М., 2003. С. 629–694; 2) Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм (Новая версия): В 2 ч. М., 2015. Ч. 2. С. 523–610; 3) «Дело врачей» как проявление деградации сталинского режима (в свете новых документов) // Советское государство и общество в период позднего сталинизма (1945–1953 гг.). М., 2015. С. 280–292.

позволяла манипулировать общественными настроениями, при отсутствии реальной войны поддерживала состояние всеобщей мобилизованности⁸⁶ для борьбы с «вредителями в лечебном деле» и «внутренними врагами», ликвидация которых, по Сталину, была прямо связана с победой над «ротозейством в наших рядах»⁸⁷. Угасавшим, но почти никогда не спавшим вождем до последнего дня владела мысль о необходимости удержать абсолютную безраздельную власть; он замкнул на себе решение всех ключевых вопросов и, будучи уверенным в собственной исключительности, не считал нужным даже вскользь касаться вопроса о порядке преемства «его» власти. Но сталинская диктатура в начале 1950-х годов была уже на излете, а «мрачное семилетие» позднего сталинизма близилось к завершению. Вместе с умирающим вождем изживал себя и институт Сталинской премии – главный орган, обеспечивавший не только жизнеспособность, но и полнокровность сталинского культа. Четырьмя годами позднее, взявшись за его, как тогда всем казалось, окончательное развенчание, Н. С. Хрущев в докладе на XX съезде КПСС не забудет отметить: «Даже цари не учреждали таких премий, которые назвали бы своим именем»⁸⁸. С учреждением в 1966 году Государственной премии СССР⁸⁹ история института Сталинской премии фактически завершилась: дипломы и почетные знаки Сталинских лауреатов были заменены новыми наградными атрибутами. Более того, с тех пор и вплоть до настоящего времени в многочисленной биографической и справочной литературе (в том числе в энциклопедических статьях) премии 1940–1950-х годов стыдливо именуется Государственными премиями⁹⁰. Таким образом, несмотря на явно различающийся «символический капитал» двух этих наград, была сконструирована их условная равноценность.

***

За 14 полных лет работы Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства к октябрю 1952 года было учреждено и присуждено 984 Сталинские премии по всем видам искусства и литературы на общую сумму 57 720 000 рублей (см. Приложение 1). Число лауреатов, названное Г. Маленковым в цитированном выше отчетном докладе на XIX съезде партии, является известным преувеличением, основанным на подсчете выданных лауреатских дипломов и игнорирующим далеко не единичные факты неоднократного получения нескольких премий одним и тем же человеком (если исходить из приведенных Маленковым данных, то, например, шестикратный сталинский лауреат композитор С. С. Прокофьев был посчитан, соответственно, как шесть разных «работников искусства», таким же образом обошлись и с обладательницей четырех премий скульптором В. И. Мухиной и т. д.). В действительности, выведенный за рамки сталинской диалектики, предполагающей неминуемый «скачкообразный переход» количества в качество, взгляд на утвержденные списки лауреатов обнаруживает несколько менее внушительное число – 1706 авторов (как индивидуальных, так и «коллективных»). Несостоятельность приведенных в докладе «для красного словца» данных, по всей видимости, включенных в окончательный текст самим И. Сталиным⁹¹, определена еще и невни-

⁸⁶ См.: Хлевнюк О. В. Сталин: Жизнь одного вождя: Биография. М., 2018. С. 419.

⁸⁷ Именно этой сталинской правкой завершается передовая статья Д. Шепилова «Шпионы и убийцы под маской врачей», вышедшая в «Правде» 13 января 1953 г. См.: Девятков С. В., Сигачев Ю. В. Сталин: Взгляд со стороны. Опыт сравнительной антологии. М., 2019. С. 380.

⁸⁸ Цит. по: Хрущев Н. С. О культе личности и его последствиях: Доклад на XX съезде КПСС, 25 февраля 1956 г. // Сталин И. В. Сочинения. М., 1997. Т. 16. С. 428. Впервые в: Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 159.

⁸⁹ Введены Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 9 сентября 1966 г. № 739 «О Ленинских и Государственных премиях СССР в области науки и техники, литературы и искусства».

⁹⁰ См. подробнее: Яковская Г. А. К истории Сталинских премий в области литературы и искусства // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2001. № 1. С. 152.

⁹¹ Доподлинно известно, что Маленков дважды с интервалом в две недели подавал Сталину проекты отчетного доклада XIX съезду партии. Первый из двух сохранившихся в личном фонде вождя в РГАСПИ документов объемом в 75 (73) страниц

манием к принципиально разнившейся роли лауреатов в создании произведений, за которые присуждалась награда: авторство, соавторство или членство в авторском коллективе этой статистикой сознательно уравнивались. По разным областям литературы и искусства мы получаем следующее соотношение⁹²: литераторов (и в их числе переводчиков, литературоведов, искусствоведов, киносценаристов, кинодраматургов) – 248; музыкантов (композиторов, дирижеров, исполнителей) – 167; художников (живописцев, графиков, скульпторов, архитекторов и кинооператоров) – 452; артистов – 631; режиссеров-постановщиков и руководителей коллективов – 208. В этих цифрах статистически выразился итог функционирования не только отдельной институции, но и целого институционального комплекса, деятельность которого определяла характер всего послевоенного культурного континуума и непосредственно оформляла позднесталинский соцреалистический канон. Впоследствии в центре нашего внимания по преимуществу будут оказываться обстоятельства функционирования именно литературной секции Комитета, обсуждения номинированных на премию или предложенных к рассмотрению произведений, проходившие на заседаниях Политбюро при участии Сталина, а также отмеченные наградой тексты и их авторы, существовавшие в культурном пространстве послевоенного СССР и в известной степени это пространство формировавшие.

Попытке охарактеризовать особенности формального устройства и очертить круг полномочий Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства при СНК СССР посвящена данная глава.

***

Наиболее существенный сдвиг в процессе трансформации культа вождя пришелся на 60-летие И. Сталина⁹³, широко отмечавшееся в конце декабря 1939 года и совпавшее с усугуб-

датируется 17 июля 1952 года и содержит огромное количество правок, принадлежащих руке Сталина (см.: Записка Г. М. Маленкова о работе Центрального Комитета ВКП(б), 17 июля 1952 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 21. Л. 1–75). Вождь вычеркнул из проекта доклада три (!) страницы текста, которые были посвящены литературе и искусству (Там же. Л. 68–70; опубликовано в: Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. С. 642–643). Второй документ объемом уже в 108 (106) страниц датируется 2 августа 1952 года, однако сталинские маргиналии в этом тексте отсутствуют (см.: Записка Г. М. Маленкова... Л. 76–183). Ни в одном из этих источников нет данных о количестве сталинских лауреатов, что свидетельствует об изначальном отсутствии у Маленкова намерения включать в доклад эту информацию и может указывать на то, что, наряду с другой статистической информацией, она могла быть внесена в итоговый текст доклада по инициативе Сталина. Особенно чуткие к сталинскому слову партийцы даже заподозрили Маленкова в плагиате. Так, Н. Бондарева 10 января 1953 года писала Сталину: «Скажу прямо: мною, как и многими другими, гораздо более эрудированными товарищами, литературоведами и критиками, чеканные формулировки о типическом, да еще поставленные рядом с Вашим указанием на то, что нам нужны советские Гоголи и Щедрины, восприняты, как Ваши формулировки, дорогой Иосиф Виссарионович. (Почти весь 17 абз[ач] 2-го раздела доклада тов[арища] Маленкова.)» (цит. по: Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. С. 647). Следом Бондарева обвиняла Маленкова в дословном цитировании статьи репрессированного «белоземigrанта» Святополк-Мирского в девятом томе «Литературной энциклопедии», опубликованном в 1935 году. Итогами последовавшего разбирательства стали признание Маленковым собственной «грубой» ошибки и публикация в «Коммунисте» (1955. № 18) статьи «К вопросу о типическом в литературе и искусстве».

⁹² Поименные списки лауреатов в алфавитном порядке по годам присуждения премии см. в: Сталинские премии: Две стороны одной медали: Сб. документов и художественно-публицистических материалов. Новосибирск, 2007. С. 793–847. Однако в этом разделе издания есть незначительные ошибки и неточности.

⁹³ Подробнее см.: *Бькова С. И.* Феномен Сталина: Эволюция образа лидера в представлениях советских людей в 1930-е гг. // Россия в XX в.: История и историография: Сб. статей. Екатеринбург, 2002. С. 76–91; *Дэвлин Дж.* Миф о Сталине: Развитие культа // Труды «Русской Антропологической школы». М., 2009. Вып. 6. С. 213–240; *Плампер Я.* Алхимия власти: Культ Сталина в изобразительном искусстве. М., 2010; *Цыганов Д. М.* От культа Ленина к культу Сталина: Стратегии деперсонификации ленинского образа в некрологической лирике в связи с его вытеснением сталинским quasi-мифом // Летняя школа по русской литературе. 2020. Т. 17. № 3–4. С. 384–403; *Plamper Y.* The Spatial Poetics of the Personality Cult: Circles around Stalin // The Landscape of Stalinism: The art and ideology of Soviet space. London, 2003. P. 19–50; *The Leader Cult in Communist Dictatorships: Stalin and the Eastern Bloc.* Houndmills, 2004 (в издании рассматриваются не только частные характеристики сталинского культа, но и их прямое влияние на опыт так называемых «стран социалистического лагеря»); и др. О месте «вождистской» темы в локальных культурных традициях советских республик см., например: *Ashirova A.* Stalinism and Stalin-Kult in Zentralasien Turkmenistan 1924–1953. Stuttgart, 2009.

лением положения армии на фронтах Зимней войны (1939–1940). Драматург А. К. Гладков 17 декабря отметил в дневнике: «Газеты полны очерками и статьями о Сталине перед его 60-летием. Все ждут какого-нибудь крупного государственного акта в связи с этим юбилеем. Вряд ли...»⁹⁴. Спустя пять дней, 22 декабря, он запишет:

Все вчерашние газеты были посвящены юбилею Сталина. «Правда» вышла на 12 страницах, кажется, впервые у нас. Постановление о присвоении Сталину звания «Герой Социалистического Труда» и учреждении стотысячных премий во всех областях науки и искусства. Все юбилейные статьи отличаются только разве подписями авторов⁹⁵.

Речь шла о постановлении № 2078 «Об учреждении премии и стипендии имени Сталина»⁹⁶ от 20 декабря 1939 года за подписью В. М. Молотова и М. Д. Хломова. Позднее ими же будет подписано и постановление № 178 «Об учреждении премий имени Сталина по литературе»⁹⁷ от 1 февраля 1940 года. Именно этими двумя документами был учрежден институт Сталинской премии, пришедший на смену премии Ленинской (учрежденной в 1925 году и вручавшейся с 1926 по 1935 год) и прекративший существование после смерти человека, чье имя он носил, в 1954 году⁹⁸. Следом за этими постановлениями в «Правде» (№ 92 (8138)) 2 апреля 1940 года был напечатан документ, регламентировавший первоначальный состав (впоследствии он будет претерпевать довольно существенные изменения – см. Приложение 2) ранее учрежденного Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства:

Комитет по Сталинским премиям в области литературы и искусства утвержден Советом Народных Комиссаров СССР в составе:

Председателя Комитета – народного артиста СССР Немировича-Данченко В. И.,

Заместителей Председателя – 1) Глиэра Р. М., 2) Шолохова М. А., 3) Довженко А. П.

и членов Комитета: Асеева Н. Н., Александрова Г. Ф., Александрова А. В., Байсеитовой Куляш, Большакова И. Г., Веснина В. А., Грабаря И. Э., Гольденвейзера А. Б., Герасимова А. М., Гурвича А. С., Гаджибекова У., Гулакяна А. К., Дунаевского И. О., Янка Купала, Кузнецова Е. М., Корнейчука А. Е., Луппола И. К., Мухиной В. И., Меркурова С. Д., Молдыбаева Абдылас, Мордвинова А. Г., Москвина И. М., Михоэlsa С. М., Мяковского Н. Я., Насыровой Халимы, Самосуда С. А., Симонова Р. Н., Судакова И. Я., Толстого А. Н., Фадеева А. А., Храпченко М. Б., Хорава А. А., Чиаурели М. Э., Черкасова Н. К., Шапорина Ю. А., Эрмлера Ф. М.⁹⁹

Хотя Марина Фролова-Уолкер и пишет, что нет никаких прямых доказательств преемственности двух организаций¹⁰⁰, список экспертов, вошедших в Комитет, почти полностью

⁹⁴ Цит. по: Из дневника А. К. Гладкова, 28 августа – 31 декабря 1939 г. // Между молотом и наковальней: Союз советских писателей СССР. Документы и комментарии. 1925 – июнь 1941 г. М., 2011. С. 847.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Документ опубликован в: Правда. 1939. № 351 (8036). 21 декабря. С. 2.

⁹⁷ Документ опубликован в: Правда. 1940. № 32 (8078). 2 февраля. С. 1.

⁹⁸ Кончина Сталина «лишила» М. Чиаурели еще одной премии первой степени за фильм по пьесе В. Вишневского «Незабываемый 1919-й»; в следующем году фильм попросту не был принят к рассмотрению. См. подробнее: Сталинские премии: Две стороны одной медали. С. 772.

⁹⁹ В Совнаркоме Союза ССР: О порядке присуждения премии имени Сталина за выдающиеся работы в области науки, военных знаний, изобретательства, литературы и искусства, [25 марта 1940 г.] // Правда. 1940. № 92 (8138). 2 апреля. С. 1. Оригинал документа хранится в РГАНИ (Ф. 3. Оп. 53а. Ед. хр. 1. Л. 5–6).

¹⁰⁰ См.: *Frolova-Walker M. Stalin's Music Prize: Soviet Culture and Politics*. P. 17.

дублировал состав Художественного совета при председателе Всесоюзного комитета по делам искусств. 29 января 1939 года Фадеев и Павленко направили председателю Совнаркома Молотову записку¹⁰¹, в которой приведен первоначальный список кандидатов на включение в Совет:

Драматурги: Погодин Н. Ф., Толстой А. Н., Тренев К. А. (заместитель председателя совета).

Режиссеры: Немирович-Данченко (заместитель председателя совета), Самосуд, Судаков.

Композиторы: Глиэр, Мясковский, Шостакович.

Художники: Игорь Грабарь, С. Герасимов, Дейнека.

Актеры: Барсова, Щукин, Рубен Симонов, Штраух¹⁰².

Окончательный состав Совета был учрежден постановлением Политбюро ЦК от 4 марта 1939 года. Предусматривалось три секции: театра и драматургии, музыки, изобразительных искусств. Все эксперты подразделялись по этим секциям следующим образом¹⁰³.

Секция театра и драматургии: А. М. Бучма, С. М. Михоэлс, В. И. Немирович-Данченко, Н. Ф. Погодин, А. Н. Толстой, К. М. Тренев, А. А. Хорава, Б. В. Щукин.

Секция музыки: В. В. Барсова, У. Гаджибеков, Р. М. Глиэр, И. О. Дунаевский, Н. Я. Мясковский, С. А. Самосуд.

Секция изобразительных искусств: В. А. Веснин, А. М. Герасимов, И. Э. Грабарь, Б. В. Иогансон, В. И. Мухина.

Из 19 членов Совета не войдут в состав Комитета лишь пятеро. Таким образом, сомнения в преемственности Художественного совета и учрежденного позднее Комитета по Сталинским премиям быть не может. Следовательно, можно говорить о причастности Храпченко к формированию состава новосозданной институции.

Главная функция учрежденного Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства определялась «Положением о Комитете по Сталинским премиям при СНК СССР» и заключалась в «предварительном рассмотрении»¹⁰⁴ работ, представляемых различными общественными организациями на соискание Сталинской премии. (Отметим, что никаких четких критериев выдвижения у этих организаций не было, потому что с самого начала порядок попросту не был утвержден¹⁰⁵.) После заключительной баллотировки и подачи итоговых списков рекомендованных к премированию кандидатов в вышестоящие органы Комитет больше не мог влиять ни на дальнейшую процедуру рассмотрения, ни на детали финального списка номинантов. Документы направлялись в Совнарком СССР, копии рассылались в Комитет по делам искусств при СНК СССР, с 1939 года возглавляемый М. Б. Храпченко, Комитет по делам кинематографии при СНК СССР (с 20 марта 1946 года – Министерство кинематографии СССР, возглавляемое И. Г. Большаковым) и в Комитет по делам архитектуры при СНК СССР, с сентября 1943 года ставший обособленной административной структурой¹⁰⁶. Непо-

¹⁰¹ См.: ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 23. Ед. хр. 1830. Л. 3.

¹⁰² Цит. по: Между молотом и наковальней: Союз советских писателей СССР. С. 828. Подчеркнуто рукой Молотова.

¹⁰³ См.: Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О составе Художественного Совета при председателе Комитета по делам искусств при СНК СССР», 4 марта 1939 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Ед. хр. 1007. Л. 4. Нами подчеркнуты имена членов Совета, которые войдут и в первоначальный состав Комитета по Сталинским премиям.

¹⁰⁴ См.: Сталинские премии: Справочник / Сост. Н. С. Шерман; Ком. по Сталинским премиям в области науки и изобретательства при СНК СССР. М., 1945. С. 6. Курсив наш.

¹⁰⁵ Первое из известных нам документально зафиксированных свидетельств о недовольстве экспертов порядком выдвижения кандидатов относится к апрелю 1946 года. Упрек принадлежит А. Хораве, который восклицал: «На данном Пленуме выяснилось, что кандидатуры выставляются всеми, никакого критерия для выставления нет. Надо сообщить всем организациям, которые имеют право выставлять, – что выставляются кандидатуры по таким-то мотивам, по таким-то показателям, т. е. информировать товарищей – как выставлять» (Стенограмма пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 18 апреля 1946 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 236).

¹⁰⁶ См.: В Совнарком СССР. [Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 1064] Об образовании Комитета по делам

средственно процессуальной стороной премирования занимался Агитпроп ЦК (Управление пропаганды и агитации ЦК; с 1948 года – Отдел пропаганды и агитации ЦК), заметно упрочивший свои позиции в разветвленной системе, обеспечивающей работу института Сталинской премии, уже в послевоенный период. Д. Т. Шепилов в мемуарах подробно описал ход подготовки премирования во второй половине 1940-х годов:

... кандидаты на Сталинскую премию выдвигались государственными и общественными организациями, а также отдельными учеными, литераторами, работниками искусств. Затем выдвинутые кандидатуры обсуждались общественностью. С учетом материалов обсуждения Комитет по Сталинским премиям тайным голосованием принимал решение по каждой кандидатуре. После этого все материалы поступали в Агитпроп ЦК.

Агитпроп давал свое заключение по каждой работе и каждому кандидату, составлял проект постановления Политбюро (Президиума) ЦК и направлял все материалы Сталину.

Но до этого у Андрея Александровича Жданова тщательно обсуждалось и взвешивалось каждое предложение. Мы обсуждали вышедшие за год художественные произведения. Просматривали некоторые кинокартины. Председатель Радиокomiteта Пузин организовывал в кабинете Жданова прослушивание грамзаписей симфоний, концертов, песен, выставленных на премию.

Андрей Александрович очень детально и всесторонне оценивал каждое произведение, взвешивал все плюсы и минусы¹⁰⁷.

Стоит отметить, что на каждом из этих этапов список предложенных Комитетом кандидатур корректировался, а в Комиссию Политбюро (этот орган был создан постановлением Совнаркома № 1202 от 28 мая 1945 года не в качестве постоянно действующей институции, а формируемой ежегодно) поступало несколько «редакций» этого списка, содержавших правки, внесенные по результатам обсуждений в каждой из организаций. И уже Комиссией Политбюро формировался итоговый список кандидатов, по возможности учитывавший все ранее поступившие предложения; именно он обсуждался на заседаниях Политбюро. С усилением позиции Жданова в 1947–1948 годах необходимость в ежегодном созыве Комиссии Политбюро исчезла¹⁰⁸, а ее полномочия перешли к Агитпропу. Очевидно, что последнее слово в решении вопроса о присуждении произведению Сталинской премии оставалось за человеком, чье имя носила награда. Вся эта система строго укладывается в схему, отражающую ее устройство в довоенный и послевоенный периоды¹⁰⁹.

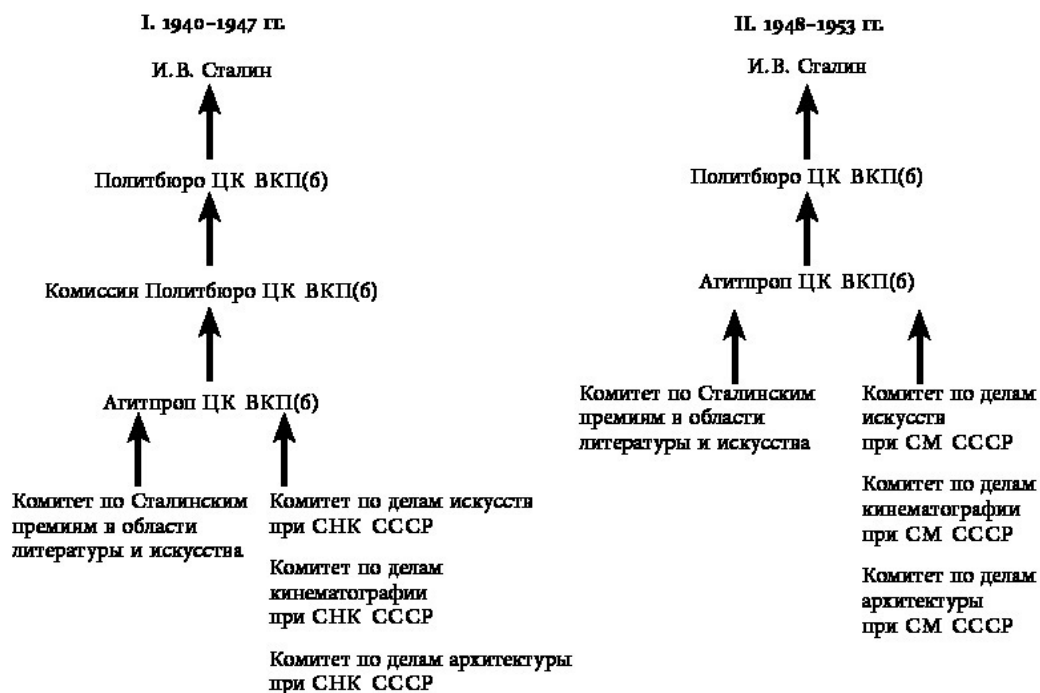

архитектуры при Совнаркомом СССР, 29 сентября 1943 г. // Правда. 1943. № 242 (9378). 30 сентября. С. 2.

¹⁰⁷ Шепилов Д. Т. Непримкнувший: [Воспоминания]. М., 2017. С. 128.

¹⁰⁸ Последний раз Комиссия была сформирована решением ЦК от 3 июня 1946 года. В нее вошли Александров, Фадеев, Храпченко, Большаков, а ее председателем стал Жданов (см.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 53а. Ед. хр. 11. Л. 3).

¹⁰⁹ Варианты этих схем ранее были предложены в книге М. Фроловой-Уолкер: *Frolova-Walker M. Stalin's Music Prize: Soviet Culture and Politics*. P. 20. Отметим, что разграничение на два хронологических периода имеет довольно условный характер и связано с изменением роли Агитпропа ЦК.

Именно И. Сталин зачастую вносил существенные коррективы не только в лауреатские списки, вместе с приближенными образуя как бы альтернативный «Комитет» (в немногочисленный круг участников которого, помимо членов Политбюро, начальника или заместителя начальника Управления агитации и пропаганды ЦК и председателя Комитета по делам искусств, входили некоторые члены правительственного Комитета по Сталинским премиям и другие приглашенные извне участники¹¹⁰), но и в *институциональный облик* премии. Говорить о жесткой формальной регламентации в данном случае не приходится, потому как гибкость и подвижность контуров этой системы постулировалась самим Сталиным. В частности, 31 марта 1948 года в рамках очередного обсуждения по вопросу присуждения премий, как вспоминает К. Симонов, Сталин несколько раз заострил внимание присутствовавших: «... количество премий – элемент формальный и если появилось достойных премии произведений больше, чем установлено премией, то можно число премий и увеличить»¹¹¹.

С течением времени «экспертный состав» этого альтернативного «Комитета» претерпевал кадровые изменения, каждое из которых все очевиднее утверждало доминирующее положение того, кого Л. М. Каганович именовал не иначе как Хозяином¹¹². Так, принятие решений о присуждении премий в области художественной литературы стало восприниматься «всецело как епархия самого Сталина, и только его»¹¹³ лишь с момента смерти А. А. Жданова, прожившего немногим более двух лет после прочтения разгромного августовского доклада 1946 года. Именно поэтому вождь не спрашивал мнения членов Политбюро и лишь изредка советовался с приглашенными «писательскими начальниками», вынося решения по премированию того или иного литературного текста. По выдержкам из записей Симонова, сделанных в конце 1940-х и

¹¹⁰ Д. Шепилов в мемуарах отмечал: «Обсуждение представленных работ в Политбюро (Президиуме) проходило обычно в рабочем кабинете у Сталина. Кроме членов Политбюро присутствовали президент Академии наук А. Н. Несмеянов, генеральный секретарь Союза писателей А. Фадеев или его заместитель Константин Симонов, руководители ведомств искусств и кинематографии С. В. Кафтанов и И. Г. Большаков, а когда рассматривался вопрос о Сталинских премиях в области изобретений, приглашались заинтересованные министры» (Шепилов Д. Т. Непримкнувший. С. 128).

¹¹¹ Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. С. 161.

¹¹² Именно так Л. М. Каганович назвал Сталина в письме к Г. К. Орджоникидзе. См.: Каганович Л. М. Письмо Г. К. Орджоникидзе, 12 октября [1936 г.] // Сталинское Политбюро в 30-е гг.: Сб. документов. М., 1995. С. 150.

¹¹³ Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. С. 181.

позднее «вмонтированных» в том мемуаров, можно судить и о совершенно особенном отношении вождя к процессу присуждения премий его имени. Для Сталина эти награды были одним (если не единственным) из способов выразить собственное одобрение. Присуждая премии, он как бы расставлял нужные ему акценты, тематически и идейно ориентировавшие писательское сообщество¹¹⁴. С этим и были связаны его повышенный интерес и, как следствие, внимание к обсуждавшимся произведениям. По словам Симонова,

Все, что во время заседания попадало в поле общего внимания, в том числе все, по поводу чего были расхождения в Союзе писателей, в Комитете, в комиссии ЦК, – давать, не давать премию, перенести с первой степени на вторую или наоборот, – все, что в какой-то мере было спорно и вызывало разногласия, он читал. И я всякий раз, присутствуя на этих заседаниях, убеждался в этом.

Когда ему (Сталину. – Д. Ц.) приходила в голову мысль премировать еще что-то сверх представленного, в таких случаях он не очень считался со статусом премий, мог выдвинуть книгу, вышедшую два года назад, как это в мое отсутствие было с моими «Днями и ночами» (пьеса К. Симонова, написанная в период с 1943 по 1944 год. – Д. Ц.), даже напечатанную четыре года назад, как это произошло в моем присутствии, в сорок восьмом году¹¹⁵.

Принимаемые участниками «не столько заседаний, сколько разговоров» решения о присуждении тому или иному писателю премии в одной из номинаций не только мгновенно вводило его в круги литературного истеблишмента, многократно поднимая количественное значение тиражей (стандартный показатель варьировался от 150 000 до 350 000 экземпляров), но и, говоря словами Сталина, «включало в искусство»¹¹⁶. И это оказывается принципиально важным моментом: в условиях позднесталинского «мрачного семилетия», где абсурд плотно сопрягался с паранойей, не народная любовь и не читательское признание «включали» то или иное произведение в «ядро» соцреалистического канона, а именно обычно украшавшая один из форзацев книги фраза: «Постановлением Совета Министров Союза ССР [писателю] NN за роман / повесть / пьесу [и т. д.] присуждена Сталинская премия первой / второй / третьей степени за 19NN год».

Апофеоз сталинского влияния на премию придется на послевоенную эпоху – период позднего сталинизма, – когда «отец народов», осознав присущий этой институции стабилизирующий (но не останавливающий подспудную «формовку» моделей массового мышления) потенциал, которым и могла обеспечиваться искомая целостность культурного континуума позднесталинской эпохи, станет выносить решения о присвоении награды литераторам, почти полностью отстранившись от предложений Комитета. Единственным критерием, которым вождь будет руководствоваться при присуждении премий, станет довольно парадоксальный вопрос о «нужности» того или иного на тот момент *уже опубликованного* текста: «...нужна ли эта книга нам сейчас?!»¹¹⁷ – часто вслух будет проговаривать Сталин, адресуясь больше к

¹¹⁴ Вместе с тем личный взгляд Сталина порой перевешивал политическую прагматику. Так произошло и в описанном Симоновым случае с исправлением финала пьесы «Чужая тень», когда сам вождь рекомендовал «смягчить» развязку, сделал ее более «либеральной» (см.: Там же. С. 152–157); подробнее об этом – далее.

¹¹⁵ Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. С. 168. Об этом же вспоминает Шепилов: «<...> действительно никогда невозможно было предвидеть, какие новые предложения внесет Сталин или какие коррективы сделает он к проекту Агитпропа» (Шепилов Д. Т. Непримкнувший. С. 134).

¹¹⁶ См.: Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. С. 194.

¹¹⁷ Там же. С. 167. Под сталинским «нужно», по-видимому, подразумевалось нечто вроде «отвечает ли данная конкретная книга требованиям идеологической магистралей» (то есть окажет премирование этого текста должное влияние на массовое читательское сознание или нет).

себе, нежели к сидящим в его кабинете чиновникам¹¹⁸. В этом случае в дело вступали слабо формализуемые «эстетические» принципы и предпочтения, далеко не всегда созвучные общепринятым представлениям о «прекрасном». Об этой «противоречивости» эстетических взглядов Сталина вспоминал Шепилов:

Иногда он предъявлял очень высокие требования к художественной форме и высмеивал попытки протащить на Сталинскую премию произведение только за политически актуальную фабулу. Но нередко он сам оказывался во власти такой концепции: «Это вещь революционная», «Это нужная тема», «Повесть на очень актуальную тему». И произведение проходило на Сталинскую премию, хотя с точки зрения художественной формы оно было очень слабым.

<...>

Наряду с высокой требовательностью к художественным достоинствам произведений, Сталин иногда в этом вопросе проявлял непонятную терпимость и такую благосклонность к отдельным работам и писателям, которая не могла не вызывать удивления¹¹⁹.

Тем не менее такая парадоксальность суждений не отменяла сталинский прагматизм и расчет на общественный резонанс: каждое присуждение Сталинских премий должно было определенным образом влиять на массового реципиента. Позднее инструментальный ресурс этой институциональной структуры надежно усвоят и приближенные Хозяина. В 1940-е премия займет прочное место институции-посредника, осуществляющей перевод, «пересчет» идеологических импульсов в эстетические формы: политика начнет стремительно терять статус сугубо умозрительного конструкта и постепенно приобретать эстетическое измерение, оформляясь в доступные для усвоения массовым сознанием артефакты – овеществленные политические жесты. А уже к концу 1940-х годов, в период стремительной радикализации отношений СССР и активно разоблачаемых «поджигателей новой войны», институт премии в сознании сталинских функционеров станет восприниматься как один из главных инструментов структурирования мирового политического пространства, о чем свидетельствует, например, письмо А. А. Фадеева И. В. Сталину от 11 ноября 1949 года; об этом – далее. Акцент, который А. Фадеев делает на отводимой премии роли едва ли не ключевого института в процессе поляризации мира, разделения «сфер влияния», существенно усложняет вопрос о том значении, которое в послевоенный период придавалось высшей советской награде, а также проблематизирует рассуждение о ее месте в системе литературного производства, выводя за пределы сугубо историко-литературных изысканий.

Все эти обстоятельства создают множество препятствий к построению логически выверенной и относительно полной истории института Сталинской премии. Наиболее существенным из этих препятствий оказывается проблема, связанная с недостаточной информативностью источников (в том числе архивных) и напрямую следующая из прихотливого устройства находящейся в центре нашего внимания институции.

---

¹¹⁸ Сам Симонов объяснял эту позицию Сталина как производную от его «в высшей степени утилитарного подхода к истории» (Там же. С. 183).

¹¹⁹ Шепилов Д. Т. Непримкнувший. С. 130, 132. Такую «благосклонность» Сталин проявлял, например, по отношению к Ф. Панферову, С. Бабаевскому и М. Бубеннову.

Сталинская премия глазами человека моего поколения: Архивный след и проблема источников

К настоящему моменту не существует фундаментальных исследований, целиком посвященных рассмотрению Сталинской премии по литературе в контексте институциональной истории культуры позднего сталинизма. В качестве частного аспекта темы этот вопрос спорадически возникает в ряде работ российских и западных историков, культурологов, искусствоведов, музыковедов и филологов, однако он по-прежнему не обрел внятных описаний и интерпретаций. Вышедшая в 2001 году статья Г. А. Янковской «К истории Сталинских премий в области литературы и искусства»¹²⁰ впервые обратила внимание научного сообщества не только на недостаточную изученность истории этой институции, но и на полное отсутствие ясности в представлениях о влиянии Сталинской премии на организацию художественной жизни в послевоенном СССР. Основной задачей этой работы стала попытка, базируясь на стенограммах заседаний специального Комитета по Сталинским премиям, «реконструировать эту сторону повседневной жизни художественно-артистического сообщества в СССР эпохи позднего сталинизма»¹²¹. Беглый очерк институционального облика премии, предложенный в этой статье, Янковская значительно углубила и детализировала в опубликованной по материалам докторской диссертации¹²² (на тот момент еще не защищенной) монографии 2007 года «Искусство, деньги и политика: Художник в годы позднего сталинизма»¹²³, вышедшей ничтожно малым тиражом в 300 экземпляров. В этом же году в Новосибирске вышел 880-страничный том «Сталинские премии: Две стороны одной медали»¹²⁴, составленный В. Ф. Свиньным и К. А. Осеевым. Такой внушительный объем издания обусловлен беспорядочным отбором (сбором) материала и отсутствием у составителей концепции книги: подчас невозможно понять, почему тот или иной публикуемый материал оказался включен в сборник. Например, в книгу по каким-то причинам вошел сокращенный вариант рассказа М. М. Зощенко «Приключение обезьяны» (1945)¹²⁵, практически следом за которым расположился объемный фрагмент книги Д. Л. Бабиченко «Писатели и цензоры» 1994 года¹²⁶, а после него – якобы отрывок стенограммы заседания Оргбюро ВКП(б) по вопросу о кинофильме «Большая жизнь» от 8 августа 1946 года¹²⁷, приводящаяся не по архивному источнику или сборнику документов, а по «программе радио „Свобода“» от 22 ноября 2002 года. При прочтении этого фрагмента внимательный читатель обнаружит, что это не что иное, как расшифровка радиоэфира, в котором один из участников разговора (В. Тольц) наугад цитирует по памяти фрагменты из стенограммы выступлений М. К. Калатозова, Л. Д. Лукова, И. А. Пырьева, П. Ф. Нилина, А. А. Савченко на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) о кинофильме «Большая жизнь» от 9 августа

¹²⁰ Янковская Г. А. К истории Сталинских премий в области литературы и искусства // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2001. № 1. С. 152–159. До Янковской Сталинская премия привлекала исследователей (преимущественно западных) лишь со статистической точки зрения; см., например: *Baudin A., Heller L. Le réalisme socialiste soviétique de la période jdanovienne (1947–1953): Les arts plastiques et leurs institutions. Bern, 1997. Vol. 1.* В некоторых случаях эта тема возникала в связи с попыткой наметить основные направления взаимодействия писателя и власти в позднесталинскую эпоху – см.: *Громов Е. С. Сталин: Власть и искусство. М., 1998. С. 296–305.*

¹²¹ Янковская Г. А. К истории Сталинских премий в области литературы и искусства. С. 153.

¹²² См.: Янковская Г. А. Социальная история изобразительного искусства в годы сталинизма: Институциональный и экономический аспекты: Дис. ... доктора ист. наук. Томск, 2008.

¹²³ Янковская Г. А. Искусство, деньги и политика: Художник в годы позднего сталинизма: Монография. Пермь, 2007. С. 79–86.

¹²⁴ См.: Сталинские премии: Две стороны одной медали. Новосибирск, 2007.

¹²⁵ Там же. С. 445–446.

¹²⁶ Там же. С. 448–463.

¹²⁷ Там же. С. 463–465.

1946 года¹²⁸, на один день ошибившись в датировке документа¹²⁹. Ошибку эту повторяют и составители сборника, которые, по-видимому, не сочли нужным убедиться в точности приводимых данных. Ошибаются они и в дате самого радиоэфира, расшифровка которого предлагается в издании: состоялся он не в указанный день (22 ноября), а четырьмя месяцами ранее, 7 июля 2002 года. Из такого рода неточностей и составительских пренебрежений к материалу состоит весь «сборник документов и художественно-публицистических материалов». Между тем книга эта снабжена 150-страничным сводным справочным разделом (с. 703–856), где впервые информация о премированных лауреатах оказалась обобщена и систематизирована в удобных для работы таблицах, в которых обнаружилось лишь несколько ошибок. Особенно выигранным этот раздел выглядит не только на фоне изобилующей различными неточностями основной части, но и в соседстве с венчающим издание кроссвордом – «забавным способом проверить свою осведомленность в делах сталинских лауреатов»¹³⁰.

Опыт первого монографического исследования Сталинской премии в институциональном контексте культуры послевоенного СССР можно считать вышедшую в 2016 году и не переведенную на русский язык 400-страничную книгу известного западного музыковеда М. Фроловой-Уолкер «*Stalin's Music Prize: Soviet Culture and Politics*»¹³¹. Вопреки названию, это издание не ограничивается рассмотрением круга сугубо музыковедческих проблем, но, хоть и очень обрывочно, воссоздает общий ход дискуссий, касавшихся работы отнюдь не только музыкальной секции Комитета. Сама М. Фролова-Уолкер объясняет это тем, что она обнаружила во множестве обсуждений «существенный контекстуальный материал» для основной темы своего исследования¹³². Ориентацией на широкий круг читателей обусловлена как структура самой книги, представленная серией тематических разделов, так и наличие в ней частных «сюжетов» (обзорных глав-«экранов»), либо адресующих к социальным реалиям позднего сталинизма¹³³, либо определяющих положение решений музыкальной секции в общем контексте шедшего в Комитете обсуждения¹³⁴. Очевидно, что целями книги не являлись исчерпывающее описание и анализ всей совокупности фактов, связанных с функционированием института Сталинской премии, поэтому известная фрагментарность и ограниченность контекстного материала вполне оправдываются уже самой музыковедческой направленностью исследования¹³⁵. Освещение же этого материала в книге зачастую вовсе не предполагает анализа и сводится к пересказу содержания стенограмм из архивного фонда Комитета в РГАЛИ (ф. 2073), перемежающемуся цитатами из них же. Между тем музыковедческая составляющая исследования представляет собой аргументированный и предельно детализированный фрагмент точной картины происходившего. (Отдельно стоит отметить 60-страничный раздел из 29 таблиц,

¹²⁸ См.: Стенограмма выступлений по второму вопросу повестки дня заседания Оргбюро ЦК ВКП(б) от 9. VIII. 1946 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1128. Л. 8–14. Этот фрагмент документа также опубликован в издании: Кремлевский кинотеатр. 1928–1953: Документы. М., 2005. С. 752–757.

¹²⁹ См.: Фильмы в сумерках, 7 июля 2002 г. // URL: <https://www.svoboda.org/a/24204213.html> (дата обращения: 10.01.2022).

¹³⁰ Сталинские премии: Две стороны одной медали. С. 860.

¹³¹ *Frolova-Walker M. Stalin's Music Prize: Soviet Culture and Politics*. London, 2016. Этой книге предшествовало другое фундаментальное исследование, посвященное национализму в истории русской музыки с достаточно пространным разделом «*Musical Nationalism in Stalin's Soviet Union*», где Фролова-Уолкер подробно рассматривает роль Сталинской премии в истории советской музыки (см.: *Frolova-Walker M. Russian Music and Nationalism: From Glinka to Stalin*. London, 2007. P. 301–355).

¹³² *Frolova-Walker M. Stalin's Music Prize: Soviet Culture and Politics*. P. 4.

¹³³ Ср., например: «How Much was 100,000 Roubles?» (Ibid. P. 12–15).

¹³⁴ Ср., например: «No One is Watching» (Ibid. P. 44–46). С той же целью в контексте анализа политико-идеологического потенциала института премии в вопросе восстановления советского влияния в странах Прибалтики Фролова-Уолкер приводит пример личного вмешательства Сталина в дела литературной секции Комитета, выдвинувшей роман В. Лациса «К новому берегу» (1951) лишь на третью премию за 1951 год; в итоге текст получил Сталинскую премию первой степени (см.: Ibid. P. 173–174). Подобные отступления от магистральной темы в данном исследовании отнюдь не единичны.

¹³⁵ Сама Фролова-Уолкер пишет: «Ее (т. е. книги. – Д. Ц.) первая цель – вписать новую страницу в институциональную историю советской культуры, рассмотрев советскую музыку через призму присуждения Сталинской премии» (Ibid. P. 5).

разбитых на 8 приложений, где систематизирована информация не только обо всех лауреатах в области музыки за период с 1940 по 1954 год, но и о составе самого Комитета по Сталинским премиям.) Однако экстраполяция, с которой мы сталкиваемся, не проясняет эту картину в целом, но в известной степени искажает ее очертания. Иначе говоря, попытка сложить сравнительно внятное представление о месте Сталинской премии в культурном континууме позднего сталинизма, ограничившись обращением исключительно к сформулированной (преимущественно на музыкальном материале) в книге Фроловой-Уолкер логике функционирования этой институции, обречена на неудачу.

Отдельно стоит сказать о целой группе разных по качеству исследований и публикаций, посвященных либо общим вопросам функционирования института Сталинской премии, процессуальным особенностям премирования¹³⁶, либо, напротив, локальным историко-литературным аспектам темы: дискуссии 1940–1941 годов в Комитете по Сталинским премиям в области литературы и искусства по поводу романа М. А. Шолохова «Тихий Дон»¹³⁷; документальному опровержению предложенной мемуаристами версии о причинах якобы трехкратного выдвижения текстов В. С. Гроссмана на Сталинскую премию¹³⁸ и трехкратного же вычеркивания их из лауреатских списков самим Сталиным по соображениям личной неприязни к писателю¹³⁹; обсуждению стихотворных переводов и сборника «Избранные стихи и поэмы» (М.: ГИХЛ, 1945) Б. Л. Пастернака для вероятного выдвижения на премию¹⁴⁰; обстоятельствам присуждения премии третьей степени в 1950 году за опубликованную в «Новом мире»¹⁴¹ повесть Ю. В. Трифонова¹⁴² «Студенты» (1950)¹⁴³ – дипломную работу выпускника Литературного института – или скандалу вокруг получившей Сталинскую премию второй степени за тот же год пьесы А. А. Сурова «Рассвет над Москвой» (1950), автором которой он не являлся (драматург не смог не только указать на использованные им в работе над пьесой источники, но даже долж-

¹³⁶ См., например: *Ивкин В. И.* Как отменяли Сталинские премии: Документы ЦК КПСС и Совета Министров СССР. 1953–1967 // Исторический архив. 2013. № 6. С. 3–49; *Шуляков Д. В.* История утверждения диплома и знака лауреата Сталинских премий // История науки и техники в современной системе знаний. Екатеринбург, 2016. С. 243–248; *Ахманов П. В.* Сталинские премии. М., 2016; *Тихонов В. В.* Неврученная награда: Сталинская премия в области исторических наук за 1952 г. // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. 2018. № 4 (37). С. 39–46; *Шуляков Д. В.* Наградная система СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2019. С. 122–124; *Максакова О. С.* Из истории о дипломе, удостоверении и Почетном знаке лауреата Сталинской премии, [2010] // URL: <http://rga-samara.ru/activity/publications/smi/articles/4909/> (дата обращения: 10.03.2022).

¹³⁷ См.: М. А. Шолохов в документах Комитета по Сталинским премиям 1940–1941 гг. // Новое о Михаиле Шолохове: Исследования и материалы. М., 2003. С. 486–551; *Сартов Б. М.* Сталин и писатели: Книга третья. М., 2009. С. 170–176; *Осипов В. О.* Шолохов. М., 2010. С. 284–305; *Вишнякова Е. А.* Роман М. А. Шолохова «Тихий Дон» в литературной критике конца 20-х – начала 40-х гг. XX в.: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. С. 163–169. Это диссертационное исследование выполнено довольно небрежно: в нем обильно присутствуют орфографические и пунктуационные ошибки; более того, материалы, хранящиеся в РГАЛИ, цитируются не по архивным подлинникам, а по различным публикациям, изобилующим фактическими неточностями.

¹³⁸ В 1941 году роман Гроссмана «Степан Кольчугин» (1937–1940) в Комитете по Сталинским премиям вовсе не обсуждался.

¹³⁹ См.: *Бит-Юнан Ю. Г., Фельдман Д. М.* Сталинские премии Василия Гроссмана: История с библиографией // Вопросы литературы. 2013. № 4. С. 186–223; *Бит-Юнан Ю. Г.* Публицистика В. С. Гроссмана в литературно-политическом контексте 1920–1980-х гг.: Дис. ... доктора филол. наук. М., 2020. С. 144–181, 208–315.

¹⁴⁰ См.: Деятели русского искусства и М. Б. Храпченко, председатель Всесоюзного комитета по делам искусств, апрель 1939 – январь 1948: Свод писем. М., 2007. С. 185–187; *Молотиков В. П.* Сталинская премия Бориса Пастернака: Суэта вокруг интимного лирика в интерьерах холодной войны // OSTKRAFT / Литературная коллекция. Научное обозрение. М., 2020. № 1. С. 171–198.

¹⁴¹ См.: *Трифонов Ю. В.* Студенты // Новый мир. 1950. № 10. С. 56–175; № 11. С. 49–182.

¹⁴² Трифонов был сыном «врага народа» и по совету Ажаева внес эту информацию в анкету для премии (Трифонов был выдвинут на Сталинскую премию «Новым миром»); подробнее об этом см.: *Трифонов Ю. В.* Записки соседа // Дружба народов. 1989. № 10. С. 18.

¹⁴³ См., например: *Экштут С. А.* Юрий Трифонов. М., 2014. С. 35–54; *Штов А. П.* Время Юрия Трифонова: Человек в истории и история в человеке (1925–1981). М., 2011. С. 316–320.

ным образом пересказать ее содержание)¹⁴⁴ и т. д. Отметим также ряд работ, в которых проблематизируется роль института Сталинской премии в истории других областей искусства и гуманитарного знания¹⁴⁵.

По сути, список исследований и публикаций, содержащих попытки уточнить место института Сталинской премии в социокультурном контексте позднего сталинизма, исчерпывается приведенным выше библиографическим перечнем. Несколько более локально формулируемый вопрос о характере того влияния, которое Сталинская премия оказывала на историко-литературный процесс 1940 – начала 1950-х годов, вовсе лишен специальных исследований. Вместе с тем изучение институционального комплекса управляемой сталинской культуры – едва ли не первая по значимости задача, хотя и уступающая в своей притягательности зачастую не требующему серьезного владения материалом нагромождению умозрительных конструкций и «концепций», строящихся на комбинировании одних и тех же переходящих из работы в работу фактов.

Все приведенные нами работы в известной степени основываются в выводах на архивных материалах Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства (Москва, 1939–1956; РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1–10), явно оказывающихся недостаточными для серьезных обобщений по вопросу институционального статуса высшей советской награды. Мы располагаем лишь чрезвычайно объемными (до 488 листов), но информативно скудными подборками стенограмм и протоколами пленумов Комитета и заседаний секций, документами по итогам голосования, списками и различной бюрократической и вспомогательной документацией (аннотациями и рецензиями на произведения искусства и литературы, выдвинутые на соискание премий и т. д.), а также частично закрытыми для ознакомления личными делами кандидатов на получение премий (как получивших премию, так и не получивших / отклоненных). Структура этих личных дел очень незамысловата: индивидуальная папка на каждого кандидата включает рекомендацию выдвигающей организации (чаще всего на бланке) и материалы личного дела из Союза писателей, присланные в Комитет заведующим отделом кадров писательской организации. В этом деле содержались характеристика (либо анкетные данные или личная карточка) с подписями председателя и секретаря правления и ССП, автобиографическая заметка, а также избранная библиография и краткий отзыв на представленные произведения. Личные дела кандидатов из национальных республик зачастую включали еще и фотографии писателей.

Еще одним ценным источником оказывается сложно реконструируемый и буквально собираемый по крупицам комплекс текстов, составлявший переписку между членами Комитета¹⁴⁶. Он позволяет внести ясность в ход дискуссий, не прекращавшихся за пределами засе-

¹⁴⁴ См.: *Антонина В. А.* Повседневная жизнь советских писателей. С. 336–352.

¹⁴⁵ О частных случаях присуждения Сталинской премии в области музыки написано немало; см., например: *Волков С. М.* 1) Шостакович и Сталин: Художник и царь. М., 2006. С. 388–394; 2) Сталин и его премии: Что и почему ценил вождь // *Знамя*. 2006. № 3. С. 127–138; *Двоскина Е. М.* Восьмая симфония Шостаковича и Сталинская премия // *Музыкальная академия*. 2008. № 2. С. 88–94; *Frolova-Walker M.* Russian Music and Nationalism: From Glinka to Stalin. P. 301–355; *Tomoff K.* Creative Union: The Professional Organization of Soviet Composers. P. 235–267. Присуждение Сталинских премий лауреатам в области изобразительного искусства подробно рассмотрено в вышеупомянутых работах Г. А. Янковской, а также в: *Johnson O.* The Stalin Prize and the Soviet Artist: Status Symbol or Stigma? // *The Slavic Review*. 2011. Vol. 70. № 4. P. 819–843. Вопрос о месте Сталинской премии в истории архитектуры советской эпохи на сегодняшний день рассмотрен лишь в одной работе: *Шурьгина О. С.* Сталинские премии архитектора И. В. Жолтовского (1940–1953) // *Российская история*. 2020. № 1. С. 132–142. См. также: *Корифельд Я. А.* Лауреаты Сталинских премий в архитектуре 1941–1950. М., 1953. Целый ряд работ посвящен вопросу о влиянии Сталинской премии на развитие исторической науки в СССР: *Тихонов В. В.* 1) Сталинская премия и советские историки: Случаи отклонения номинантов // *Исторические документы и актуальные проблемы археологии*. М., 2015. С. 381–384; 2) Сталинская премия как инструмент конструирования общей истории народов СССР // *Исторический журнал: Научные исследования*. 2016. № 2. С. 177–185; 3) Советская историческая наука в условиях идеологических кампаний середины 1940-х – начала 1950-х гг.: Дис. ... доктора ист. наук. М., 2018. С. 540–593. См. также: *Чаича Н. Я.* Историки – лауреаты Сталинских премий (1941–1952): Библиографический указатель литературы. Тбилиси, 1955.

¹⁴⁶ Среди изданных на сегодняшний день наиболее полными являются сборники писем «литературных генералов» – цен-

даний. Зачастую ключевые решения о выдвижении или снятии кандидатур принимались кулуарно, а на пленумах лишь объявлялись выводы предшествовавших им прений.

Помимо этого, в фондах РГАЛИ сохранился чрезвычайно объемный корпус документальных материалов канцелярии Комитета по делам искусств при СНК СССР (РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 3), включающий переписку с Комитетом по Сталинским премиям по вопросу выдвижения кандидатов на соискание Сталинских премий по литературе и искусству, предложения о выдвижении кандидатур на соискание премий, стенограммы заседаний Комитета и результаты голосования за все годы его работы. По этому поводу М. Фролова-Уолкер делает следующее замечание:

Процесс присуждения Сталинских премий очень хорошо документирован в отношении работы самого Комитета по Сталинским премиям (каждое пленарное заседание и некоторые заседания секций были зафиксированы дословно). Но туманом окутана работа высших органов, надзиравших за работой Комитета, изменяя или даже отменяя с трудом принятые его членами решения: на этих уровнях нет стенограмм, и сложная сеть дискуссий может быть вычленена из большого корпуса переписки между этими органами, а также из постоянно растущих кандидатских списков, прикладываемых к этим письмам¹⁴⁷.

Общий историко-культурный контекст сталинизма на сегодняшний день восстановлен довольно подробно и полно: изрядное количество составленных по тематическому принципу сборников архивных документов¹⁴⁸ и документальных исследований¹⁴⁹ детализируют и углубляют наше представление о характере культурной политики в эту эпоху. Задача определения места Сталинской премии в институциональном контексте формирования соцреалистического литературного канона позднего сталинизма может быть решена сразу в нескольких планах. Того объема общедоступных уже в 1940–1950-е годы источников, касающихся как нормативной стороны¹⁵⁰, так и сугубо статистического аспекта¹⁵¹ функционирования Сталинской пре-

---

тральных фигур писательской индустрии 1940-х годов. Особенно стоит выделить составленный С. Н. Преображенским и напечатанный в «Советском писателе» эпистолярный том Фадеева, содержащий около 550 писем; см.: *Фадеев А. Письма 1916–1956*. М., 1967 (2-е изд. – М., 1973).

¹⁴⁷ *Frolova-Walker M. Stalin's Music Prize: Soviet Culture and Politics*. P. 6.

¹⁴⁸ См., например: «Литературный фронт»: История политической цензуры 1932–1946 гг.: Сб. документов. М., 1994; «Исключить всякие упоминания...»: Очерки истории советской цензуры. М., 1995; История советской политической цензуры: Документы и комментарии. М., 1997; «Счастье литературы»: Государство и писатели. 1925–1938 гг.: Документы. М., 1997; Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953. М., 1999; Цензура в Советском Союзе. 1917–1991: Документы. М., 2004; Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956. М., 2005; Между молотом и наковальней: Союз советских писателей СССР. М., 2011. Т. 1. См. также: Большевицкая партия и советская литература. (Краткий обзор документов) // *Новый мир*. 1947. № 5. С. 117–149; О партийной и советской печати: Сб. документов. М., 1954.

¹⁴⁹ См., например: *Блюм А. В.* Запрещенные книги русских писателей и литературоведов. 1917–1991: Индекс советской цензуры с комментариями. СПб., 2003; *Антипина В. А.* Повседневная жизнь советских писателей, 1930–1950-е гг. М., 2005; *Фрезинский Б. Я.* Писатели и советские вожди: Избранные сюжеты 1919–1960 годов. М., 2008; *Горяева Т. М.* Политическая цензура в СССР, 1917–1991 гг. М., 2009; *Громова Н. А.* Распад: Судьба советского критика в 40–50-е гг. М., 2009 (к сожалению, книга Н. Громовой полна обидных ошибок и неточностей).

¹⁵⁰ См.: Сталинские премии: Справочник. М., 1945.

¹⁵¹ См.: Лауреаты Сталинских премий в области художественной прозы, поэзии, драматургии и литературоведения (1941–1948 гг.): Указатель литературы. Саратов, 1948; Лауреаты Сталинских премий 1947: Художественная проза. Поэзия. Драматургия. Литературная критика и искусствоведение: Библиографический указатель. Л., 1948; Лауреаты Сталинских премий в области художественной прозы, поэзии и драматургии: [Библиографический указатель] (1946–1947 гг.). Горький, 1948; Произведения советской художественной прозы и поэзии, удостоенные Сталинских премий за 1948 г.: Библиографическая памятка. Ростов-на-Дону, 1949; *Александрова А. В.* Произведения советской художественной литературы и литературной критики 1949 г., удостоенные Сталинских премий: (Указатель литературы). Владивосток, 1950; Художественные произведения советской литературы, удостоенные Сталинской премии: [Список]. М., 1950; Лауреаты Сталинских премий в области художественной прозы, поэзии, драматургии, 1941–1951: Указатель литературы. Новосибирск, 1951; Произведения советской худо-

мии и широко тиражировавшихся в официальной прессе (например, в «Правде») или вышедших отдельными изданиями¹⁵² (зачастую для внутрибиблиотечного использования), было бы вполне достаточно для составления исторической хроники, которая поэтапно отражала бы основные итоги работы институции, но не объясняла бы их. Вместе с тем работа, которая не просто констатировала бы факты, но определяла бы мотивы тех или иных решений (зачастую мотивированных сугубой политической прагматикой) и объясняла бы институциональные механизмы (одним из которых и является Сталинская премия), формировавшие послевоенный культурный канон, не может быть написана без обращения к документам, вносящим ясность в вопрос об объеме сталинского влияния на практику присуждения высших наград.

Из-за слабой очерченности институциональных рамок Сталинской премии весьма существенная часть сведений по ее истории содержится в архивных фондах смежных с ней институций. Основные принципы работы Сталинского комитета были завязаны на тесном взаимодействии с многочисленными общественными организациями – Союзом советских писателей (РГАЛИ. Ф. 631), Комитетом по делам искусств (РГАЛИ. Ф. 962, 2075), Институтом мировой литературы им. Горького (АРАН. Ф. 397), редакциями газет (РГАСПИ. Ф. 364; РГАЛИ. Ф. 3352) и «толстых» литературно-художественных журналов (РГАЛИ. Ф. 618, 619, 1702), издательствами и целым рядом других. Поэтому введение в научный оборот документации, осевшей в фондах этих учреждений, позволяет добиться, с одной стороны, максимальной детализации процесса прохождения текстов через эту многоуровневую систему и, с другой стороны, точности аналитических обобщений и выводов.

Значительную ценность для нас представляют недавно рассекреченная нормативная документация Политбюро ЦК КПСС, обеспечивавшая работу института Сталинской премии, и лауреатские списки с личной правкой Сталина, хранящиеся в РГАНИ (Ф. 3. Оп. 53а)¹⁵³. Свои пометы он обычно вносил цветным карандашом (в основном синего, но иногда и красного цвета; реже – коричневого или зеленого), внимательно просматривая отмеченный подчеркиванием или галочкой документ целиком и оставляя некоторые страницы нетронутыми. Однако страницы, относившиеся к кинематографии и литературе (две особенно привлекавшие Сталина номинации), буквально испещрены сталинскими маргиналиями: он вносил в списки новых лауреатов, стрелками или путем надписывания менял степень присуждаемой премии, выражал свое несогласие, оставляя на полях пометы вроде «Нет!», «Вон!», «Откл» или «Ха-ха» и т. д. Сохранившаяся в РГАНИ документация интересна и со статистической точки зрения, так как весьма точно фиксирует степень интенсивности сталинского участия в делах инсти-

---

жественной прозы, поэзии и драматургии, удостоенные Сталинских премий за 1949–1950 гг.: Указатель литературы. Петрозаводск, 1951; Лауреаты Сталинских премий 1949: Художественная проза, поэзия, драматургия, литературная критика и искусствоведение: Библиографический указатель. Л., 1950; Лауреаты Сталинских премий: Проза. Поэзия. Драматургия. Литературная критика и искусствоведение: В 2 т. М., 1951–1952; *Кандель Б. Л.* Лауреаты международных Сталинских премий мира за 1951 г. (Писатели): Рекомендательный указатель литературы. Л., 1952; Художественные произведения, удостоенные Сталинских премий в 1941–1952 гг.: [Библиографический указатель]. М., 1953.

¹⁵² См., например: Литература, вдохновленная коммунизмом: Статьи о лауреатах Сталинских премий 1948 г. М., 1949; Пропаганда произведений писателей лауреатов Сталинских премий: Сб. материалов. М., 1949; Что читать о лауреатах Сталинских премий в области художественной прозы, поэзии, драматургии и литературоведения за 1949 г.: [Краткий указатель литературы]. Ворошиловград, 1950; *Белякова Е. В.* Читательские конференции по романам лауреата Сталинской премии С. П. Бабаевского «Кавалер Золотой звезды» и «Свет над землей». Курган, 1950; *Луценко Ф. И.* Лауреаты Сталинских премий в области художественной литературы за 1950 г. Воронеж, 1951; *Никитин А. М.* 1) Лауреаты Сталинских премий в области художественной литературы за 1950 г.: Материал к лекции. М., 1951; 2) Лауреаты Сталинских премий: Художественная литература 1951. Материалы к лекции. М., 1952; *Жигулев А. М.* Лауреаты Сталинских премий в области художественной литературы за 1951 г.: Материал к лекции. М., 1952; *Кусков В. В.* Материалы к лекции на тему: «Писатели – лауреаты Сталинской премии за 1951 г.». Свердловск, 1952; Писатели – лауреаты Сталинской премии: Краткие биографии [и списки основных произведений]. М.; Л., 1953.

¹⁵³ Кроме того, в описи хранятся адресованные Сталину письма и шифrogramмы с благодарностью за премирование. Но есть среди этих посланий и такие, в которых высказывается неудовлетворенность отсутствием кандидатов от какой-либо «братской республики» в итоговом варианте постановления (см., например, шифrogramму секретаря ЦК белорусской КП(б) П. Пономаренко: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 53а. Ед. хр. 6. Л. 213).

туции. Машинописные листы довоенного и военного периодов почти не содержат помет Сталина¹⁵⁴ (куда чаще можно обнаружить в этих материалах правку Молотова), тогда как в послевоенное время его вмешательство в работу Комитета по маргиналиям прослеживается вполне определенно¹⁵⁵. Кроме того, содержатся в материалах фонда и рукописные списки – иногда заготовленные секретарями (тогда рядом с фамилиями стоял галочка), но чаще составленные лично Сталиным в ходе обсуждений – присутствовавших на заседаниях Политбюро чиновников. Тем не менее анализ этих документов не позволяет установить, являются ли эти правки жестом личной воли Сталина или результатом коллективных обсуждений на закрытых заседаниях Политбюро. Однако свет на официально не задокументированные подробности этих «разговоров» проливают несколько сохранившихся мемуарных свидетельств людей, участвовавших в подобных обсуждениях.

Воспоминания, оставленные входившими в круг сталинских приближенных К. М. Симоновым¹⁵⁶ и Д. Т. Шепиловым¹⁵⁷, представляют собой ценнейшие свидетельства, которые позволяют нам судить о характере и объеме влияния Сталина на принятие решений о присуждении наград, а также воссоздают атмосферу неформальных заседаний, где эти решения принимались. Однако их мемуары весьма фрагментарны, хоть и крайне точны: Шепилов присутствовал на подобных заседаниях только в 1948 (26, 31 марта и 11 июня) и 1949 (19, 22 и 31 марта) годах, а Симонов обрывочно отразил в своих записях обсуждения 1947, 1948, 1950 и 1952 годов, по большей части сосредоточившись на освещении близких ему вопросов литературного толка. Мемуары Симонова отличаются большей последовательностью, тогда как Шепилов очень часто объединяет случаи разных лет в единое повествование. Так, например, он пишет о ходе дискуссии в Политбюро:

...Сталин все продолжал выяснять, добавлять, корректировать:

– А Первомайского выдвинули? А может быть, Костылева за «Ивана Грозного» передвинуть на 2-ю степень? Я думаю, Якобсону за «Два лагеря» (так Сталин назвал пьесу А. Якобсона «Борьба без линии фронта») можно дать 1-ю премию. Грибачеву за «Колхоз „Большевик“» можно дать премию. Только образ парторга в поэме не развернут.

Александр Фадеев предложил включить цикл стихов Николая Тихонова «Грузинская весна» на 2-ю премию. Сталин (смеясь):

– Вот это удружил другу. Я предлагаю включить Тихонова на 1-ю степень¹⁵⁸.

Между тем обсуждение Костылева, Якобсона, Грибачева относится к весне 1948 года, а кандидатура Тихонова обсуждалась весной следующего года (тогда поэт и получил премию первой степени за цикл стихотворений «Грузинская весна»).

Беглые дневниковые заметки, содержащие ценные сведения об организации литературного производства сталинской эпохи (в т. ч. о процессуальных нюансах выдвижения кандидатов на премии), оставил В. Я. Кирпотин¹⁵⁹. Многие факты, связанные с присуждением Сталинских премий писателям, в мемуарах упоминает И. Г. Эренбург¹⁶⁰. Отрывочные, но очень

¹⁵⁴ Интересна правка в типографском экземпляре постановления о присуждении премий за 1941 год. В документе, который почти не содержит помет, нервным росчерком карандаша вычеркнута кандидатура С. Михоэлса (см.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 53а. Ед. хр. 4. Л. 128).

¹⁵⁵ Исключением оказывается документация, относящаяся к работам 1945 года. Тогда в списки, которые подготовила Комиссия Политбюро, Сталин внес всего одно добавление; об этом – далее.

¹⁵⁶ Симонов К. М. Глазами человека моего поколения: Размышления о И. В. Сталине. М., 1989.

¹⁵⁷ Шепилов Д. Т. Непримкнувший: [Воспоминания]. М., 2017. Впервые отдельным изданием: М., 2001.

¹⁵⁸ Там же. С. 132.

¹⁵⁹ См.: Кирпотин В. Я. Ровесник железного века: Мемуарная книга. М., 2006.

¹⁶⁰ См.: Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь: В 3 т. М., 1990. Первое издание – М.: Сов. писатель, 1961–1966.

ценные сведения также можно обнаружить в дневниках и воспоминаниях Вс. Вяч. Иванова, В. А. Каверина, А. Н. Рыбакова, К. И. Чуковского¹⁶¹. Эти отнюдь не многочисленные мемуарные свидетельства в известной мере дополняют и обогащают полученные из анализа сталинских помет в лауреатских списках выводы множеством нюансов и оговорок, но не изменяют характер этих выводов принципиально. Очевидно, что *особое* участие Сталин, который приходил на заседания Политбюро наиболее подготовленным из всех¹⁶², проявлял в вопросе присуждения наград в номинации художественной кинематографии¹⁶³ (о чем подробно пишет Шепилов¹⁶⁴) и, что оказывается наиболее важным для нашей темы, в литературной номинации. К. Симонов вспоминал, что

Сталин имел обыкновение <...> брать с собой на заседание небольшую пачку книг и журналов. Она лежала слева от него под рукой, что там было, оставалось неизвестным до поры до времени, но пачка эта не только внушала присутствующим интерес, но и вызывала известную тревогу – что там могло быть. А были там вышедшие книгами и напечатанные в журналах литературные произведения, не входившие ни в какие списки представленных на премию Комитетом¹⁶⁵.

Д. Шепилов приводит 13 примеров вмешательства Сталина в обсуждения списков номинантов в области литературы и еще пять случаев, когда он внес коррективы в итоговые лауреатские списки от секций живописи, скульптуры, архитектуры и музыки. Тогда как практически все приводимые в мемуарах К. Симонова случаи, повторимся, ориентированы именно на историко-литературную проблематику. Еще одним частым гостем этих неформальных заседаний был председатель (с декабря 1939 по январь 1948 года) Комитета по делам искусств при СНК СССР М. Б. Храпченко, чье объемное эпистолярное наследие, к сегодняшнему дню опубликованное¹⁶⁶, также может служить серьезной фактической опорой в написании истории института Сталинской премии по литературе. Кроме того, множество частных «сюжетов» и случаев, прямо или косвенно сообразующихся с нашей темой, могут быть описаны и

¹⁶¹ См.: *Иванов В. В.* Дневники. М., 2001; *Каверин В. А.* Эпилог: Мемуары. М., 1989; *Рыбаков А. Н.* Роман-воспоминание. М., 1997; *Чуковский К. И.* Дневник: 1930–1969. М., 1994.

¹⁶² Шепилов в воспоминаниях отмечает, что Сталин «всегда пылливо следил за выходящей социально-экономической и художественной литературой и находил время просматривать все, имеющее сколько-нибудь существенное значение. <...> „Толстые“ литературно-художественные журналы „Новый мир“, „Октябрь“, „Знамя“, „Звезда“ и др., научные, гуманитарные „Вопросы философии“, „Вопросы экономики“, „Вопросы истории“, „Большевик“ и прочие он успевал прочитывать в самых первых, сигнальных экземплярах» (*Шепилов Д. Т.* Непримкнувший. С. 129). Об этом же пишет и Кирпотин, вспоминая о подготовке Фадеева к заседаниям Комитета: «Особую напряженность приобретали у Фадеева месяцы перед присуждением Сталинских премий. Он прочитывал и просматривал десятки книг, а может быть, и целую сотню. Он знал, что Сталин окажется весьма осведомленным, неожиданным в своих симпатиях и оценках, что ему придется мотивировать свои предложения. Фадеев не хотел ударить в грязь лицом. Сталину надо было показать, что он знает все, что происходит в литературе» (*Кирпотин В. Я.* Ровесник железного века. С. 647).

¹⁶³ Вопрос о сталинском влиянии на художественный кинематограф (в том числе на судьбу номинированных на Сталинскую премию кинокартин) достаточно полно освещался в ряде научных публикаций последних лет. К заслуживающим наибольшее внимание работам следует отнести: Кино тоталитарной эпохи (1933–1945). Союз кинематографистов СССР и ФИПРЕССИ. М., 1989; Кино тоталитарной эпохи // Искусство кино. 1990. № 1–3; *Латышев А.* Две Сталинские премии // Искусство кино. 1990. № 11. С. 91–93; *Марьямов Г. Б.* Кремлевский цензор: Сталин смотрит кино. М., 1992; *Марголит Е., Шмыров В.* Изъятое кино: 1924–1953. М., 1995; *Громов Е. С.* Сталин: власть и искусство. М., 1998. С. 181–209; *Добренко Е. А.* 1) Музей революции: Советское кино и сталинский исторический нарратив. М., 2008; 2) Поздний сталинизм: Эстетика политики: В 2 т. М., 2020. Т. 1. С. 227–274; *Stalinism and Soviet cinema.* London, 1993; *Belodubrovskaya M.* Not According to Plan: Filmmaking under Stalin. Cornell University Press, 2017 (изд. на рус. яз.: *Белодубровская М.* Не по плану: Кинематография при Сталине. М., 2020). См. также сборник: Кремлевский кинотеатр. 1928–1953: Документы. М., 2005.

¹⁶⁴ См.: *Шепилов Д. Т.* Непримкнувший. С. 136–138.

¹⁶⁵ *Симонов К. М.* Глазами человека моего поколения. С. 167. Далее Симонов отметит: «...чаще всего <...> там лежали номера журнала „Звезда“, потому что он [после «ленинградского дела»] по-прежнему неотрывно следил за этим ленинградским журналом, а через него и за Ленинградом» (Там же. С. 208).

¹⁶⁶ См.: Деятели русского искусства и М. Б. Храпченко. С. 126–240.

охарактеризованы с опорой на корпус активно публикуемых с конца 1980-х годов эго-документов¹⁶⁷ (в том числе членов Комитета, писателей-лауреатов и других участников литературного процесса позднесталинской эпохи), неоднократно становившихся предметом детального историко-литературного рассмотрения¹⁶⁸. Еще одним ценным источником могли бы стать не только полноценные теоретико-литературные или критико-публицистические работы¹⁶⁹, но и беглые заметки¹⁷⁰, которые в записных книжках оставил А. Фадеев, с 1946 года (после смерти предыдущего председателя И. М. Москвина) возглавлявший Комитет по Сталинским премиям и являвшийся неизменным участником заседаний Политбюро. (Однако множество архивных материалов личного характера по-прежнему остаются закрытыми и недоступными для исследователей.)

Особенно ценными источниками являются отмеченные Сталинской премией тексты, печатные экземпляры которых содержат информацию о тираже и стоимости. Обращение к их системной библиографии¹⁷¹ во многих случаях может служить надежным доказательством или опровержением гипотез и выводов, распространенных в историко-литературных описаниях и мемуарных источниках¹⁷².

Таков – в кратком освещении – приблизительный, но отнюдь не полный круг источников и материалов, необходимых для создания научной истории института Сталинской премии по литературе.

¹⁶⁷ Полный перечень опубликованных в 1957–1982 годах эго-документов советских писателей и воспоминаний современников о них см. в: Советское общество в воспоминаниях и дневниках: Аннотированный библиографический указатель книг, публикаций в сборниках и журналах. М., 2017. Т. 8: Литературная жизнь СССР. Обзор вышедших в 1980–1990-е гг. изданий см. в: *Паперно И. А.* Советская эпоха в мемуарах, дневниках, снах: Опыт чтения. М., 2021. С. 9–21.

¹⁶⁸ См., например: *Перхин В. В.* Русские литераторы в письмах (1905–1985): Исследования и материалы. СПб., 2004; *Суровцева Е. В.* Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху (1920–50-е гг.): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2006; *Горяева Т. М.* Дневник как жанр документальной исповеди // Берггольц О. Ф. Блокадный дневник (1941–1945). СПб., 2015. С. 449–478; *Перхин В. В.* А. Н. Толстой и власть. СПб., 2017. С. 42–102; *Пинский А.* Дневниковая форма и субъективность в хрущевскую эпоху // После Сталина: Позднесоветская субъективность (1953–1985). СПб., 2018. С. 145–178; *Корниенко Н. В.* Читатели Михаила Шолохова: Контексты эпохи // «Очень прошу ответить мне по существу...»: Письма читателей М. А. Шолохову. 1929–1955. М., 2020. С. 625–798; *Суровцева Е. В.* И. Г. Эренбург и его эпистолярное общение с властями. Казань, 2020; *Паперно И. А.* Советская эпоха в мемуарах, дневниках, снах: Опыт чтения. М., 2021; *Хелльбек Й.* Революция от первого лица: Дневники сталинской эпохи. М., 2021; *Intimacy and Terror: Soviet Diaries of the 1930's.* New York, 1995; *Lahusen T.* 1) How Life Writes the Book: Real Socialism and Socialist Realism in Stalin's Russia. Ithaca, NY; London, 1997; 2) Is There a Class in This Text? Reading in the Age of Stalin // *Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia.* Milan, 2020. Vol. 3. P. 83–106; *Lekmanov O.* The «Other» Readers of the 1920's: Three Portraits // *Ibid.* P. 273–294.

¹⁶⁹ Большинство подобных работ опубликовано С. Н. Преображенским в сборнике: *Фадеев А. А.* За тридцать лет. М., 1957.

¹⁷⁰ Частично записные книжки Фадеева были опубликованы в пятом томе собраний сочинений под ред. Е. Ф. Книпович, В. М. Озерова и К. А. Федина, вышедшем в 1961 г.: *Фадеев А. А.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1961. Т. 5. С. 91–226. Подготовительные материалы см.: *Фадеев А. А.* Собрание сочинений: В 5 т. Том 5. Статьи, рецензии, записные книжки, письма. Из записных книжек // РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 9. Ед. хр. 456–459. Не вошедший в это издание материал из записных книжек на сегодняшний день исследователям недоступен. Ряд других ценных документов из личного фонда Фадеева в РГАЛИ опубликован в сборниках: Александр Фадеев. Письма и документы: Из фондов Российского Государственного Архива литературы и искусства. М., 2001; «Мы предчувствовали польханье...»: Союз советских писателей СССР в годы Великой Отечественной войны. Документы и комментарии. Июнь 1941 – сентябрь 1945 г. М., 2015. Кн. 1. С. 198–208. См. также: Александр Фадеев: Материалы и исследования. [Вып. 1]. М., 1977; [Вып. 2]. М., 1984; Творчество и судьба Александра Фадеева: Статьи, эссе, воспоминания, архивные материалы, страницы летописи. М., 2004.

¹⁷¹ См., например, многотомный указатель Н. И. Мацуева (*Мацуев Н. И.* 1) Художественная литература русская и переводная. 1928–1932 гг.: Указатель статей, рецензий и аннотаций. М., 1936; 2) Художественная литература, русская и переводная, в оценке критики. 1933–1937: Библиографический указатель. М., 1940; 3) Советская художественная литература и критика. 1938–1948: Библиография. М., 1952; 4) Советская художественная литература и критика. 1949–1951: Библиография. М., 1953; 5) Советская художественная литература и критика. 1952–1953: Библиография. М., 1954; 6) Советская художественная литература и критика. 1954–1955: Библиография. М., 1957; 7) Советская художественная литература и критика. 1956–1957: Библиография. М., 1959; 8) Советская художественная литература и критика. 1958–1959: Библиография. М., 1962); библиографический справочник А. К. Тарасенкова (*Тарасенков А. К.* Русские поэты XX в. 1900–1955: Библиография. М., 1966).

¹⁷² Примером такого продуктивного применения библиографической аргументации может случить исследование Ю. Бит-Юнана и Д. Фельдмана «Василий Гроссман в зеркале литературных интриг» (М., 2016).

Между «относительно хорошим» и «абсолютно хорошим»: Комитет по Сталинским премиям в поисках «выдающихся произведений»

Подробное последовательное изложение истории института Сталинской премии по литературе предполагает отнюдь не шаблонную реконструкцию хода обсуждений в рамках Комитета (комментированную публикацию хранящихся в архиве стенограмм) и/или построение хронологически организованной «летописи» принятых решений, но такую организацию материала, которая не только восстанавливала бы траекторию движения того или иного литературного произведения в бюрократических структурах Страны Советов, но и проливала бы свет на мотивы его выдвижения на премию. Кроме того, такое описание должно одинаково тесно взаимодействовать с контекстами внутри- и внешнеполитической истории, истории культурных институций и их контактов, теории советского официального искусства, литературной критики, публицистики, мемуаристики и другими, более локальными, сегментами культурной истории позднесталинского периода. Очевидно, что установка на исследование подобного характера не может быть полноценно реализована в рамках избранного нами монографического формата, поэтому разумно будет сперва сосредоточиться на подробной характеристике тех изначальных принципов, которыми эксперты руководствовались при обсуждении литературных произведений и последующей их рекомендации на присуждение Сталинской премии.

Первое заседание Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства состоялось *16 сентября 1940 года* в МХАТе СССР им. Горького. Началась работа в 13:30. Помимо председательствовавшего В. И. Немировича-Данченко, на нем присутствовали 24 члена Комитета¹⁷³: А. В. Александров, Н. Н. Асеев, И. Г. Большаков, В. А. Веснин, Р. М. Глиэр, А. Б. Гольденвейзер, И. Э. Грабарь, А. К. Гулакян, А. С. Гурвич, И. О. Дунаевский, Е. М. Кузнецов, С. М. Михоэлс, А. М. Молдыбаев, В. И. Мухина, Н. Я. Мясковский, С. А. Самосуд, Р. Н. Симонов, И. Я. Судаков, А. Н. Толстой, А. А. Фадеев, М. Б. Храпченко, Н. К. Черкасов, М. Э. Чиаурели, Ю. А. Шапорин, Ф. М. Эрмлер. Отсутствовали на заседании 14 членов Комитета¹⁷⁴: пятеро из них (К. Ж. Байсеитова, А. М. Герасимов, А. П. Довженко, С. Д. Меркуров, И. М. Москвин) – по болезни; четверо (У. Гаджибеков, А. Е. Корнейчук, А. А. Хорава, М. А. Шолохов¹⁷⁵) – по занятости; еще пятеро (Г. Ф. Александров¹⁷⁶, Я. Купала, И. К. Луппол, А. Г. Мордвинов, Х. Насырова) отсутствовали без предупреждения. Секретарем Комитета назначена сестра Е. С. Булгаковой О. С. Бокшанская – секретарь дирекции МХАТа с 1915 года и личная ассистентка Немировича-Данченко с 1919 года.

Именно на этом заседании были предварительно определены принципы работы Комитета (позднее они довольно существенно изменятся в виду принятия Советом народных комиссаров 20 декабря 1940 года постановления № 2600 «Об изменении порядка присуждения Ста-

---

¹⁷³ Список членов Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства, [16 сентября 1940 г.] // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 2–2 об.

¹⁷⁴ Протокол № 1. Общее заседание Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства, 16 сентября 1940 г. // Там же. Л. 1.

¹⁷⁵ За 14 лет работы Комитета Шолохов не принял участия ни в одном из заседаний, но до самого последнего дня существования института Сталинской премии его имя числилось в списке экспертов.

¹⁷⁶ Г. Александров, сам будучи обладателем двух Сталинских премий (1943, I; 1946, II), также ни разу не присутствовал на заседаниях Комитета вплоть до конца 1940-х годов, но, как это видно по архивным материалам, неоднократно принимал участие в баллотировках. Не до конца ясно, присутствовал ли Александров на пленуме 4 января 1941 года, так как в материалах фонда не сохранился протокол со списком участников. Известно лишь то, что он получал бюллетень для голосования, проходившего в тот же день.

линских премий»¹⁷⁷, которое не только увеличит количество премий в разных номинациях, но и значительно усложнит работу экспертов, расширив допустимый период создания номинируемых произведений с 9 месяцев 15 дней до «последних 6–7 лет»). По причине занятости А. Я. Вышинского, с которым Немирович-Данченко долго не мог встретиться лично, заседание задержалось (по всей видимости, изначально его проведение планировалось в летний период), обусловив, таким образом, потребность в четко аргументированных и, главное, быстрых решениях членов Комитета (впоследствии Комитет не сумеет отойти от «штурмовщины» в вопросе ознакомления с номинированными произведениями, что повлечет закономерные обвинения в субъективности выносимых решений и беспринципности работы секций). Встреча председателя Комитета с заместителем председателя Совнаркома была необходимой, так как множество вопросов, связанных с порядком работы Комитета, попросту не были прояснены. Об этом Немирович-Данченко, предварительно попросив представителей прессы «не печатать того, что мы пока не найдем нужным», сказал в приветственном слове на первом заседании: «Потом от вас посыпались разные вопросы и затем, наконец, удалось с ним (с Вышинским. – Д. Ц.) встретиться. Когда я получил от него ответы и вас известил, тогда можно было начинать»¹⁷⁸. И уже затем он сообщил ответы правительства на основные вопросы, касавшиеся организации дальнейшего порядка работы:

Кандидатуры представляют сами члены Комитета, общественные организации, а не сами авторы. Так, например, поэма, роман – их определяют соответствующие организации. <...> Авторы, которые спросили у нас, куда направлять, были осведомлены именно в этом смысле; т. е. организация просматривает [произведение] и рекомендовать – отказывается [решают – рекомендуют они или отклоняют эту кандидатуру].

С одной стороны, премия за выдающееся произведение; а есть такое выражение – «выбор из них наиболее выдающихся». Разъяснение такое, что выдается не за относительно хорошее, а за абсолютно хорошее.

<...>

Премированию подлежат произведения, законченные за время с 1 января по 15-е октября 1940 года. Те, которые появляются после 15 октября, отходят на 1941 год. На основании этого я просил, чтобы в 1940-й год входили произведения, уже появившиеся с 15 октября прошлого года, но на это получил совершенно категорический ответ: нет, только с 1 января 1940 года. <...>

Члены комитета могут рекомендовать произведения, еще не исполненные или еще не выставленные. Тогда Комитет поручает отдельным членам или секции дать окончательное суждение.

<...> Конечно, необходимо образовать из членов Комитета секции. <...> Первая – по литературе, вторая – по театру и кино, третья – по музыке, четвертая – по изобразительному искусству: архитектуре, скульптуре и живописи.

<...> Комитет может присуждать данную премию режиссеру или даже актеру, или коллективу.

<...> Оценка и присуждение премий за работы в области театрального искусства и кинематографии производятся как на основании представленных

¹⁷⁷ Документ опубликован в: Правда. 1941. № 12 (8429). 12 января. С. 1. Проект этого постановления с пометами Сталина хранится в РГАНИ (Ф. 3. Оп. 53а. Ед. хр. 1. Л. 26–27).

¹⁷⁸ Стенограмма первого пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 16 сентября 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 3.

материалов (пьесы, сценарии, макеты и т. д.), так и на основании имевших место показов кинофильмов и театральных постановок¹⁷⁹.

На вопрос А. Б. Гольденвейзера о том, подлежит ли рассмотрению произведение члена Комитета, выдвинутое им самим, Немирович-Данченко, во многом предопределив не только своеобразное «местничество», «протекторат» в вопросе распределения премий, но и групповую (или даже «клановую») борьбу внутри секций¹⁸⁰ (вопрос о которой, наряду со многими другими, был поднят В. С. Кружковым в адресованной Маленкову восьмистраничной справке Отдела художественной литературы и искусства ЦК ВКП(б) о работе Комитета по Сталинским премиям в области искусства и литературы¹⁸¹ от 27 мая 1952 года; об этом – далее), ответил: «... в Комитете находятся *самые выдающиеся представители в области искусства*. Почему же они должны быть лишены права на получение премии?»¹⁸²

Большинство обсуждаемых на первом заседании вопросов имели сугубо организационный характер и в основном касались установления зоны ответственности для каждой из четырех образованных секций: один из магистральных «сюжетов» заседания связан с тем, в какой из секций (музыкальной или театральной) будет рассматриваться опера¹⁸³, дискуссия велась и по поводу того, какое произведение может считаться оконченным¹⁸⁴. Большинство возникавших по ходу обсуждения сложностей были связаны с частой невозможностью практического соблюдения зафиксированных в постановлении критериев. Множество нюансов, обнаруживших себя при предметном подходе к вопросу, попросту не были учтены авторами документа, регламентировавшего работу Комитета; решение частных вопросов целиком возлагалось на отдельные секции. Развивая наметившийся спор об «оконченности» произведения, принципиально важное замечание в связи с премированием литературных текстов, определившее особое положение Сталинской премии в системе литературного производства, сделал А. Н. Толстой:

Момент публикации и печати всегда является моментом окончания произведения, потому что то, что есть в рукописи не значит, что будет в печати. Нам дается возможность в каких то (sic!) случаях премировать и неопубликованные произведения, но это не значит, что мы должны вводить это в практику¹⁸⁵.

На этом же заседании все члены Комитета были разделены по четырем секциям¹⁸⁶:

1) Секция литературы (включая поэзию, прозу, драматургию, критику): Г. Ф. Александров, Н. Н. Асеев, А. К. Гулакян, А. С. Гурвич, А. Е. Корнейчук, И. К. Луппол, А. Н. Толстой, А. А. Фадеев, М. А. Шолохов, Я. Купала;

2) Секция театра и кино: Г. Ф. Александров, К. Байсеитова, И. Г. Большаков, Р. М. Глиэр, А. К. Гулакян, А. С. Гурвич, А. П. Довженко, Е. М. Кузнецов, С. М. Михозлс, А. М. Молдыбаев, И. М. Москвин, Х. Насырова, С. А. Самосуд, Р. Н. Симонов, И. Я. Судаков, А. А. Хорава, М. Б. Храпченко, Н. К. Черкасов, М. Э. Чиаурели, Ф. М. Эрмлер;

¹⁷⁹ Там же. Л. 4–10. Слова, помещенные в квадратных скобках, вписаны позднее.

¹⁸⁰ О ситуации, сложившейся в секции изобразительного искусства, см.: Johnson O. The Stalin Prize and the Soviet Artist: Status Symbol or Stigma? // The Slavic Review. 2011. Vol. 70. № 4. P. 819–843.

¹⁸¹ Подлинник документа хранится в РГАСПИ (Ф. 119. Ед. хр. 909. Л. 124–131) и опубликован в кн.: Власть и художественная интеллигенция. С. 675–681.

¹⁸² Стенограмма первого пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 16 сентября 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 6. Курсив наш.

¹⁸³ Свообразным решением вопроса стало замечание Немировича-Данченко о гибридном характере двух названных секций: «... в секцию по театру входят многие из секции музыкальной и наоборот: в секцию музыкальную – многие из секции театральной» (Там же. Л. 10).

¹⁸⁴ Немирович-Данченко заключил: «Замысел не может быть премирован, он должен быть исполнен» (Там же. Л. 14).

¹⁸⁵ Там же. Л. 19.

¹⁸⁶ Там же. Л. 23–24. Курсивом в списках выделены имена первых председателей секций.

3) Секция музыки: Г. Ф. Александров, А. В. Александров, К. Байсеитова, У. Гаджибеков, Р. М. Глиэр¹⁸⁷, А. Б. Гольденвейзер, И. О. Дунаевский, Н. Я. Мясковский, Х. Насырова, С. А. Самосуд, М. Б. Храпченко, Ю. А. Шапорин;

4) Секция живописи, скульптуры, архитектуры: Г. Ф. Александров, В. А. Веснин, А. М. Герасимов, И. Э. Грабарь, С. Д. Меркуров, А. Г. Мордвинов, В. И. Мухина, М. Б. Храпченко;

Изначальная установка большинства членов Комитета характеризовалась непритворной уверенностью в величине возложенной на них миссии по обеспечению «синтетического роста искусств» (Вл. И. Немирович-Данченко): можно утверждать, что каждый из присутствовавших на первом заседании ощущал эту особенную атмосферу пусть и иллюзорного высвобождения из-под контроля ЦК (он эвфемистически стал именоваться «проявлением непрерывного внимания и непрерывной заботы»¹⁸⁸); в тот момент эта «иллюзия свободы» не воспринималась как нечто мнимое. Отсюда и отразившаяся в стенограммах первоначальная ориентация членов Комитета на эстетические критерии оценки выдвинутых для рассмотрения произведений, общая воодушевленность, вызванная ощущением «художественно-житейского подъема» (Вл. И. Немирович-Данченко). Эту мысль точнее всего высказал А. Толстой, призвавший экспертов ответственно отнестись к подготовке материалов секционных и пленарных заседаний:

У нас создалось такое впечатление, что, в сущности, Комитет выполняет роль гораздо более крупную, чем присуждение премий, а именно какую-то концентрацию и рост эстетических требований, которую Комитет до известной степени должен отражать и должен сыграть большую роль в поднятии эстетической культуры. Тут наверное будут высказываться интересные мнения в этой области. Хотелось бы, чтобы стенограммы были обработаны в виде материала для будущих публикаций. <...> Надо, чтобы высказывания были превращены в художественный материал. Это было бы важно для всей страны¹⁸⁹.

М. Фролова-Уолкер пишет, что «акцент на эстетике (а не на идеологии) характерен для Комитета по Сталинским премиям в его ранней фазе: кажется, что его члены на какое-то время были „убаюканы“ чувством, что они образуют автономный элитарный художественный круг»¹⁹⁰. Из всех членов Комитета только Храпченко, поруганный за покровительство «вредной» пьесе Леонова, сохранял почти «налитпостовскую» политическую бдительность и старался в своих предпочтениях не отходить от «партийной линии». (Тесное общение с Немировичем-Данченко в итоге скажется на взглядах Храпченко и его эстетических предпочтениях.) Однако другие комитетчики на недолгое время ощутили себя вправе судить советское искусство по «гамбургскому счету». Р. Н. Симонов на третьем пленарном заседании в 1940 году, проходившем в здании Третьяковской галереи, говорил:

Сталинская премия имеет огромное значение в смысле требований к художнику. И здесь я бы предложил членам Комитета [зачеркнуто] относиться к выдаче премий с особым вниманием, требовательностью и тщательностью.

¹⁸⁷ На первом заседании секции музыки Комитета по Сталинским премиям 16 сентября 1940 года ее председателем был избран Р. М. Глиэр (см.: РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 2), но 27 октября он выступил с заявлением об освобождении его от ранее возложенных обязанностей, мотивировав это тем, что он «не считает для себя возможным осуществлять руководство секции вследствие того, что среди представленных кандидатур выдвинута опера „Лейли и Меджнун“, автором которой является он» (Там же. Л. 4). Тогда же председателем секции был назначен А. Б. Гольденвейзер.

¹⁸⁸ Стенограмма первого пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 16 сентября 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 2.

¹⁸⁹ Там же. Л. 22. Курсив наш. Частично материалы состоявшегося обсуждения действительно были подготовлены к печати и опубликованы в 1945 году (см.: [Бокшанская О. С.] Вл. И. Немирович-Данченко – председатель Комитета по Сталинским премиям // Ежегодник Московского Художественного театра: 1943. М., 1945. С. 637–646).

¹⁹⁰ Frolova-Walker M. Stalin's Music Prize: Soviet Culture and Politics. P. 17.

Ибо пройдет время, и нас, членов Комитета, будут тоже судить, – за что мы выдали премии?¹⁹¹

Эту мысль проложил С. Меркуров, придав еще больший пафос принципиальности принимаемых членами Комитета решений:

Тем более на нас лежит громадная моральная ответственность за те шаги, которые мы будем делать. Мы исторически отвечаем, потому что это будет первая Сталинская премия. В стране будет колоссальный резонанс на наше постановление, конечно, с последующим утверждением правительства. Нельзя же так подходить к Сталинской премии! – есть определенное количество рублей, надо их выдать, иначе Наркомфин спишет. <...> Мы – взрослые люди, сознательные граждане нашей страны, делаем большое историческое дело и несем ответственность за это дело.

Я пользуюсь случаем, чтобы еще раз напомнить: перед нами ответственный шаг, и мы должны не только поощрить, но этой премией доказать, что данное произведение, данное явление – это исключительное явление в жизни.

<...> Сталинская премия – это Сталинская премия, и надо выдавать ее за исключительное произведение в советском искусстве¹⁹².

26 марта 1941 года Совнарком СССР принял два постановления: № 685 «Об установлении звания „Лауреат Сталинской премии“»¹⁹³ и № 686 «О порядке выдачи Сталинских премий»¹⁹⁴.

Однако почетный знак лауреата был утвержден лишь двумя годами позднее, в 1943 году. Тогда и был издан указ Президиума Верховного Совета СССР «Об учреждении Почетного Знака Лауреата Сталинской премии»¹⁹⁵ от 8 сентября 1943 года. Знак полагалось носить на левой стороне груди рядом с орденами и медалями СССР. В прилагавшемся к этому документу подробном описании говорилось:

1. Почетный Знак Лауреата Сталинской премии изготавливается из серебра и представляет собой выпуклый овал, покрытый белой эмалью, окаймленный в нижней части золотыми лавровыми венками.

На белой эмали изображены золотые восходящие лучи. В верхней части на фоне золотых лучей – пятиконечная звезда, выполненная красной эмалью и окаймленная золотым ободком. В середине овала золотом изображена надпись «ЛАУРЕАТ СТАЛИНСКОЙ ПРЕМИИ». Верхняя часть овала заканчивается гофрированной лентой, покрытой голубой эмалью с золотым обрезом и надписью на ленте «СССР». Размер почетного знака – в высоту 40 мм и в ширину 36 мм.

¹⁹¹ Стенограмма третьего пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства, 13 ноября 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 83. Это суждение было созвучно убеждению Немировича-Данченко, который еще с середины 1930-х годов был озадачен проблемой «диктата вкусов».

¹⁹² Там же. Л. 83–84.

¹⁹³ См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 53а. Ед. хр. 1. Л. 32. 20 марта 1941 года С. Кафтанов, М. Храпченко и И. Большаков направили в ЦК записку (№ ДС-6/119) с предложением учредить для деятелей науки, искусства, литературы и изобретателей, которым присуждены Сталинские премии, звание «Лауреат Сталинской премии» (см.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 53а. Д. 1. Л. 28). Проект постановления был подготовлен уже 25 марта 1941 года (см.: Там же. Л. 29).

¹⁹⁴ См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 53а. Ед. хр. 1. Л. 33. Проект постановления был подготовлен 25 марта 1941 года (см.: Там же. Л. 30–31).

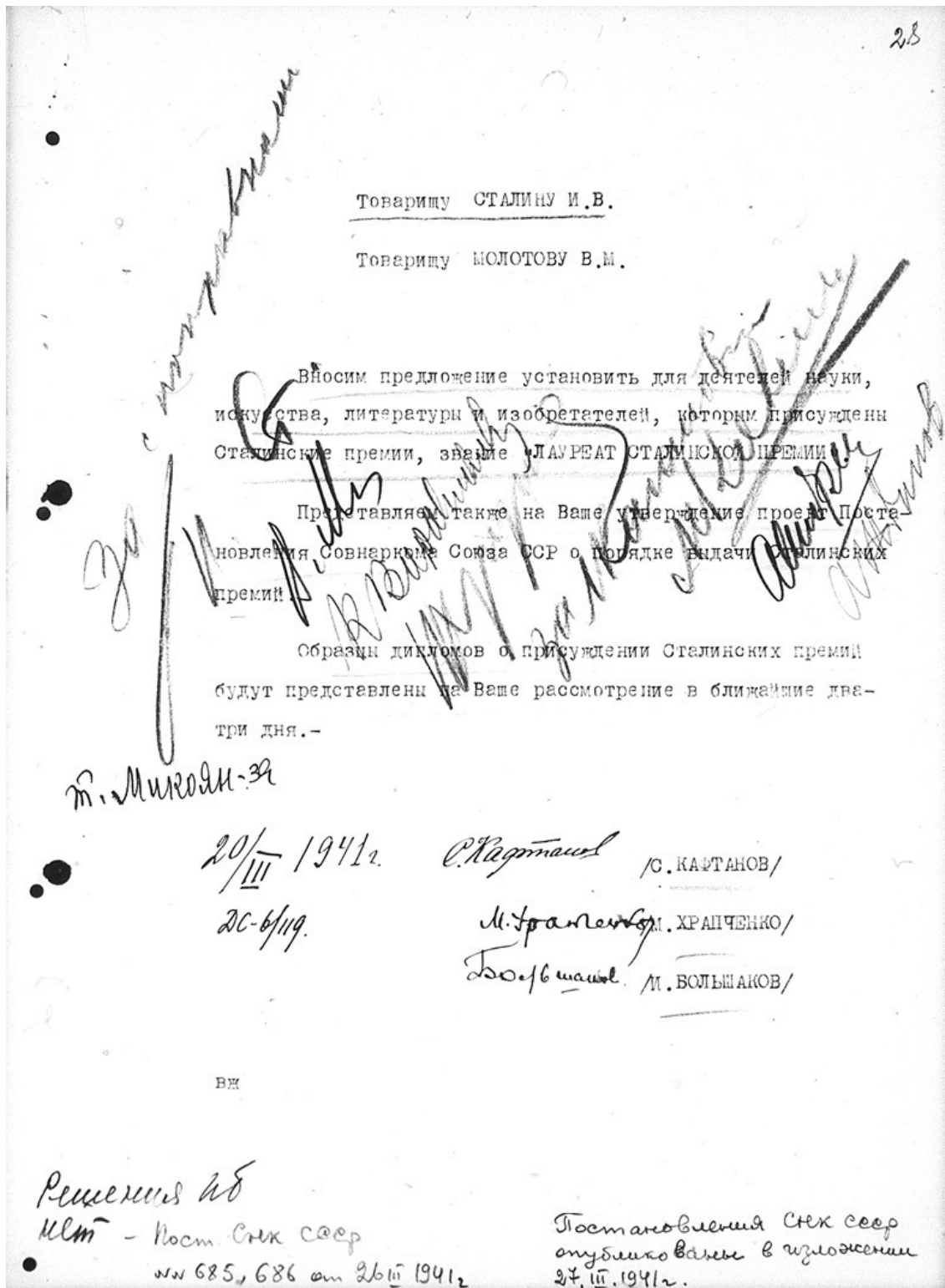
¹⁹⁵ Этому постановлению предшествовало решение ЦК ВКП(б); см.: [Выписка из протокола № 41 заседания Политбюро ЦК от 20 декабря 1940 года; пункт 229] «Об учреждении Почетного Знака Лауреата Сталинской премии» // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 53а. Д. 1. Л. 48.

2. Почетный Знак соединен при помощи ушка и колечка с серебряной пластинкой, покрытой золотом, на которой голубой эмалью изображена арабскими цифрами надпись года присуждения Сталинской премии. Пластинка имеет [размер] 27 мм в ширину и 5 мм в высоту.

Пластинка соединяется с лентой, на которой носится Почетный Знак Лауреата Сталинской премии. Двойная серо-голубая муаровая лента имеет в ширину 24 мм и в длину 35 мм. Средняя часть ленты шириною в 10 мм – темно-голубого цвета. В верхнюю часть ленты, внутри между двумя ее полосками, вшита металлическая пластинка, имеющая стальную булавку с ушком для крепления Почетного Знака к одежде¹⁹⁶.

---

¹⁹⁶ Цит. по: Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об учреждении Почетного знака Лауреата Сталинской премии» // Известия. 1943. № 214 (8207). 10 сентября. С. 1. Также опубликовано в кн.: Сталинские премии: Справочник. С. 10. В специальной справке Наркомфина СССР утверждалось, что для изготовления двух с половиной тысяч почетных знаков Лауреата Сталинской премии требуется «металла – золота чистого 51 грамм и серебра чистого 69,3 кг. <...> Для изготовления удостоверений Лауреата Сталинской премии необходимо кожи-шевро 4000 кв. дцм и золота сусального 24 книжки по 60 листов в каждой» (РГАЭ. Ф. 180. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 47–51).

Ил. 1. Записка С. Кафтанова, М. Храпченко и И. Большакова с предложением об установлении для деятелей науки, искусства, литературы и изобретателей, которым присуждены Сталинские премии, звания «Лауреат Сталинской премии», 20 марта 1941 г. // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 53а. Ед. хр. 1. Л. 28.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР

Москва Кремль № ... марта 1941 г.

О порядке выдачи Сталинских премий.

Совет Народных Комиссаров Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Возложить выдачу Сталинских премий:

а/ за работы в области науки и за изобретения на Комитет по Сталинским премиям в области науки и изобретательства;

б/ за работы в области искусства и литературы на Комитет по Сталинским премиям в области искусства и литературы.

2. Установить, что Сталинские премии, присужденные авторским коллективам, выдаются равными долями каждому члену коллектива.

В соответствии с постановлением: а) если коллектив состоит из трех человек, то премия делится между ними в равных частях, б) если коллектив состоит из двух человек, то премия делится между ними в равных частях, в) если коллектив состоит из одного человека, то премия выдается целиком ему.

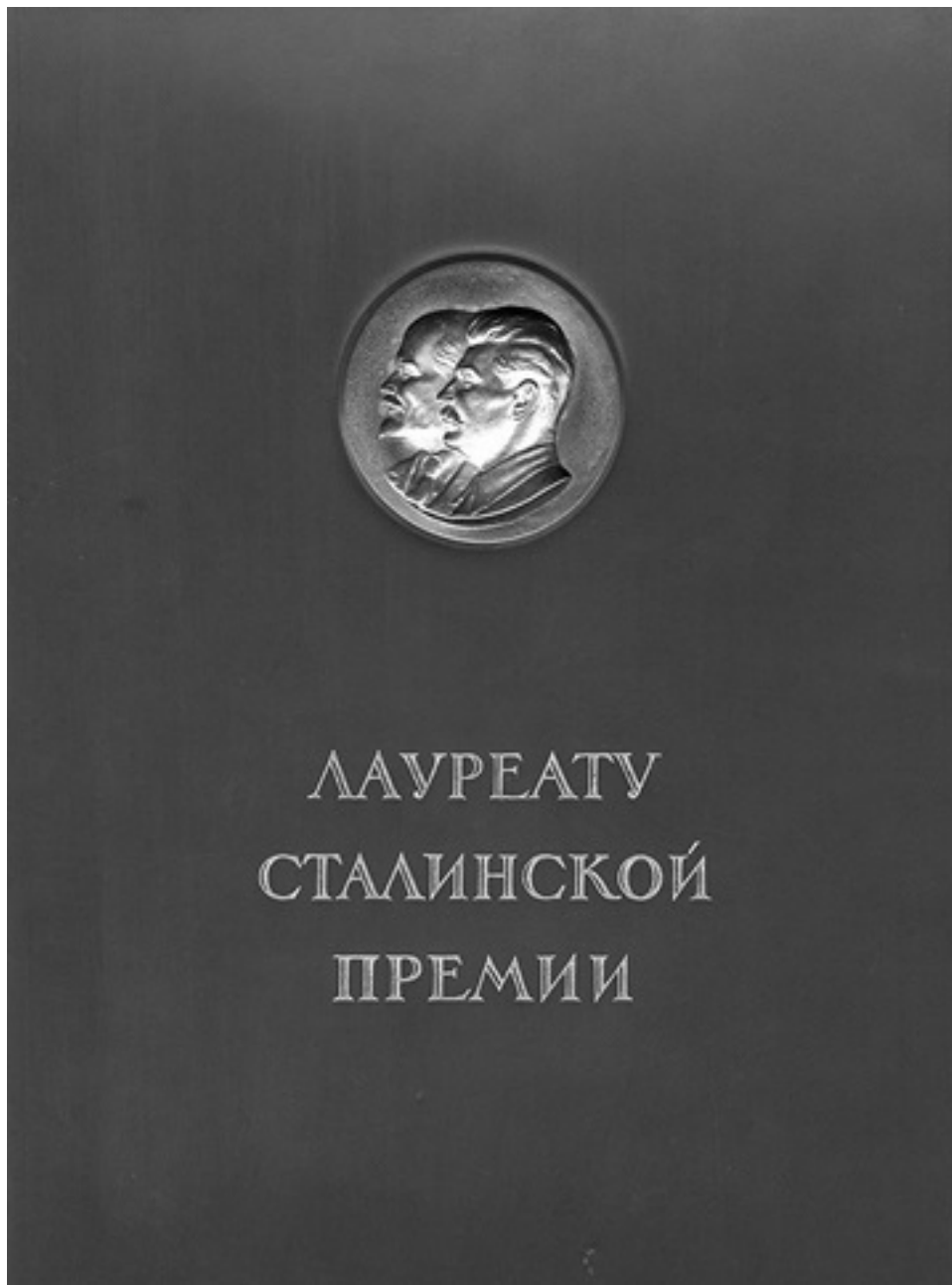
3. Председателям Комитетов по Сталинским премиям - академику ВАХУ А.Н. и Народному Артисту СССР НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО В.И. в десятидневный срок вручить Сталинские премии, присужденные Постановлениями СНК СССР от 13 марта 1941 г.

№ 523, от 14 марта 1941 г. № 536 и от 15 марта 1941 г. № 558.

по постановлению 5) если коллектив в три человека, то премия делится в равных частях между тремя членами коллектива, а если коллектив в два человека, то премия делится между двумя членами коллектива поровну.

Коллектив в три человека и больше человек руководителем выделяется одна треть премии, а остальные две трети делится между остальными членами коллектива поровну.

Ил. 2–3. Проект постановления СНК СССР «О порядке выдачи Сталинских премий», 25 марта 1941 г. // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 53а. Ед. хр. 1. Л. 30–30 об.

Ил. 4. Обложка диплома лауреата Сталинской премии.

Ил. 5. Почетный нагрудный знак лауреата Сталинской премии.

Впоследствии внешний вид почетного знака был значительно упрощен¹⁹⁷ из-за трудоемкости изготовления описанного выше изделия, а на медали появился барельеф профиля Сталина, окаймленный лавровой ветвью. Кроме того, стимулом к замене лауреатского знака стало обращение нескольких экспертов из Комитета по науке к Молотову в январе 1945 года с предложениями заменить установленный почетный знак лауреата Сталинской премии медалью лауреата Сталинской премии трех степеней; в обращении утверждалось:

---

¹⁹⁷ См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР «О Почетном Знаке Лауреата Сталинской премии» от 1 сентября 1945 г. // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 53а. Ед. хр. 1. Л. 69. Документ опубликован в: Правда. 1945. № 210 (9981). 2 сентября. С. 1. Окончательно внешний вид знака был утвержден Сталиным лишь 8 февраля 1946 года, о чем свидетельствует его пометка на машинописном проекте постановления, хранящемся в РГАНИ (Ф. 3. Оп. 53а. Ед. хр. 1. Л. 71).

1. Почетный Знак ни по своему содержанию, ни по художественному оформлению не выражает того высокого значения, которое придается премии, носящей имя товарища Сталина – высшей награде для деятелей науки, изобретательства, искусства и литературы Советского Союза. Художественное качество Почетного Знака значительно ниже всех орденов и медалей СССР, а также медалей и знаков, присуждаемых за научные заслуги в других странах.

2. Положение о Почетном Знаке, указывая, что он носится на левой стороне груди рядом с орденами и медалями, вместе с тем не определяет его место среди орденов.

3. Утвержденный знак, в отличие от орденов и медалей, висит на ленточке, а не на колодочке, что вызовет ряд неудобств при его ношении.

4. Знак не имеет деления на степени, которые установлены для Сталинских премий в области науки, изобретательства, искусства и литературы.

5. Знак не имеет изображения товарища Сталина, что совершенно необходимо.

Так как Почетный Знак еще не роздан лауреатам, мы просим заменить этот знак Медалью лауреата Сталинской Премии, проект которой должен быть разработан лучшими художниками.

Медаль должна быть изготовлена трех степеней:

1. Для лауреатов Сталинской Премии Первой степени – из золота.
2. Для лауреатов Сталинской Премии Второй степени – из серебра.
3. Для лауреатов Сталинской Премии Третьей степени – из бронзы¹⁹⁸.

Чиновники прислушались к предложениям комитетчиков и в считанные дни отреагировали на них соответствующим постановлением.

Организационная сторона премирования будет уточняться и совершенствоваться вплоть до конца 1940-х годов, когда эксперты разработают специальное Положение о работе Комитета. Уточнению подвергнутся критерии выдвижения и рассмотрения кандидатур, но постоянно растущее количество ежегодно присуждаемых премий будет определяться непосредственно в Политбюро накануне принятия правительственного постановления.

---

¹⁹⁸ [Обращение А. С. Яковлева, С. В. Ильюшина, П. Л. Капицы, И. П. Бардина, А. Н. Фрумкина, Е. В. Тарле и А. И. Абрикосова к В. М. Молотову] // РГАЭ. Ф. 180. Оп. 1. Ед. хр. 349. Л. 46.

Глава вторая. 1934–1940

Сталинская премия по литературе и институционализация формирования советского эстетического канона

«Нас вырастил Сталин...»: На подступах к оформлению соцреалистического канона

Как уже было отмечено, список произведений, потенциально имевших возможность быть выдвинутыми на Сталинскую премию, формировался общественными организациями и членами Комитета, имевшими право выдвигать кандидатуры, исходя из личных взглядов и предпочтений. Именно по этой причине 15 августа 1940 года на закрытом заседании президиума Союза советских писателей СССР П. А. Павленко, исполнявший обязанности председателя, попросил всех членов президиума в течение десяти дней ознакомиться с рядом произведений и решить, какие из них могут быть представлены на, как он выразился, «Правительственную комиссию по Сталинским премиям». Среди предложенных текстов были следующие¹⁹⁹.

Прозаические: четвертая книга «Тихого Дона» (опубл. в 1940) М. А. Шолохова; «Севастопольская страда» (опубл. в 1939–1940) С. Н. Сергеева-Ценского; «Степан Кольчугин» (опубл. в 1937) В. С. Гроссмана; «Санаторий Арктур» (опубл.: Новый мир. 1940. № 4–5) К. А. Федина; «Уважаемые граждане: Избранные рассказы 1923–1938» (опубл. в 1940) М. М. Зощенко²⁰⁰.

Поэтические: «Маяковский начинается» (опубл. в 1940) Н. Н. Асеева; «Лирика» (опубл. в 1939) С. П. Щипачева; а также стихотворения Я. М. Алтаузена²⁰¹, В. И. Лебедева-Кумача²⁰², Г. Н. Леонидзе²⁰³, К. М. Симонова²⁰⁴, А. А. Суркова²⁰⁵, А. Т. Твардовского²⁰⁶.

Драматургические: «Кремлевские куранты» (опубл. в 1941) Н. Ф. Погодина; «Вдохновение» (опубл.: Красная новь. 1940. № 3) Вс. Вяч. Иванова; «Метель»²⁰⁷ (опубл. в 1940) Л. М. Леонова.

¹⁹⁹ См.: Протокол № 22 закрытого заседания президиума Союза советских писателей, 15 августа 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 449. Л. 1–2, 5.

²⁰⁰ Примечательно, что имя Зощенко не встречается в библиографических изданиях, посвященных советской литературе и напечатанных до конца 1950-х годов. Так, указатель Мацуева «Советская художественная литература и критика: 1938–1948», изданный в 1952 году, совершенно не учитывает публиковавшиеся в те годы тексты Зощенко.

²⁰¹ Стихотворения Алтаузена 1930-х годов были опубликованы в сборнике «Избранные стихи» (М.: ГИХЛ, 1936). В 1940 году в журнале «Знамя» была опубликована поэма «Пробуждение героя: Романтическая легенда» (в «Литературном обозрении» (№ 22) появилась рецензия А. Платонова, подписанная «Ф. Человеков»). Позднее тексты Алтаузена не печатались вплоть до 1950-х годов.

²⁰² В 1939–1940 годах вышло несколько поэтических сборников Лебедева-Кумача, среди которых: «Лирика. Сатира. Фельетон» (М.; Л.: Искусство, 1939); «Песни» (М.: Искусство, 1939); «Фронтные песни и стихи» (Львов: Красная армия, 1939); «Боевые песни и стихи» (М.: Воениздат, 1940) и другие.

²⁰³ По-русски избранные стихотворения Леонидзе были опубликованы в сборнике «Стихи» (пер. с груз.; М.: Гослитиздат, 1939);

²⁰⁴ В 1939–1940 годах вышло несколько поэтических сборников Симонова, среди которых: «Дорожные стихи» (М.: Сов. писатель, 1939); «Стихи тридцать девятого года» (М.: Сов. писатель, 1940); «Стихи» (М.: Правда, 1940).

²⁰⁵ Избранные стихотворения Суркова были опубликованы в сборнике «Так мы росли» (М.: Сов. писатель, 1940).

²⁰⁶ В 1939–1940 гг. вышло несколько поэтических сборников Твардовского, среди которых «Сельская хроника: Стихи. 1937–1938» (М.: Сов. писатель, 1939); «Избранные стихи» (М.: Правда, 1940).

²⁰⁷ Леонову незамедлительно прислали выписку из протокола закрытого заседания президиума Союза писателей и приложили приглашение на очередное заседание по вопросу о Сталинских премиях, которое должно было состояться 26 августа в 16:00. Через две недели, 30 августа 1940 года, П. Н. Поспелов и Д. А. Поликарпов, предпринимая очередную атаку на

Критические: ряд созданных в 1940 году критических работ А. С. Гурвича, А. Б. Дермана, В. В. Ермилова, В. Я. Кирпотина, В. О. Перцова, И. И. Юзовского.

Уже из приведенного перечня текстов очевидно, что в центре обсуждения должен оказаться самый обширный из разделов, принципиально важный для формирования «ядра» соц-реалистического канона – прозаический (он был представлен почти исключительно жанром романа). Предельно однозначное решение Президиума стало известно уже на следующем закрытом заседании правления Союза писателей, проходившем *26 августа 1940 года*. Он постановил:

Имея в виду большое политическое значение, какое будет иметь присуждение премий им. товарища Сталина за лучшие произведения 1940 года, представить Комитету по Сталинским премиям при СНК СССР одну лишь кандидатуру – кандидатуру тов. Шолохова и роман его «Тихий Дон», окончание которого приходится на 1940 г.

Ограничиваясь одной кандидатурой из ряда других, имеющих выдающиеся успехи за текущий год в прозе, поэзии, драматургии и критике, президиум ССП СССР подчеркивает этим значение, придаваемое им присуждению премии им. товарища Сталина²⁰⁸.

Однако состязательный принцип, положенный в основу работы только учрежденного института Сталинской премии, не мог быть дискредитирован в первый же год вручения награды, поэтому шолоховскому роману быстро подобрали «конкурентов»: «Севастопольскую страду» С. Н. Сергеева-Ценского²⁰⁹ и «Пламя на болотах» В. Л. Василевской. Кроме того, «писательские чиновники» довольно быстро осознали, что принятое в конце августа решение представляет «многообразную» советскую литературу не в лучшем свете: следовало показать ее «богатство», а не подстроиться под вкус Сталина, выдвинув в качестве кандидата его любимца. Стоит отметить, что появление имени польской писательницы (впоследствии трехкратного лауреата Сталинской премии), принявшей советское гражданство в 1939 году, в этом ряду опять-таки не было бесосновательным и носило отпечаток непосредственного влияния Сталина. На расширенном заседании президиума Союза писателей (10 сентября 1940 года), посвященном обсуждению итогов совещания по вопросам литературы в ЦК ВКП(б) 9 сентября 1940 года, Фадеев, пересказывая сталинские соображения, отметил:

Товарищ Сталин остановился на том, что отдельных писателей замалчивают. *Несколько раз он остановился на Ванде Василевской*. Он говорил, что она пишет правдивые книги, хорошо отражает быт, что она человек талантливый, талантливее многих, а о ней пишут недостаточно²¹⁰.

Так Василевская была включена в список кандидатов на Сталинскую премию. Но, забежав вперед, награду романистка в 1941 году так и не получит. *6 ноября 1940 года* Фадеев прислал Толстому роман «Пламя на болотах» с предисловием Е. Ф. Усиевич и написал в сопроводительном письме:

соперника по внутрипартийной борьбе, направят Жданову докладную записку (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Ед. хр. 160. Л. 131–132) о разрешенной к постановке Храпченко «идеологически вредной» пьесе Леонова, где назовут ее «клеветой на советскую действительность» и потребуют запретить. Последствия этого тщательно спланированного маневра не заставят себя ждать (подробнее об этом см.: *Леонова Н. Л.* Из воспоминаний // Леонид Леонов в воспоминаниях, дневниках, интервью: Сб. М., 1999. С. 184–192).

²⁰⁸ Протокол № 23 закрытого заседания президиума Союза советских писателей, 26 августа 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 449. Л. 9.

²⁰⁹ Подробнее о романе Сергеева-Ценского как о тексте, отразившем эволюцию сталинской культуры в направлении империализма и милитаризма, см.: *Журавлева Н. С.* «Энциклопедия» первой обороны: «Севастопольская страда» С. Н. Сергеева-Ценского // Новый филологический вестник. 2019. № 1 (48). С. 178–193.

²¹⁰ Цит. по: Между молотом и наковальней: Союз советских писателей СССР. С. 921. Курсив наш.

Это предисловие даст тебе совершенно достаточный материал для характеристики этой книги на докладе. Предисловие это правильное. В нем не отмечены, однако, некоторые недостатки книги. <...> некоторые типические художественные недостатки книги: растянутость, отсутствие экономии в диалогах, излишне подробные описания природы, быта, дум и чувствований²¹¹.

11 ноября 1940 года²¹² на втором заседании Комитета, проходившем в Нижнем фойе МХАТа им. М. Горького, секцией литературы (докладывал А. Толстой) был оглашен первый расширенный вариант списка²¹³ представленных на Сталинскую премию произведений²¹⁴ (они были выдвинуты тайным голосованием президиума московского отделения Союза советских писателей и отделениями республиканских Союзов).

Прозаические: «Севастопольская страда» (опубл. в 1939–1940) С. Н. Сергеева-Ценского; «Пламя на болотах» (пер. с польск. Е. Гонзаго; опубл. в 1940) В. Л. Василевской; «Тихий Дон» (четвертая книга романа; опубл. в 1937–1940) М. А. Шолохова; «Украина» (на укр. яз.; опубл. в 1940) И. Л. Ле (наст. имя – И. Л. Мойся); «Манифест молодого человека» (на азерб. яз.; опубл. в 1940) Мир Джалал Пашаева.

Поэтические: «Детство вождя»²¹⁵ (имеется в виду поэма «Сталин. Детство и отрочество»; пер. с груз. Н. Тихонова; опубл. в отрывках: Костер. 1940. № 11–12) Г. Н. Леонидзе; «Маяковский начинается» (опубл. в 1940) Н. Н. Асеева; «Стихи» (опубл. в 1940; сами тексты были написаны в 1939) С. П. Щипачева; «Сбор винограда» (на укр. яз.; опубл. в 1940) М. Ф. Рыльского; «Жаворонки» (на укр. яз.; опубл. в 1940) А. С. Малышко.

Драматургические: «Ханлар» (на азерб. яз.; опубл. в 1939) С. Вургуна; «В степях Украины»²¹⁶ (опубл. в 1941) А. Е. Корнейчука.

Критические: «Джамбул Джабаев»²¹⁷ М. И. Фетисова.

Таков был изначальный список текстов, предложенных к рассмотрению в Комитете по Сталинским премиям, однако секция, рассмотрев эти и некоторые другие рекомендованные произведения, пришла к решению о том, что на соискание могут быть выдвинуты только некоторые из них. А именно: «Детство вождя» Леонидзе, «Маяковский начинается» Асеева, книга стихов Щипачева, «Сбор винограда» Рыльского, «Севастопольская страда» Сергеева-Ценского, «Пламя на болотах» Василевской и «Тихий Дон» Шолохова²¹⁸. Алексей Толстой

²¹¹ Цит. по: *Фадеев А. А. Письма, 1916–1956. М., 1967. С. 160.*

²¹² На заседании присутствовали: Вл. И. Немирович-Данченко, Р. М. Глиэр, А. П. Довженко, а также: Н. Н. Асеев, И. Г. Большаков, У. Гаджибеков, А. М. Герасимов, А. Б. Гольденвейзер, И. Э. Грабарь, А. С. Гурвич, А. Е. Корнейчук, Я. Купала, С. Д. Меркуров, С. М. Михоэлс, А. Г. Мордвинов, И. М. Москвин, В. И. Мухина, Н. Я. Мяковский, Х. Насырова, Р. Н. Симонов, И. Я. Судаков, А. Н. Толстой, А. А. Фадеев, М. Б. Храпченко, М. Э. Чиаурели, Ю. А. Шапорин (см.: *Протокол № 2 общего собрания Комитета по Сталинским премиям при СНК СССР в области литературы и искусства, 11 ноября 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 3.*)

²¹³ См.: Стенограмма второго пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 11 ноября 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 52.

²¹⁴ Названия произведений приводятся в соответствии со стенограммой заседания. Иногда приведенные в стенограмме названия не совпадают с заглавиями опубликованных текстов; такие случаи нами отмечены.

²¹⁵ На соискание был представлен неоконченный перевод Н. Тихонова. На заседании Комитета Толстой прочитал не сохранившуюся в материалах фонда рецензию Кавтарадзе (по-видимому, имеется в виду С. И. Кавтарадзе).

²¹⁶ Пьеса не была представлена на рассмотрение секции: Корнейчук снял свою кандидатуру с обсуждения, так как текст не был завершен (см.: РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 52, 104). Первая публикация пьесы состоялась лишь в 1941 году (М.; Л.: Искусство, 1941).

²¹⁷ Точно понять, о какой работе Фетисова идет речь, невозможно. Вероятно, экспертами обсуждалась неопубликованная рукопись исследования, положенная в основу одной из несколько более поздних публикаций. Среди работ Фетисова о Джамбуле отметим: *Ритман-Фетисов М. И.* 1) Джамбул Джабаев: Жизнь и творчество. Алма-Ата, 1946; 2) Жизнь и деятельность Джамбула // *Литература в школе.* 1946. № 5–6. С. 33–38; 3) Джамбул Джабаев. М., 1953.

²¹⁸ См.: Стенограмма второго пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 11 ноября 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 52.

обратил внимание Комитета на то, что секция так и не смогла решить, «какой из трех романов <...> рекомендовать категорически <...>. Один из них, – продолжал Толстой, – лучше по качеству письма, по творческому запалу, но обладает серьезными недочетами. Другой, может быть, уступает по качеству письма, по пластичности, но по теме очень грандиозен»²¹⁹. Столь путанные характеристики текстов мотивировались, по всей видимости, новизной формата и слабой регламентированностью хода дискуссии. Оставшуюся часть заседания Толстой читал не сохранившиеся в материалах фонда рецензии о творчестве С. Щипачева²²⁰, Г. Леонидзе. Отзыв В. Виленкина на роман С. Сергеева-Ценского в фонде сохранился²²¹. Немирович-Данченко поручил представителям литературной секции размножить на гектографе и раздать членам Комитета выбранные автором фрагменты поэмы «Детство вождя» в переводе Тихонова, а также рецензии на тексты Леонидзе, Щипачева и Сергеева-Ценского²²². «Манифест молодого человека» Мир Джалал Пашаева был охарактеризован как «довольно наивное произведение одаренного человека, которому еще нужно много работать»²²³. «Джамбул Джабаев» М. Фетисова также был отклонен секцией по причине того, что этот критический труд «страдает большими недостатками <...>, он, может быть, заслуживает внимания, но не заслуживает быть выставленным на премию»²²⁴. Некоторая растерянность, ощущавшаяся в первых робких решениях Комитета, наряду с известной кропотливостью, станут определяющими чертами в характере дискуссий вокруг номинированных текстов.

На этом же заседании Комитета встал весьма серьезный вопрос о том, какие работы должны обсуждаться по отделу литературной критики: подпадает ли под его компетенцию оценка теоретических или теоретически-философских трудов или этим должна заниматься историко-филологическая секция, подчиняющаяся Академии наук. А. Толстой высказал собственную для него мысль о том, что «критика есть и теория искусства, и философия искусства»²²⁵. Однако она не нашла поддержки у членов Комитета: Гурвич, например, обратил внимание на близость такого рода работ именно к исследованиям историко-филологического толка, солидарен с ним был и Гольденвейзер, сказавший о недопустимости отождествления и подведения научной работы под критику²²⁶. О принципиальной значимости этого вопроса говорит и реплика М. Храпченко:

От вопросов искусствознания уйти нельзя, эти вопросы придется поставить перед правительством. Отнести вопросы по искусствознанию к области науки никак нельзя. Это не научное исследование, это не научный труд в том смысле, как это понимают физики, математики. С. М. Михоэлс подсказал остроумный пример: что если бы рассматривали здесь книгу Станиславского, то вряд ли она была оценена как научное произведение.

²¹⁹ Там же. Л. 53. Далее Толстой разовьет эту мысль: «...мы в секции могли договориться, кому отдать предпочтение, т. е. сказать, что мы рекомендуем такой-то роман. Но мы на это не пошли. Мы считали, что это было бы неэтично по отношению к Комитету. Мы предоставляем вам выбор. Если Комитет выберет один роман и стихи, то секция это примет. Наша задача была – предложить вам лучшее и действительно хорошее, что дала страна» (Там же. Л. 55).

²²⁰ Отзыв на стихотворения Щипачева опубликован по рукописи Толстого в кн.: Толстой А. Н. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1953. Т. 15. С. 348–350. Также Толстой 6 сентября 1940 года написал Щипачеву письмо, где сравнил его с Гейне и выразил восхищение стихотворениями (см.: Переписка А. Н. Толстого: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 315–316).

²²¹ См.: РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 32.

²²² См.: Протокол № 2 общего собрания Комитета по Сталинским премиям при СНК СССР в области литературы и искусства, 11 ноября 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 3 об.

²²³ Стенограмма второго пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 11 ноября 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 56.

²²⁴ Там же.

²²⁵ РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 35.

²²⁶ См.: Там же. Л. 36.

Надо поставить перед правительством вопрос о расширении отдела критики. В этом вопросе без постановки его перед правительством нам не обойтись²²⁷.

Позднее члены Комитета придут к выводу о необходимости расширения компетенции литературной секции: к ведению раздела критики будет отнесено рассмотрение работ музыковедов, театроведов, балетоведов, а также теоретиков и историков изобразительного искусства. Острота этого вопроса определялась синхронным политико-идеологическим контекстом, так как именно в ноябре 1940 года дискуссии о статусе художественной критики достигли апогея²²⁸. До принятия судьбоносного постановления Оргбюро ЦК «О литературной критике и библиографии»²²⁹ от 26 ноября 1940 годы оставались считанные дни. В скором времени будет ликвидирована секция критики в Союзе писателей, а ее члены будут распределены по другим секциям, с января 1941 года прекратится выпуск «обособленного от писателей» журнала «Литературный критик» (а к августу будет прекращено издание «Литературного обозрения» – двухнедельного приложения к ликвидированному журналу), а во всех «толстых» литературно-художественных журналах и даже центральных газетах («Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Красная звезда» и других) будут созданы постоянно действующие отделы критики и библиографии²³⁰. Торжество «административно-литературной критики», о которой А. Платонов писал еще осенью 1939 года²³¹, выразится в окончательном размежевании двух, казалось бы, смежных сфер культурного производства: куда важнее для критика станет навык учитывать «литературно-организационную конъюнктуру», чем умение понимать и толковать смысл написанного. 26 февраля 1943 года Ф. Гладков, описывая положение в литературной критике тех лет, зло запишет в дневнике: «До сих пор критики отравлены рапповским (шпионским, троцкистским) ядом: потравить, позлорадствовать, подпустить мелкую пощечину. Прямо гитлеровский бандитизм»²³².

²²⁷ Там же. Л. 38.

²²⁸ Еще в 1939 году в речи на заседании президиума Союза писателей с активом, обсуждая недостатки работы «Литературного критика», Фадеев решительно высказался против «групповщины» в редколлегиях «толстых» журналов: «Не только при „Литературном критике“, а и при некоторых других наших журналах – „Октябрь“, „Красная новь“ – сформировались с годами определенные кадры людей, у которых привычка совместного общения, совместной работы переросла в недостаточно критическое отношение друг к другу. Люди перестали быть чувствительными к недостаткам друг друга. У „Литературного критика“, как у журнала специально критического, эта привычка особенно вредна, она стала значительным тормозом роста и самого журнала и его кадров» (Из речи тов. А. Фадеева // Литературная газета. 1939. № 25 (804). 6 мая. С. 5). Фадеев весьма четко сформулировал задачу литературной критики: «Пора, давно пора перейти от общего определения социалистического реализма к конкретной его разработке на основе существующего богатства многонациональной советской художественной литературы. И прежде всего надо помогать рождению многообразия форм социалистического реализма в искусстве, того многообразия, которого наш народ вправе ждать от советского искусства» (Там же. С. 6). И далее: «Социалистический реализм наследует и критически перерабатывает все, созданное человечеством в предыдущие времена, социалистический реализм наследует и то, что создано в области формы, он критически перерабатывает все, он создает новые формы, соответствующие новой действительности. И по многообразию этих форм социалистической реализм, несомненно, превзойдет всю прошлую историю художественного развития человечества» (Там же). Фадеев требовал от критики «многообразия формы», что в обстановке тех лет было попросту невозможным.

²²⁹ Подлинник документа хранится в РГАСПИ (Ф. 17. Оп. 116. Ед. хр. 61. Л. 5–8). Своеобразной репетицией этого постановления стала редакционная «проработочная» статья «Писатель и критик» в «Литературной газете» от 10 апреля 1940 года.

²³⁰ Отчет о выполнении постановления Оргбюро от 26 ноября будет подготовлен заместителем начальника Агитпропа Пузыным 8 февраля 1941 года, спустя неделю после установленной в документе крайней даты предоставления отчета.

²³¹ См.: Платонов А. П. Об административно-литературной критике (Письмо в редакцию), [1939 г.] // Октябрь. 1991. № 10. С. 203–204.

²³² Цит. по: «Мы предчувствовали польханье...»: Союз советских писателей СССР. Кн. 1. С. 669.

Необходимость «выбирать»: Сталинский любимец в литературных декорациях

Непосредственное обсуждение рекомендованных к номинации на премию текстов началось на пленуме Комитета 18 ноября 1940 года²³³. К этому моменту все участники заседания уже должны были ознакомиться с романом В. Василевской «Пламя на болотах» и поэмой Н. Асеева «Маяковский начинается»²³⁴. Немирович-Данченко настоял на важности обсуждения текстов, выдвинутых литературной секцией, но далее попросил дискуссионтов помнить о важном обстоятельстве: «...как бы мы высоко ни ценили художественное произведение, мы не можем отрешиться от идеологической полезности этого произведения»²³⁵.

А. Толстой начал доклад с того, что зачитал членам Комитета написанный им отзыв литературной секции на роман М. Шолохова, который и стал главным предметом обсуждения на пленуме:

Как бы ни хорошо было сделано произведение искусства, мы оцениваем его по тому окончательному впечатлению, которое оставляет оно в нас, по той внутренней работе, которую оно продолжает совершать в нас.

Большие произведения искусства, охватывающие значительные по размаху и глубине социальные темы, продолжают эту работу в нас очень долгий период, иногда в течение всей нашей жизни. Влияние художественных произведений есть мерило их качества.

Можем ли мы с таким мериллом подойти к нашим современным писателям? Можем ли мы без длительной проверки определить их подлинную художественную высоту? Да, можем и должны. Оценка художественного произведения – это тоже акт творческого дерзания, как и всякое творчество.

Можем ли мы к роману «Тихий Дон» Шолохова приложить мерилло такой оценки? Книга «Тихий Дон» вызвала и восторги и огорчения среди читателей. Общеизвестно, что много читателей в письмах своих требуют от Шолохова продолжения романа. Конец 4-й книги (вернее, вся та часть повествования, где герой романа Григорий Мелехов, представитель крепкого казачества, талантливый и страстный человек, уходит в бандиты) компрометирует у читателя и мятущийся образ Григория Мелехова, и весь созданный Шолоховым мир образов, – мир, с которым хочется долго жить, – так он своеобразен, правдив, столько в нем больших человеческих страстей.

Такой конец «Тихого Дона» – замысел или ошибка? Я думаю, что ошибка. Причем ошибка в том только случае, если на этой 4-й книге «Тихий Дон» кончается... Но нам кажется, что эта ошибка будет исправлена волей читательских масс, требующих от автора продолжения жизни Григория Мелехова.

Почему Шолохов так именно окончил 4-ю книгу? Иначе окончить это художественное повествование в тех, поставленных автором, рамках, в

²³³ На заседании присутствовали: Вл. И. Немирович-Данченко, Р. М. Глиэр, А. П. Довженко, А. В. Александров, Н. Н. Асеев, В. А. Веснин, У. Гаджибеков, А. М. Герасимов, А. Б. Гольденвейзер, И. Э. Грабарь, А. С. Гурвич, А. Е. Корнейчук, Янка Купала, С. Д. Меркуров, С. М. Михоэлс, А. Г. Мордвинов, И. М. Москвин, В. И. Мухина, Х. Насырова, И. Я. Судаков, А. Н. Толстой, А. А. Фадеев, М. Э. Чиаурели, Ю. А. Шапорин (см.: Протокол пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям при СНК СССР в области литературы и искусства, 18 ноября 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 8).

²³⁴ См.: Протокол № 2 общего собрания Комитета по Сталинским премиям, 11 ноября 1940 г. // Там же. Л. 3 об.

²³⁵ Стенограмма пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 18 ноября 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 113.

которых оно протекало через четыре тома, трудно, может быть даже нельзя. У Григория Мелехова был выход на иной путь. Но если бы Шолохов повел его по этому другому пути, через Первую Конную, к перерождению и очищению от всех скверн, – композиция романа, его внутренняя структура развалилась бы. Роман ограничен узким кругом воззрений, чувствований и переживаний старозаветно-казачьей семьи Мелехова и Аксины. Выйти из этого круга Шолохов, как честный художник, не мог. Он должен был довести своего героя до неизбежной гибели этого обреченного мирка, до последней ступени, до черного дна.

Семья Григория Мелехова погибла, все, чем он жил, рухнуло навсегда. И читатель законно спрашивает: что же дальше с Григорием?..

Григорий не должен уйти из литературы как бандит. Это неверно по отношению к народу и к революции. Тысячи читательских писем говорят об этом. Мы все требуем этого. Но, повторяю, ошибка только в том случае, если «Тихий Дон» кончается на 4-й книге. Композиция всего романа требует раскрытия дальнейшей судьбы Григория Мелехова.

Излишне распространяться о художественном качестве романа. Оно на высоте, до которой вряд ли другая иная книга советской литературы поднималась за 20 лет. Язык повествования и язык диалогов живой, русский, точный, свежий, идущий всегда от острого наблюдения, от знания предмета. Шолохов пишет только о том, что глубоко чувствует. Читатель видит его глазами, любит его сердцем.

Можно ли к роману Шолохова «Тихий Дон» приложить мерилу высокой художественной оценки? Да, можно. Роман Шолохова будет в нас жить и будить в нас глубокие переживания, и большие размышления, и несогласия с автором и споры; мы будем сердиться на автора и любить его. Таково бытие большого художественного произведения²³⁶.

На тот момент в секции, по словам ее председателя, отсутствовало единство во мнениях по поводу выдвигаемых текстов: «... в самой секции есть разные вкусы, разные точки зрения»²³⁷. Но дальнейшая дискуссия покажет, что у романа Шолохова с самого начала попросту не было подлинных «конкурентов», а обсуждение членами Комитета «страшно симпатичного и привлекательного по тенденции произведения Ванды Василевской, почтенного и уважаемого произведения Сергеева-Ценского и порочного, но *любимого* произведения Шолохова»²³⁸ изначально характеризовалось предвзятым отношением экспертов.

Михаил Шолохов – «писатель глубоко добросовестный»²³⁹ – после знаменитых слов Сталина о «грубейших ошибках и прямо неверных суждениях», допущенных в первых двух книгах «Тихого Дона»²⁴⁰, предпочитал докладывать о том, как продвигается работа над романом,

²³⁶ Там же. Л. 105–107. Текст отзыва позднее опубликован в сборнике: Алексей Толстой о литературе: Статьи, выступления, письма. М., 1956. С. 361–363.

²³⁷ Там же. Л. 109.

²³⁸ Стенограмма пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 18 ноября 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 133. Курсив наш.

²³⁹ Цит. по: Письмо И. В. Сталина Л. М. Кагановичу, 7 июня 1932 г. // Сталин и Каганович: Переписка. 1931–1936. М., 2001. С. 149. Подлинник документа хранится в личном фонде Л. Кагановича в РГАСПИ (Ф. 81. Оп. 3. Ед. хр. 99. Л. 58–60).

²⁴⁰ См.: Письмо И. В. Сталина Феликсу Кону, 9 июля 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 1047. Л. 56. Это письмо будет опубликовано в 12-м томе сталинских «Сочинений» (он был подписан в печать в сентябре 1949 года) и станет причиной многократных читательских обращений к Шолохову с просьбой о разъяснениях. 3 января 1950 года он напишет об этом Сталину: «Очень прошу Вас, дорогой товарищ Сталин, разъяснить мне, в чем существо допущенных мною ошибок». И следом же добавит: «Ваши указания я учел бы при переработке романа для последующих изданий» (см.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 827. Л. 107). Письмо это, однако, останется без ответа. Б. Сарнов усматривает в факте публикации сталинского письма

вождю лично. Доподлинно известно, что с 1931 по 1940 год писатель (зачастую в компании Молотова, Кагановича, Ежова и, уже в 1940-е годы, Берии) посещал кремлевский кабинет Сталина 11 раз²⁴¹, а 24 мая 1936 года побывал и на сталинской даче²⁴². В сталинском архиве (РГАСПИ. Ф. 558) сохранилось письмо Шолохова от 29 января 1940 года, в котором он оповещает Сталина о том, что привез в Москву из Вешенской финальный фрагмент «Тихого Дона» и непременно хочет «поговорить о книге», но уже не просто с «дорогим тов. Сталиным» (слово «дорогой» впервые появляется только в четвертом письме Шолохова от 16 апреля 1933 года²⁴³), а с «дорогим Иосифом Виссарионовичем»²⁴⁴. Такое обращение не только нехарактерно для корпуса шолоховских писем, адресуемых Сталину, но и само по себе уникально²⁴⁵: эта подробность невольно бросается в глаза, заостряя внимание на покровительственном отношении адресата к его «истинному любимцу» (Ю. Б. Лукин). Вопрос о том, чем было вызвано такое расположение Сталина к молодому автору, названному им «знаменитым писателем нашего времени», по всей видимости, не исчерпывается соображениями сугубо прагматического толка, но адресует нас к анализу поведенческих практик диктатора²⁴⁶, лежащему, однако, далеко за пределами избранной темы. Между тем сомневаться, что такое расположение действительно имело место, не приходится. Еще до окончания публикации финальных глав четвертой книги «Тихого Дона» в «Новом мире»²⁴⁷, 30 декабря 1939 года, А. Гладков зафиксировал в дневнике занятный эпизод:

На днях газеты сообщили, что Эйзенштейн будет ставить в Большом театре «Валькирию» Вагнера. Это любимая опера Гитлера, и все понимают, что это тоже любезность по отношению к новому другу²⁴⁸.

И затем в записи от 18 февраля 1940 года Гладков написал о своих впечатлениях от радиотрансляции оперы Р. Вагнера в исполнении артистов Большого театра, отчасти повторив заметку, приведенную выше:

Кону недовольство вождя тем, что «что в „Тихом Доне“, главном советском романе о Гражданской войне, <...> ни единым словом не упоминался „товарищ Сталин“» (см.: *Сарнов Б. М.* Сталин и писатели: Книга третья. М., 2009. С. 63).

²⁴¹ См.: Хроника встреч Шолохова со Сталиным 1931–1940 гг.: (По журналу регистрации посетителей Сталина в Кремле) // Писатель и вождь: Переписка М. А. Шолохова с И. В. Сталиным. 1931–1950 годы: Сб. документов из личного архива И. В. Сталина. М., 1997. С. 157–158.

²⁴² См.: Письмо М. А. Шолохова И. В. Сталину о работе над «Тихим Доном», 11 декабря 1939 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 827. Л. 86–89. Опубликовано в кн.: *Шолохов М. А.* Письмо Сталину И. В., 11 декабря 1939 г. // Писатель и вождь: Переписка М. А. Шолохова с И. В. Сталиным. М., 1997. С. 127–129.

²⁴³ См.: *Шолохов М. А.* Письмо И. В. Сталину, 16 апреля 1933 г. // Писатель и вождь: Переписка М. А. Шолохова с И. В. Сталиным. М., 1997. С. 59–67.

²⁴⁴ Письмо М. А. Шолохова И. В. Сталину с просьбой о приеме, 29 января 1940 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 827. Л. 91.

²⁴⁵ Такая формула приветствия употреблена Шолоховым лишь в 2 из 15 известных на сегодняшний день писем Сталину. Второй раз писатель обратился к «дорогому Иосифу Виссарионовичу» 29 июля 1947 года с просьбой разрешить ему вместе с женой «на непродолжительный срок» выехать за пределы Советского Союза (в Швецию), чтобы потратить деньги, полученные за переводы его текстов (см.: *Шолохов М. А.* Письмо Сталину И. В., 29 июля 1947 г. // Писатель и вождь: Переписка М. А. Шолохова с И. В. Сталиным. М., 1997. С. 138–140).

²⁴⁶ Подробнее об этом см.: *Джилас М.* Разговоры со Сталиным. [Frankfurt a. M., 1970]; *Rancour-Laferriere D.* The Mind of Stalin: A Psychoanalytic Study. Ann Arbor, MI, 1988 (изд. на рус. яз.: *Ранкур-Лаферрьер Д.* Психика Сталина: Психоаналитическое исследование. М., 1996); *Вайсконф М. Я.* Писатель Сталин. М., 2002 (3-е изд. – М., 2020); *Илизаров Б. С.* Тайная жизнь Сталина: По материалам его библиотеки и архива. К истории сталинизма. М., 2002; *Roberts G.* Stalin's Library: A Dictator and His Books. New Haven, 2022.

²⁴⁷ Отдельные главы частей книги появлялись в газетах (например, в октябрьских выпусках «Известий») еще в 1936 году, однако полную публикацию текста журнал «Новый мир» начал лишь в ноябрьском номере за 1937 год: седьмая часть эпопеи вышла в пяти номерах журнала (№ 11–12 за 1937 г.; № 1–3 за 1938 г.), восьмая часть была опубликована только в 1940 году (№ 2–3).

²⁴⁸ Между молотом и наковальней: Союз советских писателей СССР. С. 849. Премьера оперы в Большом театре состоялась 21 ноября 1940 года и как бы кульминировала официальный визит В. Молотова в Берлин. Всего было дано 6 представлений.

Вступительное слово говорил С. М. Эйзенштейн по-немецки. <...> Он должен в следующем сезоне ставить «Валькирию» в Б[ольшом] т[еатре]. Известно, что это любимая опера Гитлера и, стало быть, все это своего рода политическая любезность. В Берлине поставили «Ивана Сусанина» и выпустили «Тихий Дон»²⁴⁹.

Очевидно, такая взаимная «политическая любезность» много говорит о личных предпочтениях Сталина и, в частности, о его отношении к шолоховскому тексту и к личности самого писателя. Многими годами позднее (летом 1963 года) Светлана Аллилуева в мемуарной «исповеди» под названием «Двадцать писем к другу», вспоминая о своем последнем визите на Ближнюю дачу отца в Кунцево, обратит внимание на любопытную подробность в обустройстве сталинского быта:

В большом зале появилась целая галерея рисунков (репродукций, не подлинников) художника Яр-Кравченко, изображавших советских писателей: тут были Горький, *Шолохов*, не помню, кто еще. Тут же висела, в рамке, под стеклом, репродукция репинского «Ответа запорожцев султану», – отец обожал эту вещь <...> Все это было для меня абсолютно непривычно и странно – отец вообще никогда не любил картин и фотографий²⁵⁰.

Мы можем лишь предполагать, чьи портреты составляли этот сталинский литературный «пантеон», однако у нас есть некоторые основания для более конкретных гипотез относительно графических работ, которые могла видеть Аллилуева. А. Н. Ян-Кравченко в 1948 году получил Сталинскую премию второй степени за картину «Горький читает товарищам И. В. Сталину, В. М. Молотову и К. Е. Ворошилову свою сказку „Девушка и смерть“ 11 октября 1931 г.» (1947) и за портреты М. Горького, Д. Бедного, Джембула Джабаева, И. Барбаруса (Вареса) и С. Нерис²⁵¹. В то же время на стенах Ближней дачи могли оказаться и любые другие изображения из большой серии Ян-Кравченко «Галерея советских писателей»²⁵² (М.: Изд-е Гос. лит. музея, 1947). Можно предполагать также, что среди «кого-то еще» не было и портрета А. Фадеева. Этот вывод напрашивается потому, что в тот период Аллилуева писала диссертацию и вряд ли не запомнила бы среди увиденных репродукций портрет своего «героя», которому, как и М. Горькому, М. Шолохову, В. Ажаеву, Г. Николаевой, была посвящена отдельная глава ее работы.

Публикация заключительной книги «Тихого Дона» в сдвоенном номере «Нового мира» за февраль – март 1940 года спровоцировала бурную полемику²⁵³ в центральной периодике (в основном в «Литературной газете» и «Правде»), продолжением которой и было обсуждение романа в Комитете по Сталинским премиям. Стоит отметить, что до этого в прессе критика

²⁴⁹ Там же. С. 890–891. Курсив наш. Подробнее о работе Эйзенштейна над постановкой «Валькирии» см.: *Шиллер Н. Д.* «Валькирия» // Советская музыка. 1979. № 9. С. 78–83.

²⁵⁰ *Аллилуева С. И.* Двадцать писем к другу. М., 1990. С. 21–22. Курсив наш.

²⁵¹ См.: В Совете Министров Союза ССР. О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства за 1947 год // Правда. 1948. № 112 (10853). 21 апреля. С. 1.

²⁵² Серия состояла из 53 графических портретов советских писателей и поэтов, среди которых были: М. Горький, Айбек, С. Айни, А. Акопян, М. Бажан, И. Барбарус, Д. Бедный, Е. Буков, В. Василевская, А. Венцлова, В. Вишневский, С. Вургун, Л. Гира, Ф. Гладков, Б. Горбатов, А. Григулис, Ш. Дадиани, Джембул, Н. Зарьян, А. Исаакян, В. Катаев, Б. Кербабаев, Л. Киачели, Я. Колас, А. Корнейчук, А. Кулешов, Я. Купала, В. Лацис, Г. Леонидзе, Л. Леонов, П. Маркиш, С. Маршак, В. Маяковский, С. Нерис, Н. Островский, Л. Первомайский, А. Прокофьев, Я. Райнис, М. Рьельский, И. Семпер, А. Серафимович, К. Симонов, С. Стальский, А. Твардовский, Н. Тихонов, А. Токомбаев, А. Толстой, П. Тычина, А. Упит, А. Фадеев, К. Федин, С. Чиковани, М. Шолохов, И. Эренбург, А. Якобсон.

²⁵³ Подробнее об этом см.: *Коршиенко Н. В.* «Течение времени»: Андрей Платонов в 1940 году // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. 2003. Вып. 5. С. 777–780; *Вишнякова Е. А.* Образ Григория Мелехова в литературной критике 1939–1941 годов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7/1 (73). С. 12–16 (к сожалению, эта статья ценна лишь своей библиографией).

о романе как таковая почти отсутствовала: ни одна прежняя книга «Тихого Дона» не была встречена с таким оживлением, как заключительная. Большинство критиков волновал трагический финал романа, вопрос о котором возник уже в первых откликах на «Тихий Дон»²⁵⁴. Пик дискуссии пришелся на летние месяцы 1940 года; начало многочисленным спорам положила статья редактора Гослитиздата Ю. Лукина «Большое явление в литературе», опубликованная в «Литературной газете» (№ 29 (880)) 26 мая. Текст этот был ожидаемо тенденциозен: «Тихий Дон» объявлялся романом, который непременно ляжет в основу «советской классики»²⁵⁵, его финал трактовался как вполне правомерная сюжетная развязка (гибель Мелехова напрямую связывалась с тем, что Ермилов позднее обозначит как «отщепенство»²⁵⁶). В обсуждении романа приняли участие не только литературные критики и литературоведы (И. Гринберг, В. Гоффеншефер, П. Громов, В. Ермилов, Н. Жданов, В. Кирпотин, Л. Левин, И. Лежнев, А. Лейтес, М. Чарный, В. Щербина), но и писатели (А. Бек, Б. Емельянов, В. Катаев, А. Новиков-Прибой, А. Серафимович, А. Фадеев, В. Шишков и другие). Прекращение дискуссии, как представляется, было связано именно с выдвижением «Тихого Дона» на Сталинскую премию.

Вернемся к стенограмме заседания. Взывший слово вслед за Толстым А. Фадеев отметил, что роман Шолохова «исключительно талантлив», в чем, по его мнению, сомневаться не приходится («...любой человек прочтет и скажет: – Это произведение, равного которому трудно найти»). Вместе с тем он оказался разочарован концовкой «Тихого Дона», обижен ею «в самых лучших советских чувствах» (Немирович-Данченко позднее сравнит концовку «Тихого Дона» с финалом «Анны Карениной», чем поставит Фадеева в весьма курьезное положение²⁵⁷). Ряд поверхностных идеологически мотивированных суждений завершается выводом Фадеева о недостаточной «политической грамотности» шолоховского романа как претендующего на первую премию, что не вносит ясности в общий ход обсуждения:

Художник хорошо знал среду, казачью жизнь и быт, показал какой-то отрезок развития казачества (исправлено от руки. – Д. Ц.), обреченность контр-революционного дела. Там видна полная обреченность. Но ради чего и для чего, что взамен родилось, – этого нет. Как у всякого истинного таланта, у Шолохова есть много правдивых картин. <...> Там есть много объективной правды в картинах сражений, битв, в чувствах, в страстях, в столкновениях их. Вот благодаря этому народ полюбил это произведение и поднял его на такую высоту. Но в завершении роман должен был прояснить идею. А Шолохов поставил читателя в тупик. И вот это ставит нас в затруднительное положение при оценке.

Мое личное мнение, что там *не показана* (вписано от руки. – Д. Ц.) победа Сталинского дела, и это меня заставляет колебаться в выборе²⁵⁸.

Затем Фадеев куда менее пространно высказался о двух других романах. Василевскую он, практически дословно повторяя слова Сталина, назвал «честным художником», обладающим «огромным сочувствием к угнетенным людям», а роман «Пламя на болотах» охаракте-

²⁵⁴ См., например: Лукин Ю. Окончание «Тихого Дона» // Литературная газета. 1940. № 12 (863). 1 марта. С. 5; Заславский Д. Конец Григория Мелехова // Правда. 1940. № 82 (8128). 23 марта. С. 4.

²⁵⁵ Гоффеншефер еще 19 мая 1940 года на заседании секции критиков в Клубе писателей (Лукин участвовал в обсуждении) сказал о «Тихом Доне»: «...перед нами такое произведение, в котором уже намечаются черты советской классики» (цит. по: Кирпотин В. Я. Ровесник железного века. С. 427).

²⁵⁶ См.: Ермилов В. О «Тихом Доне» и о трагедии // Литературная газета. 1940. № 43 (894). 11 августа. С. 3–4.

²⁵⁷ Фадеев ответит: «Но о гибели Анны Карениной мы можем сказать: посмотрите строй, который приводит к этому таких людей! Разве будущее поколение может сказать это о Григории Мелехове?» (Стенограмма пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 18 ноября 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 114).

²⁵⁸ Там же. Л. 111–112.

ризовал как книгу, «*нужную* нашей стране» (между тем у писателя было и «много возражений по чисто художественной линии»)²⁵⁹. «Севастопольскую страду» Сергеева-Ценского Фадеев назвал «огромным трудом», но затем сделал замечание, которое многое дает понять о восприятии самой идеи Сталинской премии ее будущим лауреатом:

Когда речь идет о первой Сталинской премии, то не хочется дать премию такому произведению, потому что тогда оно должно быть *примером для других художников*. <...> я думаю, что давать первую премию за историческое произведение было бы неправильно²⁶⁰.

«Обсуждение» кандидатур членами Комитета сводилось к ранее подробно освещавшемуся в науке спору²⁶¹ о художественных достоинствах и недостатках шолоховского романа, который стал своеобразным «мерилом» в оценках участников дискуссии. А. Корнейчук, например, считал, что Сталинскую премию нужно вручить именно Шолохову, так как она «может окрылить художника»; о Василевской сказал, что «мастер она, конечно, ниже Шолохова». Цельного впечатления от «Севастопольской страды» ему сложить так и не удалось²⁶².

Иной тон обсуждению придавала спровоцировавшая полемику реплика А. Довженко, на тот момент находившегося под пристальным наблюдением НКВД: он критически обрушился на «Тихий Дон», который произвел на него неблагоприятное впечатление, оставил с «чувством глубокой внутренней неудовлетворенности»²⁶³. В оценке романа Довженко явно адресуется к контексту полемики конца 1920-х, почти дословно повторяя тезисы появившихся в те годы критических статей, исполненных скепсиса в отношении молодого «автора». «Ошибкой» Шолохова, по словам комитетчика, оказалось то, что «созидающие, положительные стороны эпопеи, враги врагов, о которых говорил тов. Сталин, не показаны в романе. Им не отведено должное количество места, им не отведено и должное качество выполнения»²⁶⁴. Довженко развивает эту мысль: «это произведение не работает на все то, что связано с именем тов. Сталина и с политикой тов. Сталина»²⁶⁵. Если пытаться обобщить эти претензии, то шолоховский роман в оценке Довженко представляется чуть ли не антисоветским (!) текстом, далеко отклонившимся (или даже *уклонившимся*) от «партийной линии в искусстве». Главным преимуществом книги Василевской Довженко считал то, что она «написана полькой, дочерью польского буржуазного министра», которая взяла на себя смелость «прибить косность своего окружения и сказать столько, сколько в этой книге сказано»²⁶⁶.

Затем последовали пространные реплики А. Гурвича, в которых он пытался понять причину появления разногласий при подходе к оценке «Тихого Дона»²⁶⁷. Несколько слов, сказан-

²⁵⁹ РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 112. Фадеев явно апеллировал к сталинскому пониманию «нужности» текста, о котором уже было сказано выше.

²⁶⁰ Там же. Курсив наш.

²⁶¹ См.: М. А. Шолохов в документах Комитета по Сталинским премиям 1940–1941 гг. // Новое о Михаиле Шолохове: Исследования и материалы. М., 2003. С. 486–551. При подготовке документов к публикации в данном издании без оговорок были устранены графические особенности оригиналов, а также ошибки стенографистки Орловской. Набор текста не отражает внесенные в него правки от руки. Встречаются ошибки в архивных шифрах приводимых документов.

²⁶² Стенограмма пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 18 ноября 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 116.

²⁶³ Ср.: «Суммируются впечатления таким образом: жил веками тихий Дон, жили казаки и казачки, ездили верхом, выпивали, пели... был какой-то сочный, пахучий, устоявшийся, теплый быт. Пришла революция, Советская власть, большевики – разорили тихий Дон, *разогнали*, натравили брата на брата, сына на отца, мужа на жену; довели до оскудения страну... заразили триппером, сифилисом, посеяли грязь, злобу... погнали сильных, с темпераментом людей в бандиты... И на этом дело кончилось» (Там же. Л. 117).

²⁶⁴ Там же. Л. 118.

²⁶⁵ Там же.

²⁶⁶ Там же. Л. 120.

²⁶⁷ Там же. Л. 120–128.

ных им по поводу романов Василевской и Сергеева-Ценского, встраиваются в уже намеченный контекст их оценки другими членами Комитета. Н. Асеев, пытаясь конкретнее сформулировать суть предъявляемых к роману претензий, охарактеризовал его главный контрапункт так: «...литературно великолепная вещь может оказаться вредной идейно»²⁶⁸. Вместе с тем каждый из высказавшихся на заседании по поводу шолоховского текста обозначил свое намерение голосовать за вызвавший бурное обсуждение роман. О произведениях Василевской и Сергеева-Ценского Асеев отозвался без воодушевления. Завершением же этого обсуждения стали слова Толстого, сказанные как бы в дополнение к зачитанному им мнению секции; он отметил ошибку, «которая идет с самого начала, в архитектонике, в конструкции романа», в котором революция свелась к «судьбе одной семьи»²⁶⁹, но твердо заключил: «Я буду голосовать за Шолохова»²⁷⁰.

По разделу поэзии у литературной секции Комитета изначально было пять кандидатур²⁷¹: «Маяковский начинается» Н. Н. Асеева, «Сбор винограда» М. Ф. Рыльского, «Поэма о Сталине» (она же – «Детство вождя»; «Сталин. Детство и отрочество») Г. Н. Леонидзе, «Жаворонки» А. С. Малышко и «Стихи» С. П. Щипачева. Основная дискуссия в Комитете касалась лишь двух текстов из приведенного списка – произведения «на тему о Маяковском» Асеева и «первого большого труда о Сталине» Леонидзе, принятого к руководству в средних школах Грузии²⁷². Обсуждение же кандидатур Рыльского и Малышко ограничилось прочтением отзыва К. Чуковского на поэму «Сбор винограда»²⁷³ и репликой Асеева про «абсолютный вкус», присущий украинскому поэту, которого он «без снисходительного поощрения поставил бы <...> рядом с собой»²⁷⁴. Немирович-Данченко по этому поводу заметил: «У меня впечатление, что Малышко и Рыльский великолепные поэты, но они уступают Леонидзе и Асееву. А вот Леонидзе уступает ли Асееву, или Асеев Леонидзе – я не знаю»²⁷⁵. Несмотря на слова Янки Купалы о том, что «сама тема говорит за Леонидзе»²⁷⁶, автором отзыва на поэму Асеева выступил лично председатель литературной секции Толстой²⁷⁷, чем недвусмысленно выразил свое расположение к кандидатуре поэта. Помимо характеристики задачи поэмы (ср.: «Задача поэмы – воссоздать внутренний мир молодого Маяковского, входящего шумно, властно и бесцеремонно в литературу, чтобы подняться в ней во весь рост великого революционного поэта»²⁷⁸), Толстой отмечает и формальное новаторство поэмы Асеева, которая «воссоздает молодого Маяковского не как живописный портрет на фоне эпохи, но изнутри, как раскрытие внутреннего мира его»²⁷⁹. На замечание (в форме вопроса) Немировича-Данченко о некотором «подражательстве» Асеева Толстой отреагировал скупой: «Нет, это его (Асеева. – Д. Ц.) голос»²⁸⁰. (Об этом

²⁶⁸ Там же. Л. 131.

²⁶⁹ Там же. Л. 135.

²⁷⁰ Там же. Л. 136.

²⁷¹ См.: Там же. Л. 139.

²⁷² После смерти Сталина вышедшие по-русски в 1940-е тексты Леонидзе по приказу Главлита будут изъяты из распространения, о чем свидетельствует изданный для служебного пользования «Список книг, не подлежащих распространению в книготорговой сети: Библиографический указатель» (М., 1981. С. 58).

²⁷³ См.: Стенограмма пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 18 ноября 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 140–144.

²⁷⁴ Там же. Л. 144.

²⁷⁵ Там же. Л. 149.

²⁷⁶ Там же.

²⁷⁷ Впервые эта заметка была опубликована в составе посмертно изданного сборника литературно-критических трудов писателя: Алексей Толстой о литературе: Статьи, выступления, письма. М., 1956. С. 367–368.

²⁷⁸ Стенограмма пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 18 ноября 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 146.

²⁷⁹ Там же.

²⁸⁰ Там же. Л. 147.

«голосе» Асеева со всем присущим ему ехидством Б. Пастернак в июне 1943 года напишет в письме А. Фадееву.) Об асеевском тексте, отмечая его «неровность» в «поэтическом течении», говорил и Фадеев. Оценка поэмы Леонидзе сводилась к замечанию о несовершенстве перевода Тихонова, не передававшего глубину поэтического проникновения автора в грузинскую народную культуру. Значительно ниже художественное качество текста Асеева оценил Гурвич: «... когда обращаешься к поэме в целом, к общей картине жизни, выведенной в ней, то впечатление резко снижается»²⁸¹; а «основной ее (поэмы. – Д. Ц.) идеей является отрицание старого, а не жизнеутверждение нового»²⁸². Его отзыв, касающийся как формальных, так и содержательных аспектов текста, изобилует пространными цитатами и в объеме своем (12 машинописных листов²⁸³) многократно превышает величину толстовской рецензии (1,5 машинописных листа). Скрупулезность критической манеры и тщательность аргументации, характерные для публицистических суждений Гурвича о «новых успехах советской литературы», приведут к вполне закономерным последствиям: уже в 1943 году критик будет исключен из состава Комитета по Сталинским премиям, а в 1949-м в редакционной статье «Правды» «Об одной антипатриотической группе театральных критиков»²⁸⁴, наряду с А. М. Борщаговским, Г. Н. Бояджиевым, Я. Л. Варшавским, Л. А. Малюгиным, Е. М. Холодовым и И. И. Юзовским (позднее к ним был причислен И. Л. Альтман), будет обвинен не только в пристрастии к «эстетствующему формализму» – «прикрытию антипатриотической сущности», но и в осуществлении «злонамеренной попытки противопоставить советской драматургии классику, опорочить советскую драматургию», в «поклепе <...> на русского советского человека»²⁸⁵. Однако в 1940 году авторитет Гурвича еще не был столь сильно поколеблен, ему еще позволялось лоббировать, чем он активно пользовался²⁸⁶. И без того затянувшийся пленум Комитета был завершен, без подведения промежуточных итогов по кандидатам.

На следующем пленарном заседании Комитета, состоявшемся 21 ноября 1940 года²⁸⁷, предстояло определить порядок голосования. Сомнения некоторых членов Комитета в своей компетентности вполне понятны: с произведениями некоторых кандидатов многие эксперты были знакомы лишь понаслышке (например, Гурвич, подготовивший развернутую рецензию на поэму Асеева, текст Леонидзе не читал, а судил о нем по фрагментам, которые зачитывались на заседаниях). Закономерно встал вопрос о возможности или невозможности воздержаться от подачи голоса на баллотировке. Весомее всего прозвучало мнение Грабаря, убежденного

²⁸¹ Там же. Л. 154.

²⁸² Там же. Л. 165.

²⁸³ См.: Там же. Л. 153–166.

²⁸⁴ Появлению этого текста предшествовало заседание Оргбюро, на котором Шепилов и Кузнецов предложили принять проект постановления ЦК ВКП(б) «О буржуазно-эстетских извращениях в театральной критике» (проект прилагался к докладной записке Агитпропа ЦК Г. М. Маленкову о состоянии театральной критики; см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Ед. хр. 237. Л. 54–56). Хотя это предложение и было отклонено Маленковым (очевидно, по повелению Сталина, желавшего придать кампании характер публичной травли), общий посыл этой несостоявшейся политической рокировки был в полной мере усвоен авторами директивной статьи (см. об этом подробнее: *Костырченко Г. В.* Сталин против «космополитов»: Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М., 2010. С. 129–132).

²⁸⁵ Об одной антипатриотической группе театральных критиков, [редакционная] // Правда. 1949. № 28 (11135). 28 января. С. 3.

²⁸⁶ Однако уже в мае 1941 года статья Гурвича о фильме «Валерий Чкалов» не была напечатана в «Литературной газете», потому как в ее заключении, по словам Фадеева (его письмо было написано на бланке правления Союза писателей СССР), «шел упрек всей советской литературе в „скованности“ и „связанности“» (см.: А. А. Фадеев – И. В. Сталину, А. А. Жданову, А. С. Щербакову, 7 мая 1941 г. // Александр Фадеев. Письма и документы. С. 104–106).

²⁸⁷ На пленарном заседании присутствовали: В. И. Немирович-Данченко, А. В. Александров, Р. М. Глиэр, Н. Н. Асеев, В. А. Веснин, У. Гаджибеков, А. Б. Гольденвейзер, И. Э. Грабарь, А. С. Гурвич, И. О. Дунаевский, А. Е. Корнейчук, Е. М. Кузнецов, Я. Купала, С. М. Михозлс, А. М. Молдыбаев, А. Г. Мордвинов, И. М. Москвин, В. И. Мухина, Н. Я. Мясковский, Х. Насырова, С. А. Самосуд, Р. Н. Симонов, М. Э. Чиаурели, Ю. А. Шапорин, Ф. М. Эрмлер (см.: Протокол пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 21 ноября 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 12).

в том, что «...тут не может быть места воздержанию при голосовании»²⁸⁸; этого же мнения придерживался и Корнейчук, рассуждавший следующим образом: «...мы – самая высокая созданная Правительством комиссия: здесь собрался цвет интеллигенции, – как здесь можно воздержаться?»²⁸⁹ 24 ноября 1940 года²⁹⁰ Комитет установил, что на всех бюллетенях следует оставлять незачеркнутым одного кандидата либо вычеркивать все кандидатуры, но не оставлять двух кандидатур незачеркнутыми (кроме бюллетеней по кандидатам от музыкальной секции: Комитету было дано обещание учредить по музыке дополнительную премию)²⁹¹. Голосование было назначено на 25 ноября 1940 года²⁹² и должно было проходить в помещении МХАТа с 11:00 до 15:00. На заседании счетной комиссии по баллотировке кандидатов на соискание премий²⁹³ присутствовали Ю. Шапорин, В. Немирович-Данченко, Р. Глиэр, В. Мухина, Н. Асеев и М. Чиаурели. По итогам голосования²⁹⁴ в разделе литературы установилось следующее соотношение²⁹⁵.

а) Проза:

[М. А.] Шолохов	«Тихий Дон»	— тридцать один (31)
[В. Л.] Василевская	«Пламя на болотах»	— один (1)
[С. Н.] Сергеев-Ценский	«Севастопольская страда»	— один (1)

б) Поэзия:

[Н. Н.] Асеев	«Маяковский начинается»	— десять (10)
[Г. Н.] Леонидзе	«Детство вождя»	— восемь (8)
[А. С.] Малышко	«Жаворонки»	— два (2)
[М. Ф.] Рыльский	«Сбор винограда»	— один (1)
[С. П.] Щипачев	«Стихи». 1940	— один (1)

²⁸⁸ Стенограмма пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 21 ноября 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 170.

²⁸⁹ Там же.

²⁹⁰ На пленарном заседании присутствовали: В. И. Немирович-Данченко, А. В. Александров, Р. М. Глиэр, Н. Н. Асеев, И. Г. Большаков, В. А. Веснин, У. Гаджибеков, А. М. Герасимов, А. Б. Гольденвейзер, И. Э. Грабарь, А. С. Гурвич, А. П. Довженко, И. О. Дунаевский, А. Е. Корнейчук, Е. М. Кузнецов, Я. Купала, С. Д. Меркуров, С. М. Михоэлс, А. Г. Мордвинов, И. М. Москвин, В. И. Мухина, Н. Я. Мясковский, С. А. Самосуд, И. Я. Судаков, А. Н. Толстой, А. А. Фадеев, М. Б. Храпченко, М. Э. Чиаурели, Ю. А. Шапорин, Ф. М. Эрмлер (см.: Протокол пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 24 ноября 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 15).

²⁹¹ Стенограмма пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 24 ноября 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 255.

²⁹² См.: Протокол заседания счетной комиссии по баллотировке кандидатов на соискание Сталинских премий 1940 г. в области литературы и искусств от 25 ноября 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 86–86 об.

²⁹³ В нее входили Н. Н. Асеев, В. И. Мухина, М. Э. Чиаурели, Ю. А. Шапорин.

²⁹⁴ Максимальное количество голосов соответствовало числу присутствовавших на голосовании членов Комитета (всего в него входило 39 человек) и равнялось 35.

²⁹⁵ Протокол заседания счетной комиссии по баллотировке кандидатов, 25 ноября 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 86 об.

К этому моменту Комитет провел 22 секционных и 11 пленарных заседаний. На состоявшемся на следующий день, *26 ноября 1940 года*²⁹⁶, заключительном пленарном заседании (Комитет должен был представить работы с предложением о присуждении премий в Совнарком СССР не позднее 1 декабря 1940 года) Немирович-Данченко предложил, обращаясь к присутствовавшим, «сохранить нашу „коалицию“, „самосохраниться“, не „самораспускаться“», чтобы «раз в месяц <...> собираться и обмениваться всеми нашими впечатлениями за истекший месяц в каждой из областей искусства»²⁹⁷. В тот момент ни у одного из присутствовавших, по видимому, не было уверенности в том, сохранится ли такой экспертный состав Комитета по Сталинским премиям в будущем. На этом же заседании уже вполне недвусмысленно была обозначена культуртрегерская претензия комитетчиков на роль «активной силы для искусства»: «...наша деятельность, – рассуждал Довженко, – может в дальнейшем определяться не только как деятельность авторитетных людей, могущих определить качество произведений и безошибочно выдать им Сталинские премии, но и как деятельность авторитетной группы, которая будет повышать, углублять мастерство художников»²⁹⁸. *2 декабря 1940 года* Немирович-Данченко лично передал Молотову отчет о работе Комитета, датированный *30 ноября 1940 года* (к нему прилагался и отчет о работе литературной секции, подготовленный Толстым), о чем свидетельствует карандашная помета на первой странице машинописи²⁹⁹.

Свобода дискуссии при осознаваемой всеми членами Комитета изначальной определенности будущих лауреатов выражалась еще и в том, что в сферу экспертной оценки вторгались другие институты. Так, газета «Советское искусство» (орган Комитета по делам искусств при СНК и Всесоюзного профсоюза работников искусств) и «Правда» преждевременно начали публиковать на своих страницах статьи, посвященные обсуждению возможных кандидатов и содержащие весьма конкретные суждения о художественном уровне того или иного произведения. Некоторые эксперты (например, Гольденвейзер) видели в этом попытки «давить на невынесенное мнение Комитета»³⁰⁰. На этом этапе работа института Сталинской премии воспринималась общественностью как некое «общее дело», в котором может и должен принять участие каждый «работник» советской культуры. Уверенность в окончательности принимаемых решений и ощущение ответственности за них определили «открытый» характер дискуссии, что попросту не могло остаться без внимания властей предрешающих.

²⁹⁶ На пленарном заседании присутствовали: В. И. Немирович-Данченко, А. В. Александров, Н. Н. Асеев, В. А. Веснин, У. Гаджибеков, А. М. Герасимов, Р. М. Глиэр, А. Б. Гольденвейзер, И. Э. Грабарь, А. С. Гурвич, А. П. Довженко, И. О. Дунаевский, А. Е. Корнейчук, Е. М. Кузнецов, Я. Купала, С. Д. Меркуров, С. М. Михоэлс, А. М. Молдыбаев, А. Г. Мордвинов, И. М. Москвин, В. И. Мухина, Н. Я. Мяковский, Х. Насырова, С. А. Самосуд, Р. Н. Симонов, И. Я. Судаков, А. Н. Толстой, М. Б. Храпченко, М. Э. Чиаурели, Ю. А. Шапорин, Ф. М. Эрмлер (см.: Протокол заключительного пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 26 ноября 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 75).

²⁹⁷ Стенограмма пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 26 ноября 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 262.

²⁹⁸ Там же. Л. 265.

²⁹⁹ См.: В Совнарком Союза ССР [Записка о работе Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства], 30 ноября [1940 г.] // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 76.

³⁰⁰ Стенограмма пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 26 ноября 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 270.

«Количество премий – элемент формальный...»: Обретение соцреалистического многообразия

За день до утвержденной даты публикации в центральной печати постановления о присуждении Сталинских премий, *20 декабря 1940 года*, Совнарком СССР во главе с В. М. Молотовым неожиданно для всех принял постановление № 2600 «О присуждении Сталинских премий по науке, искусству и литературе»³⁰¹, итоговый вариант которого был опубликован в «Правде» почти три недели спустя (12 января 1941 года)³⁰².

В этом документе содержался ряд принципиальных поправок к постановлению № 400 от 25 марта 1940 года «О порядке присуждения премий имени Сталина»:

– отложено принятие решений по Сталинским премиям в различных областях науки и искусства;

– изменен исходный критерий, связанный с временным промежутком создания произведений: премия могла быть присуждена за работы не только 1940 года, но и «за работы последних шесть лет, начиная с 1935 года» (позднее эта формулировка будет изменена; ср. в «Правде»: «...за работы последних 6–7 лет»);

– свои предложения Комитет должен был представить на утверждение в Совнарком СССР до 5 января 1941 года (позднее срок будет сдвинут на 10 дней; ср. в «Правде»: «...к 15 января 1941 года»);

– главное изменение касалось количества премий за выдающиеся работы в области науки и искусства: по три премии первой степени и пять премий второй степени выделялось для музыки, живописи, скульптуры, архитектуры, театрального искусства и кинематографии и еще по три премии первой степени³⁰³ для каждой из областей литературы (проза, поэзия, драматургия и литературная критика).

Из этого постановления следовало, что Комитету необходимо экстренно возобновить работу, так как до дня представления документов в Совнарком оставалось около двух недель. И уже *24 декабря 1940 года*³⁰⁴ в 14:00 в новом репетиционном помещении МХАТа состоялось очередное пленарное заседание, открывшееся чтением В. Я. Виленкиным текста постановления Совнаркома № 2600 от 20 декабря 1940 года в его первоначальной редакции. Баллотировку следовало окончить к 3 января 1941 года, чтобы 4 января подготовить всю необходимую документацию для представления в Совнарком. Характер работы Комитета в этот период определялся довольно жесткими временными рамками: из-за спешки было решено не обращаться к общественным организациям за выдвижением новых кандидатур на премии, но уведомить их (только всесоюзные отделения)³⁰⁵. Также было принято решение, что отвергнутые ранее

³⁰¹ Опубликовано в кн.: Сталинские премии: Справочник. М., 1945. С. 17–18. Этому постановлению предшествовало решение ЦК ВКП(б); см.: [Выписка из протокола № 24 заседания Политбюро ЦК от 20 декабря 1940 г.; пункт 124] «О присуждении Сталинских премий по науке, искусству и литературе» // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 53а. Ед. хр. 1. Л. 22–23.

³⁰² См.: В Совнарком СССР. [Постановление СНК СССР № 2600] Об изменении порядка присуждения Сталинских премий по науке, изобретениям, литературе и искусству, 20 декабря 1940 г. // Правда. 1941. № 12 (8429). 12 января. С. 1.

³⁰³ По отделу художественной прозы в 1941 году будут дополнительно присуждены также три премии второй степени.

³⁰⁴ На заседании присутствовали: В. И. Немирович-Данченко, А. В. Александров, Н. Н. Асеев, И. Г. Большаков, В. А. Веснин, А. М. Герасимов, Р. М. Глиэр, А. Б. Гольденвейзер, И. Э. Грабарь, А. С. Гурвич, С. Д. Меркуров, С. М. Михоэлс, А. Г. Мордвинов, И. М. Москвин, В. И. Мухина, Н. Я. Мясковский, С. А. Самосуд, Р. Н. Симонов, И. Я. Судаков, А. А. Фадеев, М. Б. Храпченко, Ю. А. Шапорин (см.: Протокол пленарного заседания (по экстренному созыву) Комитета по Сталинским премиям при СНК СССР в области литературы и искусства, 24 декабря 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 16).

³⁰⁵ В связи с поступившим от Комитета известием 25 декабря 1940 года в Институте мировой литературы состоялось экстренное совещание руководителей отделов и групп (присутствовали Н. П. Белкина, Д. Д. Благой, Н. К. Гудзий, Б. П. Козьмин, Т. Л. Мотылева, М. И. Серебрянский и М. М. Юнович). На нем обсуждался вопрос о выдвижении дополнительных кандидатур на премию (ранее были выдвинуты «Тихий Дон» Шолохова и «История римской литературы» Покровского). Было решено рекомендовать «Севастопольскую страду» С. Сергеева-Ценского, «Землю в ярме» и «Пламя на болотах» В. Василевской,

произведения 1940 года вновь могут быть рассмотрены в качестве претендующих на премию. Тогда же А. Фадеев коснулся вопроса о возможности посмертного присуждения наград, что еще раз утвердило примат *книги* над индивидуально-авторским началом:

У меня такой вопрос. За эти шесть лет были великолепные произведения авторов, которые умерли. Например, Макаренко написал историческую прямо сказать вещь «Педагогическая поэма» (1933–1935; отдельным изданием текст вышел в 1937 году (М.: Художественная литература) со значительной редакторской правкой и цензурными купюрами жены писателя³⁰⁶. – Д. Ц.), которая является общепризнанной вещью для педагогов, для художников. Мальшкин написал «Люди из захолустья» (1937–1938. – Д. Ц.). Ведь они не виноваты, что они умерли, а вещи все-таки остались жить³⁰⁷.

«Песни и поэмы» Джамбула, «Страну Муравию» А. Твардовского (позднее текст был вычеркнут из протокола), «Джангар» в переводе С. Липкина, «Витязя в тигровой шкуре» Ш. Руставели в переводе Ш. Нуцубидзе (см.: АРАН. Ф. 397. Оп. 1. Д. 58. Л. 21).

³⁰⁶ См. об этом: Hillig G. A. S. Makarenko, «Pedagogičeskaja poëma». Teil 1: Eine textologische Untersuchung // Studia Slavica. Beiträge zum VIII. Internationalen Slawistenkongress in Zagreb 1978. Giessen, 1981. S. 267–315; Hillig G. 50-летие публикации «Педагогической поэмы» // Svantevit. Dansk tidsskrift for slavistik (Århus). 1984. № 1–2. С. 181–188; Hillig G. В поисках истинного Макаренко: Русскоязычные публикации (1976–2014). Полтава, 2014.

³⁰⁷ Стенограмма пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 24 декабря 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 279.

- 2 -

- 15) театрально-драматического искусства,
- 16) оперного искусства,
- 17) балетного искусства,
- 18) кинематографии;

б) по 3 премии, в размере 100 тысяч рублей каждая, за выдающиеся произведения в области литературы, из них:

- три - по поэзии,
- три - по прозе,
- три - по драматургии,
- три - по литературной критике;

в) за выдающиеся изобретения (в том числе военные): двадцать пять премий первой степени в размере 100 тыс.руб. каждая, сорок премий второй степени в размере 50 тыс.рубл. каждая, шестьдесят премий третьей степени в размере 25 тыс.руб.каждая.

3. Предложить Комитету по Сталинским премиям в области науки и изобретательства и Комитету по Сталинским премиям в области литературы и искусства представить свои предложения на утверждение Совнаркома СССР к 15 января 1941 года, в соответствии с настоящими изменениями порядка присуждения Сталинских премий.

*М. Капитанову
Задаеву*

2ф

Инициативу премировать тексты умерших авторов Комитет поддержал: М. Храпченко определил, что получать выплату в таком случае должны наследники, следом А. Гурвич отметил: «Если эти произведения будут лучшие, то они будут двигать искусство вперед. Я считаю, что они должны получать премию»³⁰⁸. Забегая вперед, отметим, что ни Макаренко, ни

³⁰⁸ Там же. Л. 280.

Малышкин премию посмертно не получают, однако в дальнейшем эта практика будет реализована (посмертно премии получают С. Нерис, А. Толстой, В. Я. Шишков). Это обстоятельство, наряду с некоторыми другими, позволяет не только судить об ориентации Комитета непосредственно на текст, но и делать выводы относительно специфики культурной ситуации позднего сталинизма. Решением этих общих вопросов пленум завершился, далее работа проходила в формате секционных заседаний, которые не стенографировались.

29 декабря 1940 года³⁰⁹ состоялось следующее заседание, на котором, помимо внесения ясности в вопрос о присуждении премии за произведения уже умерших авторов (Совнарком дал категорический ответ: решение о премировании будет зависеть от «художественной значимости» произведений и иных обстоятельств, которые подробно не пояснялись), были выдвинуты рассмотренные и рекомендованные литературной секцией кандидаты³¹⁰.

Прозаические:

одобренные: «Тихий Дон» (опубл. в 1928–1940) М. А. Шолохова; «Педагогическая поэма» (опубл. в 1933–1935) А. С. Макаренко; «Севастопольская страда» (опубл. в 1939–1940) С. Н. Сергеева-Ценского; «Гвади Бигва»³¹¹ (пер. с груз. Е. Гогоберидзе; опубл. в 1940) Л. Киачели;

отклоненные: «Пламя на болотах» (пер. с польск. Е. Гонзаго; опубл.: Интернациональная литература. 1940. № 5–6) В. Л. Василевской; «Белеет парус одинокий» (опубл. в 1936) В. П. Катаева; «Бруски» (опубл. в 1928–1937) Ф. И. Панферова; «Одноэтажная Америка» (опубл. в 1936) И. А. Ильфа и Е. П. Петрова; «Хлеб» (опубл. в 1937), «Петр Первый» (частично опубл. в 1930–1934³¹²) и неоконченный роман «Хождение по мукам»³¹³ (опубл. в СССР в 1925–1943) А. Н. Толстого³¹⁴; «Пархоменко»³¹⁵ (опубл. в 1938–1939) Вс. Вяч. Иванова; «Всадники» (опубл. в 1935) Ю. И. Яновского; «Тавриз туманный» (опубл. в 1939–1940) М. Ордубады; неоконченный роман «У Днепра» (пер. с евр. Б. Черняка; опубл. в 1935) Д. Р. Бергельсона.

Поэтические:

³⁰⁹ На заседании присутствовали: В. И. Немирович-Данченко, Р. М. Глиэр, А. П. Довженко, А. В. Александров, Н. Н. Асеев, И. Г. Большаков, В. А. Веснин, А. М. Герасимов, А. Б. Гольденвейзер, И. Э. Грабарь, А. С. Гурвич, А. Е. Корнейчук, Е. М. Кузнецов, Янка Купала, С. Д. Меркуров, С. М. Михоэлс, А. Г. Мордвинов, И. М. Москвин, В. И. Мухина, Н. Я. Мясковский, И. Я. Судаков, А. Н. Толстой, А. А. Фадеев, М. Б. Храпченко, Ю. А. Шапорин, Ф. М. Эрмлер (см.: Протокол пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 29 декабря 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 17).

³¹⁰ См.: Стенограмма пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 29 декабря 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 28–29. Список поэтических и литературно-критических произведений приведен в стенограмме заседания от 30 декабря (см.: Стенограмма пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 30 декабря 1940 г. // Там же. Л. 48–54, 59). В архивном фонде в РГАЛИ не сохранились полные списки представленных в Комитет кандидатур с указанием выдвинувшей организации.

³¹¹ Текст Л. Киачели секция рекомендовала в случае, если невозможным окажется присудить премию умершему Макаренко.

³¹² Позднее (в 1944–1945 годах) текст первой книги романа будет серьезно переработан Толстым (см. об этом: *Акимова* А. С. Исправленный «Петр Первый»: К истории текста романа А. Н. Толстого // *Studia Litterarum*. 2016. № 3–4. С. 262–277).

³¹³ С 1925 года Толстой начинает редактировать романский текст «Хождения по мукам» (первый в трилогии с одноименным названием; с 1928 года – «Сестры»), ранее опубликованный за границей в двух вариантах: в журнальном («Современные записки» (Париж). 1920. № 1–2; 1921. № 3–7) и в формате отдельного книжного издания (Берлин; М., 1922). В результате правки середины 1920-х – начала 1940-х годов роман был сокращен писателем практически на треть. См. подробнее: *Воронцова Г. Н.* 1) Текстологические принципы издания // Толстой А. Н. Хождение по мукам. М., 2012. С. 400–411 («Литературные памятники»); 2) Роман А. Н. Толстого «Хождение по мукам» (1919–1921): Творческая история и проблемы текстологии. М., 2014.

³¹⁴ Толстой попросил не выдвигать «Хождение по мукам» и «Петра Первого» на премию, поскольку работа над текстами не была завершена (см.: Стенограмма пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 29 декабря 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 29).

³¹⁵ Подробнее об истории создания романа см.: *Иванов Вяч. Вс.* Из архива Всеволода Иванова: Работа над пьесой об убийстве Павла Первого // *Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры*. М., 2000. Т. 2. С. 520–544.

одобренные: «Маяковский начинается» (опубл. в 1940³¹⁶) и «Высокогорные стихи» (опубл. в 1938) Н. Н. Асеева; «Чувство семьи единой» (опубл. в 1938) П. Г. Тычины; «От сердца» (опубл. на белорус. яз. в 1940; издание на рус. яз. – М.: ГИХЛ, 1941) Я. Купалы (И. Д. Луцевича);

отклоненные: «Страна Муравия» (опубл. в 1936) А. Т. Твардовского; «Стихи» (опубл. в 1935) С. Вургуна; «Детство вождя» (пер. с груз. Н. Тихонова; впервые опубл. под заглавием «Сталин. Детство и отрочество» в 1940) Г. Н. Леонидзе; «Бессмертье» (опубл. в 1935–1937) Н. П. Бажана; «Стихи» (пер. с груз. под ред. В. Гольцева; опубл. в 1935) С. И. Чиковани; «Тень друга» (опубл. в 1936) Н. С. Тихонова; «Великий перелом»³¹⁷ П. Д. Маркиша; «Царицынская эпопея» (опубл. по-русски под заглавием «Книга о богатырях» в 1940) Н. Зарьяна; а также ряд других текстов, среди которых песни М. В. Исаковского³¹⁸, стихи А. С. Исаакяна³¹⁹, Л. М. Квитко³²⁰, С. И. Кирсанова³²¹, А. Д. Кушнерова³²², С. В. Михалкова³²³, детские стихи С. Я. Маршака³²⁴.

Драматургические:

одобренные: «Человек с ружьем» (опубл. в 1937) Н. Ф. Погодина; «Вагиф» (пер. с азерб. В. Гурвича³²⁵; опубл. в 1941) С. Вургуна; «Платон Кречет» (пер. с укр. И. Крути; опубл. в 1935) А. Е. Корнейчука; «Кто смеется последний»³²⁶ (пер. с белорус. Г. Рыклина; опубл.: Польша рэвалюцыі. 1939. № 9) К. К. Крапивы;

отклоненные: «Рыцарь Иоанн» (опубл. в 1938 г.) И. Л. Сельвинского; «Сказка» (опубл. в 1939) М. А. Светлова; «Бар Кохба» (пер. с евр. А. Безыменского; опубл. в 1940) С. З. Галкина.

Критические: «Эстетические взгляды Горького» (опубл. в 1939 г.) Б. А. Бялика; «В поисках героя» (опубл. в 1938 г.) А. С. Гурвича; «О Бальзаке» (сводная работа, состоявшая из нескольких частей и предназначенная для «Истории французской литературы»; опубл. в 1939–1940 гг.) В. Р. Гриба; «Александр Сергеевич Пушкин: 1799–1937» (опубл. в 1937 г.) и «Политические мотивы в творчестве Лермонтова» (опубл. в 1939 г.) В. Я. Кирпотина; «Л. Тол-

³¹⁶ Асеев Н. Н. Маяковский начинается. М.: Сов. писатель, 1940. Это издание было подписано в печать 25 февраля 1940 года. В примечаниях к сборнику стихотворений и поэм Асеева в большой серии «Библиотеки поэта» (М.: Сов. писатель, 1967. С. 702) А. А. Урбан и Р. Б. Вальбе ошибочно называют первым издание поэмы в «Роман-газете» (№ 3, М.: Гослитиздат, 1940), но оно было подписано в печать только 19 мая. Эта же ошибка допущена и в библиографическом указателе «Русские советские писатели. Поэты» (М., 1978. Т. 2. С. 8). Подробнее об этом см.: К творческой истории поэмы «Маяковский начинается» // Из истории советской литературы 1920–1930-х годов. М., 1983. С. 438–530 («Литературное наследство». Т. 93).

³¹⁷ Текст Маркиша с таким названием не публиковался ни в одном советском издательстве. Примечательно, что имя еврейского поэта, как и имя Зошенко, не встречается в библиографических изданиях, посвященных советской литературе и напечатанных до конца 1950-х годов, так как в конце января 1949-го поэт был арестован по делу Еврейского антифашистского комитета и расстрелян 12 августа 1952 года.

³¹⁸ Песни Исаковского активно издавались в конце 1930-х – начале 1940-х годов. Среди опубликованных сборников следует отметить: «Песни» (Смоленск: Смолгиз, 1938); «Стихи и песни» (М.: Гослитиздат, 1938); «Стихи и песни» (М.: Правда, 1940); «Избранные стихи и песни» (М.: Гослитиздат, 1940). Вероятным «секретом успеха» Исаковского было наличие в песнях сюжетной составляющей и демократичность их языкового оформления.

³¹⁹ Переводы стихотворений Исаакяна публиковались в центральной периодике, но первый полноценный сборник вышел лишь в 1945 году в Гослитиздате в авторизованном переводе.

³²⁰ Сборники переведенных с идиша детских стихотворений Квитко активно издавались в 1930-е. Вероятно, экспертами обсуждался сборник «Стихи» (М.: Правда, 1938).

³²¹ Стихотворения Кирсанова были опубликованы в сборниках «Дорога по радуге. Стихи и поэмы: 1925–1935» (М.: Гослитиздат, 1938) и «Четыре тетради» (М.: Сов. писатель, 1940).

³²² По всей видимости, переводы стихотворений Кушнерова с идиша печатались в периодике, но полноценных книжных изданий в СССР не выходило.

³²³ На момент заседания несколько сборников Михалкова могли быть предметом обсуждения комитетчиков: «Мои стихи» (М.: Сов. писатель, 1938); «Стихи» (М.: Правда, 1938); «Веселые стихи» (М.: Детиздат, 1940).

³²⁴ В 1930-е вышло несколько сборников детских стихов Маршака: «Наш отряд: Стихи» (Л.: Детиздат, [1938]); «Веселый день: Стихи и сказки» (М.: Л.: Детиздат, 1939); «Стихи» (М.: Детиздат, 1940).

³²⁵ До Гурвича пьесу Вургуна в 1939 году перевел Л. Г. Зорин.

³²⁶ Пьеса рекомендована секцией с меньшим количеством голосов.

стой: Работа и стиль» (серия «Творческий опыт классиков»; опубли. в 1939 г.) Л. М. Мышковой; «Низами» (опубли. в 1939 г.) М. Рафили; «Пути художественной правды» (опубли. в 1939 г.) Е. Ф. Усиевич.

На следующий день, 30 декабря 1940 года³²⁷, Немирович-Данченко, пользуясь отсутствием Корнейчука, заметил, что «у него есть драматургический талант, но нельзя премировать „Платона Кречета“» (драма была выдвинута Украинским отделением Союза писателей). Вместо него председатель Комитета предложил выдвинуть на премию «Любовь Яровую» Константина Тренева во второй редакции 1936 года³²⁸ (это предложение поддержали Гурвич, Михоэлс, Фадеев, Храпченко и Эрмлер) и подробным разбором кандидатур по разделу поэзии (докладывал Фадеев). Литературная секция рекомендовала³²⁹: «Маяковский начинается» и «Высокогорные стихи» Н. Н. Асеева («... крупнейшего поэта в советской поэзии»), «Чувство семьи единой» П. Г. Тычины («... самого крупного мастера стихов на Украине») и «От сердца» Я. Купалы («... человека глубочайших народных корней», «белорусского Шевченко»). Отклонены секцией были³³⁰: «Письмо казахского народа Сталину»³³¹ (пер. с казахск. М. Тарловского; опубли. в 1940 г.), выдвинутое Союзом писателей Казахстана, и «Письмо строителей Большого Ферганского канала Иосифу Виссарионовичу Сталину»³³² (изложили в стихах Гафур Гулям и Хамид Алимджан; пер. с узб. Л. Пеньковского; опубли. в 1939 г.), рекомендованное писательской организацией Узбекистана³³³, поэма и стихи С. И. Кирсанова³³⁴, стихи С. В. Михалкова, песни М. В. Исаковского (в исполнении хора М. Е. Пятницкого), «Страна Муравия» А. Т. Твардовского (в этой поэме, по мнению Фадеева, «есть много лишнего, неудачные строфы»), «Стихи» С. Вургуна, «Детство вождя» Г. Н. Леонидзе, «Бессмертье» Н. П. Бажана, «Стихи» С. И. Чиковани, «Тень друга» Н. С. Тихонова, детские стихи С. Я. Маршака и «Великий перелом» П. Д. Маркиша (Фадеев со свойственной ему претензией на исключительное «чувство стиха» отметил, что тексту Маркиша «присуща какая-то перегруженность абстрактно-космическими образами и метафорами»), песни Джамбула³³⁵, стихи А. С. Исаакяна. Кроме того, были отвергнуты кандидатуры А. Д. Кушнерова и Л. М. Квитко, выдвинутые Еврейской секцией Союза писателей. В целом соглашаясь с мнением секции по рекомендованным кандидатурам, некоторые члены Комитета выступили с предложением расширить итоговый список: Храпченко вступился за Леонидзе, а Михоэлс поддержал Маркиша; Асеев, который по правилам должен

³²⁷ На заседании присутствовали: В. И. Немирович-Данченко, Р. М. Глиэр, А. П. Довженко, А. В. Александров, Н. Н. Асеев, В. А. Веснин, А. М. Герасимов, А. Б. Гольденвейзер, И. Э. Грабарь, А. С. Гурвич, А. Е. Корнейчук, Е. М. Кузнецов, Янка Купала, С. Д. Меркуров, С. М. Михоэлс, А. Г. Мордвинов, И. М. Москвин, В. И. Мухина, Н. Я. Мясковский, А. А. Фадеев, М. Б. Храпченко, Ю. А. Шапорин, Ф. М. Эрмлер (см.: Протокол пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 29 декабря 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 18).

³²⁸ См.: Стенограмма пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 30 декабря 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 35). Далее Фадеев назовет пьесу Тренева «первым произведением, которое взяло нашу тему, наших советских людей, большевиков; [в этой пьесе] появились первые настоящие советские характеры» (Там же. Л. 36).

³²⁹ См.: Там же. Л. 52–54.

³³⁰ Там же. Л. 48–51.

³³¹ Скорее всего, имеется в виду коллективное обращение поэтов, принятое II съездом писателей и народных акынов Казахской ССР 23 июня 1939 года: *Муканов С., Токмагамбетов А., Жароков Т., Тажисбаев А.* Сталину // Песни степей: Антология казахской литературы. М.: ГИХЛ, 1940. С. 556–577.

³³² По всей видимости, литературная секция даже не просматривала большинство выдвинутых организациями произведений. Об этом говорит уже тот факт, что Фадеев, делая доклад по отделу поэзии, сказал, что «Письмо строителей Ферганского канала» «выдвинул Казахстан», хотя авторство текста принадлежит узбекским поэтам (более того, в 1939 году Хамид Алимджан стал ответственным секретарем Союза писателей Узбекистана).

³³³ Фадеев отметил, что «эти письма написаны очень прочувствованно, но это явление политики, а не искусства» (Стенограмма пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 30 декабря 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 48–49).

³³⁴ Вероятно, имелась в виду «Твоя поэма» (М.: Правда, 1938), вышедшая в серии «Библиотека журнала „Огонек“».

³³⁵ В 1930-е годы песни Джамбула неоднократно издавались по-русски: «Стихи и песни» (М.: Правда, 1938); «Песни и поэмы» (пер. с казахск. М. Каратаева; М.: Гослитиздат, 1938).

был покинуть зал, где проходило обсуждение кандидатов по разделу поэзии, рекомендовал Твардовского и Чиковани. 31 декабря 1940 года³³⁶ были предложены коррективы в список текстов по разделу критики: Фадеев инициировал выдвижение двухтомной монографии Грабаря о Репине³³⁷; его поддержали Герасимов, Меркуров, Веснин, Корнейчук³³⁸. Разногласия возникли только по поводу области, в которой стоит премировать Грабаря: давать премию как художнику или как искусствоведу; решение этого вопроса было отложено (2 января 1941 года Немирович-Данченко скажет: «В живописи он (Грабарь. – Д. Ц.) должен будет уступить место более сильным художникам»³³⁹).

Составлению итоговых списков допущенных до баллотировки текстов было посвящено пленарное заседание, проходившее 2 января 1941 года³⁴⁰. Мнение секции по каждому из рассмотренных произведений в весьма пространным сообщении выразил Фадеев³⁴¹. По разделу прозы на голосование выдвигались те же тексты, которые были отмечены секцией 29 декабря 1940 года («Тихий Дон» М. А. Шолохова; «Педагогическая поэма» А. С. Макаренко (далее Фадеев скажет: «Мое мнение, что книгу Макаренко надо снять [с номинации на премию]»³⁴²); «Севастопольская страда» С. Н. Сергеева-Ценского; «Гвади Бигва» Л. Киачели); каждому из названных произведений сопутствовало подробное обоснование причин его выдвижения, тогда как отвергнутые секцией тексты докладчик зачастую просто перечислял или характеризовал по основной теме (ср.: «Всеволод Иванов – „Пархоменко“ – о гражданской войне» и т. д.). Больше всего на этом заседании говорилось о романе грузинского автора: помимо Фадеева, о «Гвади Бигве» высказались Толстой («...это превосходная вещь»³⁴³), Гурвич («Она (книга – Д. Ц.) оригинальна по манере письма, по сюжету, по стилю и по характеру героев»³⁴⁴), Хорава и другие. По разделу драматургии также не внесли серьезных изменений в ранее приведенный список кандидатов: секция рекомендовала пьесы «Человек с ружьем» Н. Ф. Погодина (5 голосов на внутрисекционном голосовании), «Вагиф» С. Вургуня (6 голосов), «Платон Кречет» А. Е. Корнейчука (4 голоса) и «Любовь Яровая»³⁴⁵ К. А. Тренева (однако на открытом голосовании, инициированном Немировичем-Данченко, большинство присутствовавших определили, что у Комитета нет оснований включать переработанный вариант пьесы Тренева 1936 года в

³³⁶ На просмотре в Третьяковской галерее присутствовали: Р. М. Глиэр, А. П. Довженко, В. А. Веснин, А. М. Герасимов, А. Б. Гольденвейзер, И. Э. Грабарь, А. С. Гурвич, А. Е. Корнейчук, Янка Купала, С. Д. Меркуров, С. М. Михоэлс, А. Г. Мордвинов, И. М. Москвин, В. И. Мухина, Н. Я. Мясковский, С. А. Самосуд, А. А. Фадеев, А. А. Хорава, М. Б. Храпченко, М. Э. Чиаурели, Ю. А. Шапорин, Ф. М. Эрмлер (см.: Протокол пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 29 декабря 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 19).

³³⁷ См.: *Грабарь И. Э.* Репин: В 2 т. М., 1937.

³³⁸ См.: Стенограмма пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 31 декабря 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 73–74.

³³⁹ Стенограмма пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 2 января 1941 г. // Там же. Л. 113.

³⁴⁰ На заседании присутствовали: В. И. Немирович-Данченко, Р. М. Глиэр, А. П. Довженко, Н. Н. Асеев, И. Г. Большаков, В. А. Веснин, А. М. Герасимов, А. Б. Гольденвейзер, И. Э. Грабарь, А. С. Гурвич, А. Е. Корнейчук, Е. М. Кузнецов, Янка Купала, С. Д. Меркуров, С. М. Михоэлс, А. Г. Мордвинов, И. М. Москвин, В. И. Мухина, Н. Я. Мясковский, С. А. Самосуд, Р. Н. Симонов, И. Я. Судаков, А. Н. Толстой, А. А. Фадеев, А. А. Хорава, М. Б. Храпченко, М. Э. Чиаурели, Ю. А. Шапорин, Ф. М. Эрмлер (см.: Протокол пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 29 декабря 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 20).

³⁴¹ См.: Стенограмма пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 2 января 1941 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 86–89, 95–98.

³⁴² Там же. Л. 94. К нему присоединится и Корнейчук.

³⁴³ Там же. Л. 90.

³⁴⁴ Там же. Отзыв Гурвича на роман занял в общей сложности четыре машинописных листа (Л. 90–93).

³⁴⁵ В Комитете завязался спор между теми, кто считал, что вторую редакцию «Любови Яровой» можно считать самостоятельным произведением (М. Храпченко, А. Гольденвейзер), и теми, кто не признавал за второй редакцией принципиальной новизны (А. Толстой, Ф. Эрмлер).

итоговый список кандидатур³⁴⁶). Взявший следом слово Михоэлс принялся отстаивать перед членами Комитета пьесу еврейского драматурга Галкина, указывая на то, что

мы этим [решением] влияем на развитие драматургии. А драматургия – это самый уязвимый участок культуры, и здесь мы должны больше всего реагировать, потому что это есть целый отряд нашего искусства, потому что театр в максимальной зависимости от драматургии.

<...>

«Бар Кохба» означает поворотный пункт в том круге драматических произведений, с которыми мне приходится иметь дело в еврейской драматургии³⁴⁷.

Михоэлс неслучайно акцентирует внимание присутствовавших именно на драматургии. Он, по всей видимости, пробует обернуть разгоравшуюся в те месяцы полемику вокруг драматического искусства в пользу собственных взглядов. Внимательно следивший за ходом обсуждения Храпченко в призыве Михоэлса нашел подтверждение собственным взглядам, публично озвученным еще в марте 1940 года. На совещании с драматургами в Комитете по делам искусств он обрушился на желавших независимости авторов (сокращенный текст выступления опубликован в «Советском искусстве» за 24 марта 1940 года)³⁴⁸. Так называемая «теория невмешательства» была оценена как «вредная», а партийный контроль в сфере литературного творчества Храпченко назвал «серьезнейшей, глубочайшей помощью нашим писателям»³⁴⁹. Слова Михоэлса произвели искомый эффект – в окончательном списке рекомендованных Комитетом произведений остались все семь ранее утвержденных кандидатур по разделу драматургии. Изменения коснулись перечня произведений, выдвинутых по разделу критики: с трудом договорившись между собой, члены секции рекомендовали монографию И. Э. Грабаря «Репин», «Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века» Г. А. Гуковского, работу А. С. Гурвича «В поисках героя» (основу книги составляет большая статья об Андрее Платонове), а также «Л. Толстой: Работа и стиль» Л. М. Мышковской и «Низами» М. Рафили. Наиболее выразительную характеристику Толстой дал вышедшей в 1938 году книге Гуковского:

Вторая книга – не совсем в чистом виде критика, но она затрагивает нужную актуальную тему нашего времени, тему революционной реабилитации XVIII века. Это книга Гуковского, литература большого ученого. В ней есть 2 раздела. Первый раздел – вокруг Радищева. Подняты новые фигуры, мало известные в литературе. Он реабилитирует наше прошлое, говоря о том, что Радищев не был одинок, что революционное движение началось в шестидесятых годах XVIII века. И второй раздел – у истоков русского сентиментализма.

Это книга познавательная, необходимая для каждого иллюстрирующего (sic!) историю русской литературы. Здесь есть некоторые недостатки. Это вещь

³⁴⁶ Там же. Л. 100.

³⁴⁷ Там же. Л. 102–103.

³⁴⁸ Проблема положения драматургии волновала Храпченко и прежде. Еще 20 января 1939 года он выступил с речью на общемосковском собрании драматургов, в которой признал, что обуревавшая все творческое сообщество дискуссия о формализме середины 1930-х годов не повлияла благотворно на состояние советской драматургии, страдающей «штампованностью».

³⁴⁹ В выступлении Храпченко наметилась и тенденция к «бесконфликтности», которая достигнет расцвета в послевоенный период. Так, председатель Комитета по делам искусств сказал, что «все, что есть в советском человеке хорошего, обливается грязью или подвергается сомнению». Драматургам следовало, по мысли Храпченко, сосредоточиться на том «хорошем» в человеке, что «заставляет его творить большие дела». Обсуждению доклада Храпченко посвящен эпистолярный диалог А. Глебова и А. Толстого из двух писем, написанных 27 и 28 марта 1940 года (см.: Переписка А. Н. Толстого. Т. 2. С. 303–308).

не/популярная, это книга для изучающего историю. Но, изучая историю XVIII века, нельзя обойтись без этой книги.

Второй недостаток – это стиль ленинградских ученых: они пишут на языке условно научном. Когда я редактировал историю русской литературы и германской³⁵⁰, можно было с ума сойти, на каком языке они пишут. Книга Гуковского весьма уважаемая и почтенная³⁵¹.

А. Гольденвейзер предложил в качестве возможного кандидата Игоря Глебова (Б. В. Асафьева), закончившего исследование о М. И. Глинке (над этой монографией Асафьев будет работать вплоть до 1947 года, когда книга и будет опубликована (М.: Музгиз, 1947); за нее в 1948-м автор получит Сталинскую премию первой степени). Фадеев же отметил, что за сборник статей Гурвичу «еще рано давать премию»³⁵² (в защиту Гурвича как критика, пишущего об актуальном материале, выступил Ф. Эрмлер³⁵³), а книга Гуковского «скучна», ее характеризует «многообразие в смысле языка, любовь [автора] к иностранным словам, слишком много „измов“»³⁵⁴. На следующий день, 3 января 1941 года³⁵⁵, Фадеев сообщил собравшимся, что прочел «выдающуюся работу» Игоря Глебова, в которой «автор строго объективно проследил весь процесс становления Глинки», показав, что «он не итальянский, а русский композитор, в результате чего явился „Иван Сусанин“»³⁵⁶. Более того, «исследование Асафьева тоже (наряду с монографией Грабаря. – Д. Ц.) имеет большое значение, как исследование глубоко патриотическое»³⁵⁷. В этом, равно как и в ряде других приведенных выше случаев, предложение Фадеева непременно премировать книгу Глебова лишь отчасти обусловлено достоинствами текста. Очевидно, опытный аппаратчик Фадеев знал, что возобновление оперы Глинки (с названием «Иван Сусанин» и новым текстом С. М. Городецкого) в Большом театре в феврале 1939 года³⁵⁸ (музыкальным руководителем постановки был назначен С. А. Самосуд) инициировано на самом высоком уровне (на представлении присутствовали К. Е. Ворошилов, М. И. Калинин и М. М. Литвинов³⁵⁹); знал он и то, что неудовлетворенный режиссерской работой Б. А. Мордвинова Сталин лично внес правки в либретто, о чем вспоминал впоследствии трехкратный лауреат Сталинской премии оперный певец М. О. Рейзен:

³⁵⁰ В конце 1930-х годов А. Н. Толстой входил в состав редколлегии трех больших изданий: «История русской литературы» (ИРЛИ), «История западной литературы» (ИРЛИ) и «История советской литературы» (ИМЛИ). Подробнее о редакторской деятельности Толстого см.: Крюкова А. М. А. Н. Толстой – академик СССР // А. Н. Толстой. Материалы и исследования. М., 1985. С. 231–240. В выступлении речь идет о подготовке полутома «История немецкой литературы», редактором которой был В. М. Жирмунский: Толстой подготовил отзывы на раздел, написанный Жирмунским, и на несколько статей Б. Я. Геймана (отметив «академичность» и «сухость» работы о Клопштоке и Виланде). См. письма В. М. Жирмунского к Толстому: Переписка А. Н. Толстого. Т. 2. С. 316–320, 323–324.

³⁵¹ Стенограмма пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 2 января 1941 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 104–105.

³⁵² Там же. Л. 108. И далее: «В таком деле не надо торопиться. Написал человек за пять лет пять-шесть статей, и уже дать Сталинскую премию?!» (Там же. Л. 114).

³⁵³ Там же. Л. 110–111.

³⁵⁴ Там же. Л. 108.

³⁵⁵ На заседании присутствовали: В. И. Немирович-Данченко, Р. М. Глиэр, А. П. Довженко, Н. Н. Асеев, И. Г. Большаков, В. А. Веснин, А. М. Герасимов, А. Б. Гольденвейзер, И. Э. Грабарь, А. С. Гурвич, И. О. Дунаевский, А. Е. Корнейчук, Е. М. Кузнецов, Янка Купала, С. Д. Меркуров, С. М. Михоэлс, А. Г. Мордвинов, И. М. Москвин, В. И. Мухина, Н. Я. Мясковский, С. А. Самосуд, А. А. Фадеев, А. А. Хорава, М. Б. Храпченко, М. Э. Чиаурели, Ю. А. Шапорин, Ф. М. Эрмлер (см.: Протокол пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 29 декабря 1940 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 21).

³⁵⁶ Стенограмма пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 3 января 1941 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 130.

³⁵⁷ Там же. Л. 131.

³⁵⁸ См.: *Бачелис С.* Народный героический спектакль // Известия. 1939. № 43 (6813). 22 февраля. С. 3; *Дзержинский И.* Замечательный спектакль // Советское искусство. 1939. № 26 (606). 22 февраля. С. 2.

³⁵⁹ См.: Просмотр оперного спектакля «Иван Сусанин» // Советское искусство. 1939. № 26 (606). 22 февраля. С. 1.

По поводу решения эпилога с его знаменитым «Славься» – сидевший в ложе вместе с другими членами правительства Сталин спросил:
– Почему на сцене так темно? Нужно больше света, больше народу!
Эти слова были переданы Самосуду. Вскоре эпилог был переделан, что несомненно пошло на пользу спектаклю³⁶⁰.

Новый вариант «Ивана Сусанина», показанный на сцене 2 апреля 1939 года, стал классическим³⁶¹, прочно закрепившись в репертуаре Большого театра³⁶² (14 апреля 1941 года состоялось сотое представление «Ивана Сусанина»³⁶³). Поэтому Фадеев, чувствительный к малейшим переменам в идеологическом климате, не мог, зная о твердом намерении музыкальной секции выдвинуть А. М. Пазовского и С. А. Самосуда на премию в области оперного искусства³⁶⁴, проигнорировать еще не напечатанную работу Глебова, премирование которой, кроме всего прочего, свидетельствовало бы о внимании членов Комитета к пристрастиям вождя.

Итоговый список кандидатов на премию был прочитан В. Я. Виленкиным; попутно в него вносились поправки:

В. Я. ВИЛЕНКИН (читает):
Поэзия: Асеев – «Маяковский начинается»,
Тычина – «Чувство единой семьи» (sic!),
Янка Купала – «От сердца»,
Твардовский – «Страна Муравия»,
Самед Вургун – «Свободное вдохновение»,
Леонидзе – «Детство вождя»,
Бажан – «Бессмертье»,
Чиковани – Стихи,
Маркиш – «Великий перелом»,
Наири Зарьян – «Царицынская эпопея».

А. А. ФАДЕЕВ:
<...> я рекомендую снять Самед Вургуну, Чиковани и Бажана.

В. Я. ВИЛЕНКИН (читает):
Проза: Шолохов – «Тихий Дон»,
Сергеев-Ценский – «Севастопольская страда»,
Лео Киачели – «Гвади Бигва»,
Ванда Василевская – «Пламя на болотах»,
Катаев – «Белеет парус одинокий»,
Панферов – «Бруски»,

---

³⁶⁰ Рейзен М. О. Автобиографические записки. Статьи. Воспоминания. М., 1980. С. 171. Незадолго до этого негативный отзыв на постановку был напечатан в «Литературной газете»: Гринберг М. Иван Сусанин // Литературная газета. 1939. № 12 (791). 1 марта. С. 5.

³⁶¹ Ср. восторженные отклики в прессе: Городицкий В. Иван Сусанин. Новая редакция спектакля в ГАБТ // Правда. 1939. № 92 (7778). 4 апреля. С. 4.

³⁶² Подробнее об истории постановки оперы Глинки в 1939 году см.: Изотов Д. В. Идеология и музыкальный театр эпохи сталинизма // Вестник Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой. 2017. № 3. С. 67–73. О политическом значении нового варианта классического произведения см.: Волков С. М. Большой театр. Культура и политика. Новая история. М., 2018. С. 315–357.

³⁶³ См.: Сергеев О. Сотый спектакль «Ивана Сусанина» // Правда. 1939. № 104 (8512). 15 апреля. С. 6.

³⁶⁴ Кроме Пазовского и Самосуда, на премии по разделу оперного искусства были выдвинуты: В. В. Барсова (за роль Антонида в «Иване Сусанине»), М. Д. Михайлов (за роль Ивана Сусанина в «Иване Сусанине»), А. С. Пирогов (за роль Ивана Сусанина в «Иване Сусанине»), М. О. Рейзен (за роль Ивана Сусанина в «Иване Сусанине»). Пять из девяти премий (две премии первой степени и три премии второй степени) по разделу оперного искусства приходились на оперу «Иван Сусанин» (см.: Протокол пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 14 января 1941 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 17 об.–18).

Яновский – «Всадники».

Драматургия: Погодин – «Человек с ружьем»,

Самед Вургун – «Вагиф»,

Корнейчук – «Платон Кречет»,

Крапива – «Кто смеется последний»,

Галкин – «Бар Кохба»,

Сельвинский – «Рыцарь Иоанн»,

Светлов – «Сказка».

Критика: Игорь Глебов – «Глинка»,

Грабарь – «Репин»,

Гуковский – «Очерки по истории русской литературы XVIII века» (sic!),

Гурвич – «В поисках героя»,

Мышковская – «Толстой. Работа и стиль»,

Рафили – «Низами».

<...>

А. А. ФАДЕЕВ:

<...> Может быть, поставить Кирпотина – его работы о Пушкине и Лермонтове. Это солидная, самостоятельная работа. Будут говорить: замолчали солидного работника.

<...>

Вл. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО:

Вношу в список Кирпотина – «Пушкин и коммунизм» (sic!)³⁶⁵.

Баллотировка длилась два часа (с 13:00 до 15:00); в счетную комиссию вошли: И. Москвин, В. Веснин и Е. Кузнецов. Заключительное заседание Комитета планировалось провести 4 января 1941 года³⁶⁶ в 17:00 (фактически оно состоялось на час позже – в 18:00). Всего в баллотировке приняли участие 32 члена Комитета; голоса распределились следующим образом³⁶⁷.

---

³⁶⁵ Стенограмма пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 2 января 1941 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 163–166. В декабре 1956 года Кирпотин напишет, что именно Фадеев повлиял на исчезновение его книги из итоговых бюллетеней: «Когда Молотов в первом туре выдвинул на Сталинскую премию мою книгу „Наследие Пушкина и коммунизм“, Фадеев молчаливо сорвал выдвижение» (*Кирпотин В. Я.* Ровесник железного века. С. 660).

³⁶⁶ В материалах фонда не сохранилось данных о членах Комитета, присутствовавших на заключительном заседании. Но, по-видимому, список участников может быть восстановлен на основании документа, содержащего подписи участвовавших в голосовании экспертов: В. И. Немирович-Данченко, Р. М. Глиэр, А. П. Довженко, А. В. Александров, Г. Ф. Александров, Н. Н. Асеев, И. Г. Большаков, В. А. Веснин, А. М. Герасимов, А. Б. Гольденвейзер, И. Э. Грабарь, А. С. Гурвич, И. О. Дунаевский, А. Е. Корнейчук, Е. М. Кузнецов, Янка Купала, С. Д. Меркуров, С. М. Михоэлс, А. Г. Мордвинов, И. М. Москвин, В. И. Мухина, Н. Я. Мясковский, С. А. Самосуд, Р. Н. Симонов, И. Я. Судаков, А. Н. Толстой, А. А. Фадеев, А. А. Хорава, М. Б. Храпченко, М. Э. Чиаурели, Ю. А. Шапорин, Ф. М. Эрмлер (см.: Список членов Комитета по Сталинским премиям при СНК СССР в области литературы и искусства, опустивших бюллетень 4 января 1941 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 74–74 об.).

³⁶⁷ Протокол заседания счетной комиссии по баллотировке кандидатов на соискание Сталинских премий 1940 г. в области литературы и искусства, 4 января 1941 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 60–61.

По разделу литературы

а) проза

1.	Шолохов	«Тихий Дон»	31 голос (тридцать один)
2.	Сергеев-Ценский	«Севастопольская страда»	29 голосов (двадцать девять)
3.	Лео Киачели	«Гвади Бигва»	23 голоса (двадцать три)
4.	Василевская	«Пламя на болотах»	6 голосов (шесть)
5.	Катаев	«Белеет парус одинокий»	2 голоса (два)
6.	Панферов	«Бруски»	1 голос (один)
7.	Яновский	«Всадники»	0 голосов (ноль)

б) поэзия

1.	Тычина	«Чувство единой семьи»	28 голосов (двадцать восемь)
2.	Янка Купала	«От сердца»	24 голоса (двадцать четыре)
3.	Асеев	«Маяковский начинается»	22 голоса (двадцать два)
4.	Леонидзе	«Детство вождя»	10 голосов (десять)
5.	Маркиш	«Великий перелом»	5 голосов (пять)
6.	Твардовский	«Страна Муравия»	4 голоса (четыре)
7.	Наири Зарьян	«Царицынская эпопея»	1 голос (один)

в) драматургия

1.	Погодин	«Человек с ружьем»	24 голоса (двадцать четыре)
2.	Самед Вургун	«Вагиф»	21 голос (двадцать один)
3.	Корнейчук	«Платон Кречет»	19 голосов (девятнадцать)
4.	Светлов	«Сказка»	9 голосов (девять)
5.	Крапива	«Кто смеется последний»	6 голосов (шесть)
6.	Галкин	«Бар Кохба»	5 голосов (пять)
7.	Сельвинский	«Рыцарь Иоанн»	4 голоса (четыре)

г) литературная критика

1.	Игорь Грабарь	«Репин»	28 голосов (двадцать восемь)
2.	Игорь Глебов	«М.И. Глинка»	25 голосов (двадцать пять)
3.	Гурвич	«В поисках героя»	11 голосов (одиннадцать)
4.	Гуковский	«Очерки по истории русской литературы XVIII века»	8 голосов (восемь)
5.	Кирпотин	«Пушкин и коммунизм»	4 голоса (четыре)
6.	Мышковская	«Толстой. Работа и стиль»	1 голос (один)
7.	Рафили	«Низами»	0 голосов (ноль)

По разделу прозы было решено присудить 3 премии первой степени (М. Шолохову, С. Сергееву-Ценскому и Л. Киачели). По разделу поэзии также предлагалось присудить 3 премии первой степени (П. Тычине, Я. Купале и Н. Асееву). По разделу драматургии – 3 премии первой степени (Н. Погодину, С. Вургуну и А. Корнейчуку). По разделу литературной критики и искусствознания Комитет распределил лишь 2 из 3 премий первой степени (И. Грабарю и И. Глабову)³⁶⁸. К протоколу заседания прилагались подготовленные В. Виленкиным краткие характеристики всех рекомендованных кандидатов³⁶⁹.

12 января 1941 года в «Правде» был напечатан итоговый вариант постановления № 2600 «Об изменении порядка присуждения Сталинских премий по науке, изобретениям, литературе и искусству»³⁷⁰ от 20 декабря 1940 года. Эта неожиданно появившаяся после почти трехнедельной задержки публикация ввела Комитет в некоторое замешательство, в результате чего 13 января 1941 года было созвано экстренное пленарное заседание, на котором смогли присутствовать лишь 18 человек³⁷¹. На нем было решено сохранить порядок голосования, закрепленный в итогах предыдущего пленума, а обсуждение ограничилось рассмотрением добавочных кандидатур на учрежденные 50-тысячные премии. Вместе с тем Храпченко заметил, что

внесение премий второй степени меняет и принципиальный смысл. Тем самым подчеркивается, что могут быть работы разного уровня. И премия второй степени должна быть рассчитана (sic!) на молодых, талантливых людей. <...> Поэтому я считаю, что список кандидатов должен быть вновь пересмотрен и дополнен новыми кандидатами³⁷².

Вопрос по кандидатам от литературной секции решался на заключительном заседании 14 января 1941 года³⁷³ Храпченко, прочитав «Гвади Бигва» уже после голосования, пришел к выводу, что «на первую Сталинскую премию это не „тянет“, это среднего качества произведение»³⁷⁴. Его мнение разделил и Немирович-Данченко. Асеев же резонно заметил, что такое впечатление у читавших сложилось из-за посредственного перевода, добавив, что этот роман – «единственная [из выдвинутых текстов] вещь на современную тему в прозе»³⁷⁵. Несмотря на негативную характеристику, данную Храпченко роману Киачели, итоговый список произведений, номинируемых по разделу литературы, оставили в прежнем виде.

³⁶⁸ См.: Протокол заключительного пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 14 января 1941 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 13–14.

³⁶⁹ См.: Там же. Л. 32–35.

³⁷⁰ См.: В Совнарком СССР: Об изменении порядка присуждения Сталинских премий по науке, изобретениям, литературе и искусству, 20 декабря 1940 г. // Правда. 1941. № 12 (8429). 12 января. С. 1.

³⁷¹ На экстренном заседании Комитета присутствовали: В. И. Немирович-Данченко, А. В. Александров, Н. Н. Асеев, В. А. Веснин, А. М. Герасимов, А. Б. Гольденвейзер, И. Э. Грабарь, А. С. Гурвич, С. Д. Меркуров, С. М. Михоэлс, А. Г. Мордвинов, И. М. Москвин, В. И. Мухина, Н. Я. Мясковский, С. А. Самосуд, Р. Н. Симонов, И. Я. Судаков, А. А. Фадеев, М. Б. Храпченко, Ю. А. Шапорин (см.: Протокол экстренного пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 13 января 1941 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 21).

³⁷² Стенограмма пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 13 января 1941 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 184.

³⁷³ На заключительном заседании Комитета присутствовали: В. И. Немирович-Данченко, А. П. Довженко, А. В. Александров, Н. Н. Асеев, И. Г. Большаков, В. А. Веснин, А. М. Герасимов, А. Б. Гольденвейзер, И. Э. Грабарь, А. С. Гурвич, А. Е. Корнейчук, Янка Купала, С. Д. Меркуров, С. М. Михоэлс, А. Г. Мордвинов, И. М. Москвин, В. И. Мухина, Н. Я. Мясковский, С. А. Самосуд, Р. Н. Симонов, И. Я. Судаков, А. Н. Толстой, А. А. Фадеев, М. Б. Храпченко, Ю. А. Шапорин, Ф. М. Эрмлер (см.: Протокол заключительного пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 14 января 1941 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 3).

³⁷⁴ Стенограмма пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 14 января 1941 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 231.

³⁷⁵ Там же. Л. 232.

Протокол заключительного заседания Комитета вместе с другими документами был передан в Совнарком 15 января 1941 года. По распоряжению председателя туда же были направлены и рецензии на номинированные тексты³⁷⁶. 16 января 1941 года М. Храпченко послал Сталину и Молотову докладную записку о работе экспертов на бланке Комитета по делам искусств. В ней сообщалось, что комитетчики признали нецелесообразным проводить перебаллотировку в связи с двумя дополнительно проведенными пленарными заседаниями. Интересно, что, несмотря на недовольство художественным уровнем текста Киачели, Храпченко не внес соответствующую правку в проект постановления, оставив список кандидатов на премии по литературе неизменным³⁷⁷. В дальнейшем он будет охотно корректировать подготовленные в Комитете списки, внося свои рекомендации не только по степени присуждаемых премий, но даже по отсутствующим в списках кандидатурам.

Представленный в Политбюро список³⁷⁸ имел лишь одно отличие от подготовленного в Комитете по Сталинским премиям: из числа кандидатов был исключен Игорь Глебов, вероятно, по причине незавершенности книги о Глинке. Все учрежденные правительством премии были распределены между отобранными авторами, однако высшее партийное руководство имело свой взгляд на то, какой должна быть первая плеяда сталинских лауреатов. Более того, мы не располагаем никакими источниками, которые позволили бы судить о дальнейшей судьбе присланных в правительство документов. Доподлинно неизвестно, проходили ли в этот двухмесячный промежуток с середины января по середину марта 1941 года специальные заседания Политбюро, на которых обсуждались кандидатуры, или в итоговом постановлении мы имеем дело с проявлением сталинского индивидуализма. Вождь, судя по документам, советовался с кругом приближенных, но принимал окончательное решение, исходя из сугубо индивидуальных предпочтений.

Все это время в ЦК шла работа по подготовке нормативной базы к изменению институционального устройства премии: увеличение количества наград не могло осуществиться без внесения серьезных уточнений в работу комитетчиков и в порядок представления кандидатур. Принятое 15 марта 1941 года постановление Совнаркома № 558 «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы [за 1934–1940 гг.]»³⁷⁹ за подписью В. Молотова³⁸⁰ и Я. Чадаева имело примечание:

В частичное изменение Постановления Совнаркома Союза ССР от 20 декабря 1940 г. «Об изменении порядка присуждения Сталинских премий по науке, изобретениям, литературе и искусству» Совет Народных Комиссаров Союза ССР в настоящем Постановлении предусмотрел дополнительно Сталинские премии за выдающиеся работы в количестве:

<...>

в области **литературы**

по прозе – три премии второй степени,

по поэзии – пять премий второй степени,

³⁷⁶ В будущем практика квалифицированного рецензирования будет вытеснена, а вместо нее эксперты будут заниматься подготовкой аннотаций к рекомендованным и отвергнутым текстам (уже в 1950-е годы задачу подготовки аннотаций к выдвинутым текстам возьмут на себя другие ведомства, в том числе Комитет по делам искусств во главе с Кружковым).

³⁷⁷ Вероятно, это объясняется тем, что Храпченко к тому моменту не прочел текст Киачели целиком. В марте 1942 года он скажет: «Ему (Киачели. – Д. Ц.) присудили Сталинскую премию; потом я прочел и удивился: неужели за это можно давать Сталинскую премию?!» (Стенограмма пленарного заседания Комитета по Сталинским премиям, 2 марта 1943 г. // РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 82 об.).

³⁷⁸ См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 53а. Ед. хр. 4. Л. 134–135.

³⁷⁹ Документ опубликован в: Правда. 1941. № 74 (8482). 16 марта.

³⁸⁰ Это нетипичная ситуация, так как в дальнейшем всю документацию распорядительного характера будет подписывать лично Сталин.

по драматургии – три премии второй степени³⁸¹.

Вероятные адресаты этого примечания – вряд ли рядовые читатели «Правды», для которых информация о количестве присужденных Сталинских премий попросту была нерелевантной. Очевидно, что это разъяснение в первую очередь предназначалось для комитетчиков, чья уверенность в невозможности пересмотра ранее принятых решений была основательно поколеблена. Фактически число наград возросло почти вдвое. И если список обладателей премии первой степени хоть как-то соотносился с рекомендациями Комитета, то не все из лауреатов вторых премий даже обсуждались на пленарных заседаниях.

По разделу художественной прозы было шесть наград. Премии первой степени были присуждены М. Шолохову (за роман «Тихий Дон»), С. Сергееву-Ценскому (за роман «Севастопольская страда») и А. Толстому (за неоконченный роман «Петр Первый»³⁸²); премии второй степени получили Н. Вирта (за дебютный роман «Одиночество»³⁸³; опубл. в 1936 г.), Л. Киачели (за роман «Гвади Бигва») и А. Новиков-Прибой (за вторую часть романа «Цусима»; опубл. в 1935 г.).

По разделу поэзии насчитывалось восемь лауреатов. Премии первой степени были присуждены Н. Асееву (за поэму «Маяковский начинается»), Я. Купале (за сборник стихов «От сердца») и П. Тычине (за сборник «Чувство семьи единой»); премии второй степени получили Джамбул (с формулировкой «за общеизвестные поэтические произведения»), В. Лебедев-Кумач («за тексты к общеизвестным песням»), Г. Леонидзе (за поэму «Детство вождя»), С. Михалков («за стихи для детей») и А. Твардовский (за поэму «Страна Муравия»).

По разделу драматургии обладателями Сталинских премий стали шесть писателей. Награды первой степени были присуждены К. Треневу (за пьесу «Любовь Яровая» в редакции 1936 г.), А. Корнейчуку (за пьесы «Платон Кречет» и «Богдан Хмельницкий»³⁸⁴) и Н. Погодину (за пьесу «Человек с ружьем»); премии второй степени получили С. Вургун (за пьесу «Вагиф»), К. Крапива (за пьесу «Кто смеется последним») и В. Соловьев (за пьесу «Фельдмаршал Кутузов: Историческая хроника 1812 года»³⁸⁵).

Лауреатом первой степени *по разделу литературной критики и искусствоведения* стал И. Грабарь (за книгу «Репин»).

Первые чествования новоявленных обладателей Сталинской премии последовали сразу за публикацией постановления Совнаркома. Уже 19 марта 1941 года в Московском клубе писателей состоялось торжественное собрание «литературных работников». Из лауреатов на этом собрании присутствовали А. Толстой, С. Сергеев-Ценский, К. Тренев, Н. Погодин, Н. Вирта, С. Михалков, А. Твардовский и В. Соловьев. По патетике звучавших там речей можно судить о том значении, которое придавалось впервые присужденным премиям. Завершилось собрание

³⁸¹ Цит. по: Постановление СНК СССР «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы [за 1934–1940 гг.]», 15 марта 1941 г. // Правда. 1941. № 74 (8482). 16 марта. С. 2.

³⁸² По всей видимости, роман Толстого уже для современников выгодно выделялся на фоне остальных предложенных к рассмотрению текстов. Так, еще в середине февраля 1940 года В. Шишков писал Толстому: «... когда Петра Великого начнешь писать? Не томи читателей и нас. <...> „Петр“ – это твоя вершина и вершина советской литературы, и ежели конец эпопеи будет написан тобою с такой же силой, с таким же бесплодным мастерством словесным, как и первая книга, то это твое детище обессмертит имя творца его» (цит. по: Переписка А. Н. Толстого. Т. 2. С. 300). Кроме того, поддержку Толстому обеспечивал и В. Д. Бонч-Бруевич – директор Гослитмузея и некогда ближайший соратник Ленина. В письме от 21 марта 1941 года он писал: «Вы первый из современных русских литераторов, конечно, должны были бесспорно получить эту премию. <...> Мы совершенно уверены, что и в будущем еще не однажды Вы получите именно эту премию за свои высокоталантливые и глубокохудожественные настоящие произведения большой русской литературы» (цит. по: Там же. С. 322–323).

³⁸³ Уже после восстановления в Союзе писателей (в 1954 году был исключен вместе с Суровым, Галсановым и Коробовым), в 1957 году, Вирта основательно переработал роман.

³⁸⁴ Пьеса опубликована в 1939 году в издательстве «Искусство» (пер. с укр. Н. Ушакова), а в 1940 году переиздана.

³⁸⁵ Пьеса опубликована в журнале «Новый мир» (1939. № 10–11), а в 1940 году дважды переиздана в издательстве «Искусство».

утверждением коллективного приветствия Сталину и Молотову (именно его подпись стояла под постановлением):

Всеми своими достижениями, всем, что есть передового, сильного и прекрасного в душе художника слова – советская литература обязана прежде всего нашей великой коммунистической партии, нашему любимому, родному Иосифу Виссарионовичу Сталину, нашему правительству и нашему советскому народу. Вот почему сегодня, приветствуя лауреатов Сталинской премии, мы обращаем наши взоры и все чувства и мысли к партии, к Сталину. Мы говорим во весь голос, на весь мир: мы самые счастливые и свободные художники слова³⁸⁶.

Вручение премий подавалось как торжество сталинской политики, а сами награды как бы теряли персональную привязку к обладателям. Все риторически подчинялось идее абсолютной воли вождя, благодаря которой существуют не только писатели как обособленное творческое сообщество, но и вся «советская литература» и – шире – «советская культура». Таким образом нейтрализовывался контекст принадлежности лауреатов к партии: исчезало напряжение вокруг вопроса о премированных беспартийных писателях, потому как важным было не их членство в ВКП(б), а их готовность подчинить свое перо сталинской прихоти. Именно здесь берет исток десятилетний процесс изживания ленинского принципа «партийности» литературы, точка в котором будет поставлена редакционной статьей «Против опошления литературной критики», опубликованной в «Правде» 30 марта 1950 года. Ключевым тезисом этого текста будет утверждение «партийности» вне принадлежности писателя к партии³⁸⁷.

***

С точностью определить, по какой причине тот или иной текст оказался дополнительно включенным в итоговый список, не представляется возможным: никакой специальной документации на этот счет нам обнаружить не удалось. Нельзя сделать выводы и о том, кем были инициированы эти выдвижения, где мы сталкиваемся с ультимативной реализацией воли Сталина непосредственно, а где имело место обсуждение. Однако для некоторых «дополнительных» лауреатов мотивация премирования может быть установлена с высокой долей вероятности. Одним из них был 35-летний Николай Вирта, дебютировавший с романом «Одиночество»³⁸⁸, который неоднократно переиздавался солидными тиражами уже во второй половине 1930-х (всего за несколько лет роман выдержал 12 изданий). Ударом по творческой репутации Вирты стала едкая рецензия А. Макаренко «Закономерная неудача»³⁸⁹ на роман «Закономерность», опубликованная в «Знамени» (№ 2–4) в 1937 году. «Антихудожествен-

³⁸⁶ Праздник советской культуры: На московском собрании писателей // Литературная газета. 1941. № 12 (926). 23 марта. С. 1.

³⁸⁷ Добренко пишет по поводу появившейся в «Правде» статьи: «Партийность – это *modus operandi*, а не позиция или принципы, это способность и готовность к изменению по заданному извне импульсу. Чтобы быть партийной, позиция должна быть гибкой, поскольку партийная позиция – позиция политическая. Диалектика составляет самую суть партийности, если понимать под последней механизм функционирования „жизненной основы советского строя – его политики“. <...> Чтобы понять, почему Сталин решил оставить принцип партийности в политически удобном „подвешенном“ состоянии и не отказался от него в 1950 году, когда все для этого было, казалось, готово, от инвектив „Правды“ до написанной статьи руководителей Союза писателей, надо увидеть в партийности не *категорию*, но *принцип прямого политического действия*» (Добренко Е. А. Поздний сталинизм: Эстетика политики. Т. 1. С. 410–411).

³⁸⁸ На публикацию романа критика откликнулась доброжелательно, что видно уже по названиям рецензий; ср.: Кин В. П. Талантливая книга // Новый мир. 1936. № 7. С. 234–238; Арагон Л. Новый талант // Литературный Ленинград. 1936. № 51 (196). 5 ноября. С. 3. Вскоре Н. Вирту даже начали сравнивать с М. Шолоховым, говоря об их «художественном мастерстве» как о равнозначном, что не могло не задеть самолюбие сталинского любимца.

³⁸⁹ См.: Литературная газета. 1937. № 43 (679). 10 августа. С. 3.

ным» и «вредным» роман Вирты назвал и завистливый М. Шолохов, который не хотел уступать первенство в борьбе за внимание Сталина. 15 октября 1937 года в «Литературной газете» на первой же странице появилось резюме его беседы с Я. Эйдельманом³⁹⁰. Однако серьезная критика не стала препятствием к переизданию текста в «Роман-газете» почти 300-тысячным тиражом в 1938 году. На это издание последовал хвалебный отзыв Л. Ровинского в «Правде»³⁹¹, как бы реабилитировавший Вирту – «одного из талантливейших советских писателей». Критика Макаренко была аттестована как «рапповская» и, следовательно, несущественная, «вредная» по своей сути. Очевидно, Вирте покровительствовали на самом высоком партийном уровне: в конце января 1939 года писатель, наравне с «литературными генералами», был награжден орденом Ленина за «выдающиеся успехи и достижения в развитии советской художественной литературы»³⁹². Совсем бесследно полемика вокруг «Закономерности» не прошла: писателю хоть и присудили Сталинскую премию, но лишь второй степени. Более того, на роман «Одиночество» уже после премирования критика откликнулась весьма сдержанно: в небольшой комплиментарной по тону рецензии, опубликованной в «Литературной газете» в апреле 1941 года, Л. Юрьев заострил внимание на «некоторых дефектах композиции и языка»³⁹³. Но такая слабая реакция общественности и повальное отсутствие искомого внимания не помешали обладавшему скромными литературными способностями Вирте в будущем стать четырехкратным лауреатом. Все это хоть и косвенно, но весьма надежно свидетельствует о высокой оценке его литературной деятельности лично Сталиным³⁹⁴. В писательской среде еще до публикации мартовского постановления Совнаркома утвердилось мнение о симпатии вождя к молодому «самодовольному» автору. А. Первенцев 11 февраля 1940 года отметил в дневнике:

Вирта хорошо вошел в литературу, неплохим романом «Одиночество», в свое время похваленным Тухачевским и позже Сталиным. Похвала Сталина его испортила. <...> После «Одиночества» Вирта написал еще несколько плохих вещей: «Закономерность», пьесы «Клевета», «Заговор» и т. п. Вирта быстро жнет пшеницу, и тут возможны потери. Но поле большое, потерь не жалко, закрома надо набить до непогоды³⁹⁵.

С самыми разнообразными проявлениями этой «порчи» мы столкнемся еще не раз.

Присуждение Новикову-Прибою второй премии³⁹⁶, судя по всему, не было инициировано Сталиным, а явилось итогом коллективного обсуждения в Политбюро. В январе 1939 года писатель был награжден лишь орденом Трудового Красного Знамени, что вполне конкретно указывало на отношение партийного руководства к прозаику: его литературные достижения и «мастерство» не отрицались, но для задач «культурного строительства» они оказывались недо-

³⁹⁰ См.: Эйдельман Я. Оправдать доверие многомиллионных масс: Беседа с Михаилом Шолоховым // Литературная газета. 1937. № 56 (692). 15 октября. С. 1.

³⁹¹ См.: Ровинский Л. Закономерность: О романе Николая Вирты // Правда. 1938. № 321 (7646). 21 ноября. С. 3.

³⁹² См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР «О награждении советских писателей», 31 января 1939 г. // Известия. 1939. № 25 (6795). 1 февраля. С. 2.

³⁹³ См.: Юрьев Л. «Одиночество» Н. Вирты // Литературная газета. 1941. № 14 (928). 6 апреля. С. 4. В том же выпуске напечатана рецензия В. Млечина на «Фельдмаршала Кутузова» В. Соловьева.

³⁹⁴ Несмотря на это, партийный контроль над писателем не был слабее, чем над другими «литературными работниками». Так, 10 ноября 1942 года Храпченко будет писать Щербакову с просьбой ознакомиться с пьесой Вирты о Ленине «Его молодые годы» (текст не был опубликован); Щербаков и Андреев оставят резолюцию о недопустимости ее публикации и направят Александрову для окончательного принятия решения по пьесе. Однако сохранились и «полуапокрифические» свидетельства о том, что в 1943 году, когда в высшем партийном руководстве созреет идея напечатать Библию, именно Вирте поручат ответственную задачу «цензора» (подробнее об этом см.: Ваксберг А. И. Царица доказательств: Вышинский и его жертвы. М., 1992. С. 257–258).

³⁹⁵ Первенцев А. А. Дневники: 1937–1940. М., 2009. С. 244.

³⁹⁶ Примечательно, что автором газетного очерка о Новикове-Прибое был Вирта (см.: Вирта Н. Наш Алексей Силыч // Литературная газета. 1941. № 12 (926). 23 марта. С. 2).

статочными. Взамен первой премии «старейшего писателя» еще при его жизни «отблагодарят» многотысячными тиражами и титулом «классика советской литературы».

Присуждение первых премий по разделу поэзии полностью учитывало рекомендации Комитета, но премиями второй степени были награждены и те поэты, чьи тексты вовсе не обсуждались на пленумах. Внимание привлекают две формулировки из постановления³⁹⁷, в которых, вопреки изначальному принципу премирования за конкретные произведения, не были указаны названия текстов, что оправдывалось ссылкой на их «общеизвестность». Речь идет о премиях Джамбулу Джабаеву за «общеизвестные поэтические произведения» и В. Лебедеву-Кумачу за «тексты к общеизвестным песням». В этом мнимом отходе от «гегемонии» текста на самом деле с еще большей силой выразилась тенденция к деперсонализации соцреалистической литературы. Отсутствие точного указания на «выдающиеся» образцы еще больше отрывало совокупность произведенной литературной продукции от фигуры ее непосредственного создателя. Стихи Джамбула и песни Лебедева-Кумача, таким образом, существовали в сознании реципиента не как самодостаточные и по-своему завершённые *авторские* творения, а как нечто укорененное и индивидуально преломленное в его личном опыте, в его сознании. Тексты попросту теряли автономность, из законченных и некогда обладавших определенными исходными параметрами они превращались в слабо вычленимые фрагменты читательских впечатлений. Сам автор становился таким же читателем собственного произведения, которое принадлежало ему в той же мере, как любому другому читателю³⁹⁸. Интерес к двум этим авторам вызван еще и тем, что их выдвижение и, как следствие, присвоение сопутствующих формулировок происходило непосредственно в Политбюро при личном участии Сталина.

Джамбул стал «советским классиком» еще во второй половине 1930-х годов, почти сразу после публикации в центральной периодике некоторых записанных за «певцом» песен в переводе П. Н. Кузнецова³⁹⁹, долгое время выдававшего собственные тексты за переложения некогда не существовавшего акына Маимбета. Устное творчество Джамбула (или то, что за него выдавалось), до 1936 года якобы скрывавшееся «буржуазными националистами» и намеренно «прятавшееся в архивах», все же дошло до советского читателя, но лишь в виде многочисленных переводов при отсутствии аутентичных записей его импровизаций⁴⁰⁰; о самом же акыне почти ничего не было известно⁴⁰¹. Е. Добренко, рассуждая о фиктивности имеющихся биографических сведений, проницательно замечает:

Биографию поэта можно сфальсифицировать, а творчество идеологически переформатировать, но сама материя, продукция его неотменима, поскольку зафиксирована и (часто) опубликована. Иное дело акын – его биография и творчество могут быть придуманы от начала до конца. Что и было сделано с Джамбулом⁴⁰².

³⁹⁷ Несмотря на то что в случае с награждением С. Михалкова тоже отсутствовала конкретная формулировка (ср.: «за стихи для детей»), она все же была ограничена указанием на локальную аудиторию отмеченных премией текстов. Кроме того, в документе не содержалось утверждение об их повсеместной известности.

³⁹⁸ Ср. фразу, приведенную в газетном очерке о Джамбуле М. Зенкевича: «Сам Джамбул очень хорошо сказал о себе: Джамбул – это имя простое мое. Народ – настоящее имя мое» (*Зенкевич М.* Джамбул Джабаев // *Литературная газета*. 1941. № 12 (926). 23 марта. С. 2).

³⁹⁹ Подробнее см.: *Самарин Ф.* Павел Кузнецов – переводчик Джамбула // *Простор*. 1979. № 11. С. 108–111.

⁴⁰⁰ В конце 1930-х – начале 1940-х годов была предпринята попытка выпустить полное собрание сочинений Джамбула, но она так и осталась неосуществленной. Однако именно тогда впервые возник вопрос о переводческих искажениях и «привнесенной отсебятине», взволновавший общественность.

⁴⁰¹ Особенно скудными кажутся биографические подробности жизни Джамбула в связи с его почти образцовой «историей успеха»: в конце мая 1936 года во время посещения Москвы акын был награжден орденом Трудового Красного Знамени, в 1938-м – орденом Ленина, а в 1939-м – орденом «Знак Почета».

⁴⁰² *Добренко Е. А.* Джамбул: Идеологические арабески // *Джамбул Джабаев: Приключения казахского акына в советской стране: Статьи и материалы*. М., 2013. С. 24.

О репутации Джамбула, помимо размаха юбилейных торжеств 1938 года⁴⁰³, много говорит уже тот факт, что в «Литературной газете» в июне 1940 года было провозглашено требование привлечь к «переводам» песен и стихов акына Антокольского, Пастернака, Державина, Луговского, Тихонова, Спасского, Рождественского и даже Ахматову⁴⁰⁴. По сути, этот призыв был еще одной действенной стратегией вовлечения наиболее талантливых поэтов в старательно организованное литературное производство: проект «многонациональной советской литературы» как партийное детище в 1930-е служил цели объединения писательского сообщества. В 1940-е уже Сталинская премия выступила в качестве институции, к ведению которой относилось регулирование качественного наполнения соцреалистического канона. Посредством присуждения наград решался вопрос не только о доле национального компонента в культуре сталинизма, но даже о конкретных республиканских авторах и их текстах, включавшихся в единую сферу «советской литературы». Панегирические сочинения казахского акына находились у основания поэтической сталинианы как «сверхтекста» с входившим в него дестабилизированным кругом «канонических» литературных образцов. С большой долей уверенности можно предположить, что идея премирования Джамбула если и не принадлежала одному Сталину, то явно была инспирирована в кругу членов Политбюро не без его деятельного участия. По-видимому, «самого лучшего из людей» (Джамбул) привлекало не только бесконечно ценное им раболепное пресмыкательство перед его «величием», но и псевдонародный пафос песен акына, выразившийся не столько в «фольклорной» ориентации текстов, сколько в их бытовой укорененности.

Если Джамбул со своими восточными гимнами «отцу народов» стоял у истоков оформления сталинского вождистского культа, то Лебедев-Кумач, воспринимавшийся едва ли не зачинателем жанра «советской массовой песни», собственноручно создавал мифологию советской «социалистической действительности». Имея весьма неоднозначную репутацию, Лебедев-Кумач, безусловно обладавший персональным взглядом на поэзию⁴⁰⁵ и пострадавший из-за этого в 1930-е (в 1934 году поэта уволили из журнала «Крокодил» за «мистические настроения», шедшие вразрез с антирелигиозным пафосом его поэзии), тем не менее твердо осознавал, какие тексты ему следовало создавать. Именно он, пройдя в конце 1920-х – начале 1930-х школу агитпоэзии, выступал в роли посредника между политическим и эстетическим⁴⁰⁶: один из основоположников Союза советских писателей, депутат Верховного Совета, преданный партиец, Лебедев-Кумач был автором культовых песен 1930-х годов. Именно эти песни звучали в горячо любимых Сталиным кинокомедиях Г. В. Александрова «Веселые ребята» (1934; песня «Марш веселых ребят»), «Цирк» (1936; песня «Широка страна моя родная...»), «Волга-Волга» (1938; «Песня о Волге»), обнаруживая синтетический потенциал соцреалистической культуры. Другим мотивом премирования, по-видимому, была лояльная политическая позиция поэта, который в эпоху Большого террора требовал «высшей меры» для всех неугодных. Поэт еще послужит сталинскому режиму в годы войны⁴⁰⁷, а во второй половине 1940-х и вплоть до смерти в феврале 1949 года фактически будет предан забвению. Сравнительно скромными тиражами будут издаваться его стихи для детей, а сборники (преимущественно до 100 стра-

⁴⁰³ См.: Там же. С. 28–30.

⁴⁰⁴ См.: М. П. Переводы Джамбула // Литературная газета. 1940. № 32 (883). 10 июня. С. 1.

⁴⁰⁵ Достаточно вспомнить его дореволюционные поэтические опыты, проникнутые специфической религиозностью и мистицизмом в духе символистских поэтических текстов М. Шагинян или прозаических «переложений» соловьевской философии в романах и повестях О. Форш.

⁴⁰⁶ Лебедев-Кумач занимался буквальным переложением сталинских формул. Так, произнесенная на совещании стахановцев в ноябре 1935 года фраза «Жить стало лучше, жить стало веселее» оказалась стимулом к созданию одноименной песни. Кроме того, в 1938–1939 годах поэт написал слова к «Гимну партии большевиков», получившему такое название по прихоти Сталина (по этой же причине песня известна в нескольких вариантах аранжировки).

⁴⁰⁷ О подробностях создания Лебедевым-Кумачом текста песни «Священная война» см.: Левашев Е. М. Судьба песни // Архив наследия – 2000. Научный сборник. М., 2001. С. 298–332.

ниц) «взрослых» стихов и песен выйдут всего шесть раз – в 1945-м (один сборник), 1947-м (три сборника и одна брошюра) и 1948-м (один сборник). Том избранных произведений Лебедева-Кумача в серии «Библиотека избранных произведений советской литературы 1917–1947» выйдет уже посмертно.

Количество премий по разделу драматургии было увеличено за счет включения в лауреатский список обсуждавшихся в Комитете Тренева, Соловьева и Крапивы. Примечательно, что из включенных авторов проголосован экспертами был лишь Крапива, тогда как ни кандидатура Соловьева, ни кандидатура Тренева на баллотировку вынесены не были. Однако такое решение партии, как кажется, вполне объяснимо. Беспартийный Тренев, первым создавший драматический образ Ленина в пьесе «На берегу Невы» (1937), равно как и Н. Погодин, в пьесе о «перековке» заключенных «Аристократы» (1934) оправдавший ужасы сталинских лагерей, стоял у истоков собственно советской драматургии. Кроме того, Тренев буквально воплощал собой формулу «писатель – учитель жизни», о чем весной 1945 года в очерке-некрологе напишет Фадеев. Там же будет содержаться и еще одна ключевая для этого сюжета мысль: «Константин Андреевич, – отмечалось в некрологе, – оказал огромное влияние на наш советский театр, потому что в значительной мере благодаря ему совершился поворот наших театров к советской теме»⁴⁰⁸. Присуждение премий В. Соловьеву и К. Крапиве, по-видимому, обусловлено выгодностью тематики их пьес: если пьеса об Отечественной войне 1812 года накануне очередной катастрофы оказалась одним из стимулов патриотического сплочения, то пьеса о «перегибах» некомпетентного начальства в геологическом институте Минска становилась поводом к общественному оправданию участвовавших кадровых «чисток».

***

С. Михалков, получивший в 1941 году Сталинскую премию второй степени, писал в мемуарном очерке «Я был советским писателем»:

22 мая 1941 года в Кремле состоялся правительственный прием по случаю первого присуждения Сталинских премий.

По окончании приема ко мне подошел человек в штатском и предложил последовать за ним. Мы прошли через Георгиевский зал и очутились в небольшой гостиной. Здесь уже находились писатели А. Корнейчук, Н. Вирта, кинорежиссер Г. Александров с Любовью Орловой. Помнится, был еще С. Герасимов с Тамарой Макаровой.

Нас принимал Сталин.

Сталин: Давайте посмотрим с вами один фильм! Он называется «Если завтра война». Располагайтесь, товарищи!

Мы разместились в креслах. Погас свет. Зажегся киноэкран. После просмотра довольно посредственного фильма в гостиной появился А. Жданов. Между присутствующими завязалась беседа.

Вирта: Товарищ Сталин! А как вы думаете, будет война?

Сталин (сухо): Вы, товарищ Вирта, занимайтесь своим делом, а мы будем заниматься своим⁴⁰⁹.

До начала войны оставался месяц...

---

⁴⁰⁸ Фадеев А. Друг // Литературная газета. 1945. № 22 (1133). 22 мая. С. 2.

⁴⁰⁹ Цит. по: Михалков С. В., Михалков М. В. Два брата – две судьбы: [Мемуары]. М., 2006. С. 23.

Глава третья. 1941–1945

Фабрикация литературного оружия, или Война, застывшая в слове

Перехлестнувшая через границы Советского государства летом 1941 года война обусловила специфику повседневных практик и, как следствие, кардинально изменила не только социальную реальность, но и сам характер литературного производства, прямо повлияла на складывание «новых литературно-бытовых условий» (Б. М. Эйхенбаум). Буквально с первых июльских дней 1941 года началось грандиозное переустройство абсолютно всех механизмов жизни советского общества: всякая деятельность (в том числе творческая) должна была соотноситься с главной целью – «ликвидировать опасность, нависшую над нашей Родиной» (И. В. Сталин). 3 июля Сталин, впервые с начала «Отечественной освободительной войны против фашистских поработителей» выступивший публично, в радиообращении к «братьям и сестрам» в свойственной ему манере сформулировал основные задачи, стоящие перед каждым «советским человеком»:

Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, все подчинив интересам фронта и задачам организации разгрома врага. <...>

Красная Армия, Красный Флот и все граждане Советского Союза должны отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу.

Мы должны организовать всестороннюю помощь Красной Армии, обеспечить усиленное пополнение ее рядов, обеспечить ее снабжение всем необходимым <...>⁴¹⁰.

Писательская работа не стала исключением⁴¹¹. Между тем произошедший в литературном производстве перелом ощутимо обозначился еще до официального сталинского призыва, прозвучавшего с серьезной задержкой⁴¹². 23 июня «Правда» (№ 172 (8580)), помимо текста радиовыступления Молотова, многочисленных указов Президиума Верховного Совета СССР и информации о прошедших по всей стране митингах, напечатала и несколько стихотворных текстов: «Присягаем победой» Алексея Суркова и «Победа будет за нами» Николая Асе-

⁴¹⁰ Выступление по радио Председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина, 3 июля 1941 г. // Правда. 1941. № 182 (8590). 3 июля. С. 1. Речь Сталина неоднократно републиковалась; см., например, в кн.: *Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза*. М., 1950. С. 24–25.

⁴¹¹ Подробнее об организации «литературного быта» и характере литературного процесса военного времени см.: *Синявский А. Д. Литература периода Великой Отечественной войны // История русской советской литературы: В 3 т. М., 1961. Т. 3. С. 5–53; Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны: В 2 кн. М., 1966 (Литературное наследство. Т. 78); Коган А. Г., Цейтлин М. А. Советские писатели во фронтовой печати (1941–1945) // История русской советской литературы. М., 1968. Т. 3. С. 472–498; Баранов В. И. Писатели и война // Война и общество, 1941–1945: В 2 кн. М., 2004. Кн. 2. С. 129–161; «Идет война народная...»: Литература Великой Отечественной войны (1941–1945). М., 2005; XX век. Писатель и война: Архивные материалы Отдела рукописей ИМЛИ РАН. М., 2010; «Мы предчувствовали полыханье...»: Союз советских писателей СССР в годы Великой Отечественной войны. Документы и комментарии. Июнь 1941 – сентябрь 1945 г. М., 2015. Т. 2 в 2 кн.; Голоса писателей военной поры: Материалы из собрания Государственного литературного музея. М., 2020. См. также: *Храмкова Е. Л. Литература периода Великой Отечественной войны в современной историографии // Гуманитарий: Актуальные проблемы гуманитарной науки и образования*. 2011. № 2. С. 16–26.*

⁴¹² 22 июня 1941 года в 12:15 по радио с обращением к гражданам Советского Союза выступил В. М. Молотов. Растерянность недавно подписавшего пакт о ненападении чиновника сказалась не только на подаче текста, но и на его содержании. По обыкновению обвинение было адресовано «клике кровожадных фашистских правителей Германии»; советское руководство стремилось убедить слушателей в том, что «германский народ, германские рабочие, крестьяне и интеллигенция» не разделяют гитлеровскую установку на войну с СССР.

ева. На следующий день в «Правде» (№ 173 (8581)) появились стихотворения Павла Тычины («Мы идем на бой!»), Самуила Маршака («В поход!»), Якуба Коласа («Бешеного пса – на цепь!») и статья Петра Павленко «Великие дни», а «Известия» (№ 147 (7523)) опубликовали «Священную войну» Василия Лебедева-Кумача. 25 июня «Правда» (№ 174 (8582)) напечатала «Песню смелых» Алексея Суркова, «Слово гниву» Максима Рыльского, очерк «Дни войны» Льва Кассиля и небольшое стихотворение Зинаиды Александровой «Боевые подруги». Вскоре корпус писательских материалов на газетных страницах по объему стал приближаться к публикациям новостного плана⁴¹³: периодика наполнилась текстами Маргариты Алигер, Павла Антокольского, Семена Бабаевского, Демьяна Бедного, Ванды Василевской, Всеволода Вишневского, Бориса Горбатова, Василия Гроссмана, Виктора Гусева, Виталия Закруткина, Михаила Исаковского, Семена Кирсанова, Александра Корнейчука, Леонида Леонова, Евгения Петрова, Бориса Полевого, Михаила Светлова, Константина Симонова, Леонида Соболева, Алексея Суркова, Александра Твардовского, Николая Тихонова, Алексея Толстого, Константина Тренева, Александра Фадеева, Константина Федина, Михаила Шолохова и особенно Ильи Эренбурга. Очевидно, что статус произведения, опубликованного на страницах центральных партийных и военных газет, менялся: литературный текст приобретал не только пропагандистский, но и установочный характер⁴¹⁴. По-иному стали функционировать институты сталинской культуры: о существенном перераспределении символической и материальной составляющих (в пользу второй) высшей советской награды свидетельствует срочная телеграмма М. А. Шолохова наркому обороны, председателю Ставки Главного командования С. К. Тимошенко от 23 июня, в которой лауреат Сталинской премии писал:

Дорогой товарищ Тимошенко! Прошу зачислить в фонд обороны СССР присужденную мне Сталинскую премию первой степени. По Вашему зову в любой момент готов стать в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии и до последней капли крови защищать социалистическую Родину и великое дело Ленина – Сталина.

Полковой комиссар запаса РККА писатель
*Михаил Шолохов*⁴¹⁵.

Позднее примеру Шолохова последовали и другие сталинские лауреаты: в Фонд обороны, образованный для сбора средств на нужды фронта, свои 50-тысячные премии второй степени внесли лауреаты 1940 года в области поэзии В. Лебедев-Кумач и А. Твардовский⁴¹⁶, гонорар за сборник «„Блицкриг“ или „блицкрах“» (М.: ГИХЛ, 1941) и облигации различных наймов на сумму 22 000 рублей внес А. Толстой; в Фонд обороны также поступили⁴¹⁷: средства, вырученные за очерк «Жизнь капитана Гастелло» В. Гроссмана; весь гонорар за книгу стихов П. Маркиша «Поступь народа» (М.: ГИХЛ, 1941); месячный литературный заработок В. Катаева; гонорар за брошюру «Атаманы фашистских разбойников» Ф. Гладкова; гонорар за книгу

⁴¹³ Полный подневный перечень произведений художественной литературы (прозаических, поэтических, драматических), опубликованных в центральной периодической печати в 1941–1945 годах, из фондов ГБЛ (ныне – РГБ), см. в: Советские писатели в Великой Отечественной войне: Библиографическая хроника // Новый мир. 1958. № 2. С. 129–196.

⁴¹⁴ См.: Добренко Е. А. Литературная критика и институты литературы эпохи войны и позднего сталинизма: 1941–1953 // История русской литературной критики. С. 369. Подробнее о направлениях мутации литературного текста и языка печатной поэзии в военный период см.: Чудакова М. О. «Военное» стихотворение Симонова «Жди меня...» (июль 1941 г.) в литературном процессе советского времени // Новое литературное обозрение. 2002. № 6 (58). С. 223–259. Эту перемену отмечали и наиболее чуткие современники тех событий. Так, Вс. Иванов 7 мая 1943 г. писал в дневнике: «Печатается [в периодике] роман М. Шолохова – „Они сражались за Родину“. Веселый разговор, – с войной не соприкасающийся. Заглавие – по Хемингуэю, стиль – по Л. Толстому, содержание – липа из передовой» (Иванов Вс. Вяч. Дневники. С. 309).

⁴¹⁵ [Шолохов М. А.] До последней капли крови // Большевицкий Дон. 1941. № 77. 26 июня. С. 2.

⁴¹⁶ См.: Ситицын А. М. Всенародная помощь фронту: О патриотических движениях советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1985. С. 136.

⁴¹⁷ См.: Советские писатели – в фонд обороны, [редакционная] // Литературная газета. 1941. № 30 (944). 30 июля. С. 1.

«Герой гражданской войны М. В. Фрунзе» (М.: ГИХЛ, 1941) А. Фадеева; гонорар за все стихи В. Гусева, напечатанные в «Правде» с 22 июня 1941 года, и облигации на 1000 рублей; гонорар за напечатанные в «Красной звезде» стихи «Сталин ведет полки» и «Партизан Дед» С. Кирсанова и 700 рублей облигациями; 25 000 рублей от Ф. Панферова⁴¹⁸; 10 000 облигациями и 2500 наличными деньгами от В. Ставского; 5000 рублей от К. Чуковского; 4000 рублей от В. Кирпотина; по 1000 рублей от П. Антокольского, А. Афиногенова, С. Городецкого и И. Эренбурга. Кроме того, в июле, августе и сентябре 1941 года в Фонд обороны направили свои накопления В. Ставский – 25 000 рублей⁴¹⁹ и Самед Вургун – 20 000 рублей⁴²⁰; а в марте 1943 года деньги за присужденные Сталинские премии полностью или частично передали: М. Алигер⁴²¹, В. Василевская и А. Корнейчук⁴²², Л. Соболев и Е. Габрилович⁴²³, Л. Леонов⁴²⁴, М. Рыльский⁴²⁵, А. Серафимович⁴²⁶, А. Толстой⁴²⁷ и другие. Многие писатели, пожертвовавшие все свои средства в пользу армии, буквально окажутся на грани нищеты и голода⁴²⁸. Стоит отметить, что каждая такая адресованная Сталину телеграмма с известием о пожертвовании средств с 1 августа 1941 года публиковалась на страницах центральных газет в сводках Совинформбюро с прилагавшимся ответом адресата.

В редакционной статье «Место литератора в отечественной войне» от 20 августа 1941 года «Литературная газета» писала о возрастающей роли «оборонных» и «антифашистских» текстов, все шире тиражировавшихся издательствами; но говорилось в статье и об осязаемой нехватке произведений, где тема войны приобретала бы особое эстетическое измерение, иное «художественное качество»:

...масштабы этой пропагандистской работы должны быть значительно расширены, и в нее должно включаться как можно больше писателей. Пройдет некоторое время, и народ захочет прочесть в глубоко правдивых художественных произведениях летопись наших дней, отражение героизма народа и партии (за отступление от сформулированной здесь установки критике будет подвергнута первая редакция фадеевского романа «Молодая гвардия», автор которой якобы проигнорировал «руководящую» роль партии в организации сопротивления вражеской армии; об этом – далее. – Д. Ц.). Писатели создадут такие произведения, ибо сама жизнь дает им теперь для этого обильнейший материал. Но время для крупных книг еще не пришло, сейчас перед литераторами стоит задача **непосредственной** помощи армии и тылу в их борьбе. И здесь от литераторов требуется большая мобильность, умение много и быстро работать, умение проявить себя в любом жанре. Писатель должен готовить себя к разнообразнейшей

⁴¹⁸ Очевидно, что Панферов так пытался «задобрить» партийное начальство, разгневанное его августовским 1941 года письмом. Первенцев в дневниковой записи от 15 августа отметил: «У Панферова постаревшее лицо, морщины, красные веки. Его исключили из партии за то, что, будучи болен, он написал Сталину письмо, в котором сомневался в целесообразности его послышки на фронт военным корреспондентом» (Первенцев А. А. Дневники: 1941–1945. М., 2011. С. 45).

⁴¹⁹ См.: *Синицын А. М.* Всенародная помощь фронту. С. 159.

⁴²⁰ См.: В Фонд обороны, [редакционная] // Литературная газета. 1941. № 32 (946). 13 августа. С. 1.

⁴²¹ См.: Правда. 1943. № 84 (9220). 29 марта. С. 2.

⁴²² См.: Правда. 1943. № 82 (9218). 27 марта. С. 1.

⁴²³ См.: Правда. 1943. № 80 (9216). 25 марта. С. 1, 2.

⁴²⁴ См.: Известия. 1943. № 76 (8069). 1 апреля. С. 2.

⁴²⁵ См.: Правда. 1943. № 88 (9224). 3 апреля. С. 3.

⁴²⁶ См.: Там же. С. 1.

⁴²⁷ См.: Известия. 1943. № 74 (8067). 30 марта. С. 2.

⁴²⁸ О писательском быте в период войны см. в кн.: *Антипина В. А.* Повседневная жизнь советских писателей. С. 221–268.

литературной работе – написать статью, брошюру, листовку, стихотворный плакат, радиовыступление, эстрадный скетч и т. д.

<...> Каждый вид труда важен. Все служит защите родины⁴²⁹.

Как «форма их (писателей. – Д. Ц.) участия в борьбе за родину» рассматривалась и работа прозаиков, поэтов, драматургов и публицистов на радио, потому как именно оно являлось «едва ли не сильнейшим из всех существующих средств пропаганды», показывало, «как организован наш тыл, как готовы советские люди продолжать героическую борьбу с фашизмом»⁴³⁰. «Передовиками» в этом направлении были Афиногенов, Гус, Гусев, Ермилов, Жаров, Заславский, Кассиль, Катаев, Лебедев-Кумач, Маршак, Чуковский, Эренбург, Эрлих и другие. Не меньше внимания уделялось взаимодействию литературы и кинематографии (в работе над сценариями принимали участие Антоновская, Большинцов, Герман, Исаев, Каплер, Леонов, Мстиславский, Помещиков, Прут, Толстой, Федин, Шкловский и другие)⁴³¹. Привлекались литераторы (Адуев, Бедный, Кирсанов, Лебедев-Кумач, Маршак и другие) и для участия в создании «Окон ТАСС»⁴³². Многократно возросшее социальное значение фигуры писателя⁴³³ определялось идеологическим потенциалом текста, который рассматривался как средство прямого влияния на сознание массового читателя: литературные произведения читались их авторами в воинских частях, госпиталях, университетах, колхозах и совхозах, встречи с писателями проходили в ЦПКиО им. Горького; активно собирался и издавался «советский фольклор» (в подготовке таких сборников участвовали П. Богатырев, И. Розанов)⁴³⁴. В условиях непрекращающегося наступления немецких войск на приоритетном для них московском направлении внимание советского руководства к литературному производству, казалось бы, закономерным образом должно было заметно ослабнуть, но этого смягчения культурной политики не произошло. Пропагандистский вектор партийной политики еще по инерции конца 1930-х продолжал превалировать, но вскоре пришедшее осознание долгосрочности предстоящей войны⁴³⁵ заставит советское руководство переопределить приоритетные зоны контроля. Однако в отчете о партийном собрании Союза писателей СССР, напечатанном 17 сентября 1941 года в «Литературной газете», говорилось:

С первых же дней войны Гослитиздат перешел на выпуск военно-художественных брошюр, общий тираж которых на сегодняшний день достиг почти трех миллионов.

⁴²⁹ Место литератора в отечественной войне, [редакционная] // Литературная газета. 1941. № 33 (947). 20 августа. С. 1. Все типографские выделения в тексте авторские.

⁴³⁰ Писатель и радио, [редакционная] // Литературная газета. 1941. № 36 (950). 10 сентября. С. 1. О политическом контроле за радиовещанием в период сталинизма см., например: *Goryaeva T. M. Informationen, Glaube, Hoffnung – Der sowjetische Rundfunk in den Kriegsjahren // Russen und Deutsche im Ersten und Zweiten Weltkrieg. Bd. 1. München, 2005. S. 507–529*; «Великая книга дня...»: Радио в СССР: Документы и материалы. М., 2007. См. также: *Gext С. Литературный радиожурнал // Литературная газета. 1941. № 37 (951). 17 сентября. С. 3.*

⁴³¹ См.: Писатель и кино в дни войны, [редакционная] // Литературная газета. 1941. № 37 (951). 17 сентября. С. 1.

⁴³² См. записку Я. С. Хавинсона А. А. Фадееву о направлении писателей (Бедного, Гусева, Кирсанова, Маршака, Симонова, Суркова, Твардовского и Щипачева) на постоянную работу в «Окнах ТАСС» от 20 февраля 1942 г. (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 575. Л. 4); опубликована в кн.: «Мы предчувствовали польханье...»: Союз советских писателей СССР. Кн. 1. С. 329–330.

⁴³³ В этом отношении примечательна реплика А. Фадеева, произнесенная им на расширенном заседании президиума Союза писателей СССР в конце января 1942 года: «Нужно сказать, что слово писателя-публициста, как основное средство художника, обладает очень большой весомостью и не случайно очень популярно в нашей стране» (цит. по: «Мы предчувствовали польханье...»: Союз советских писателей СССР. Кн. 1. С. 280).

⁴³⁴ См.: В Союзе советских писателей СССР, [редакционная] // Литературная газета. 1941. № 36 (950). 10 сентября. С. 1. Подробнее о «советском фольклоре» см., например: *Соколов Ю. М. Русский фольклор. М., 1941. С. 457–550*; *Miller F. Folklore for Stalin: Russian Folklore and Pseudofolklore of the Stalin Era. Armonk, 1990 (изд. на рус. яз.: Миллер Ф. Сталинский фольклор. СПб., 2006)*; *Богданов К. А. Vox populi: Фольклорные жанры советской культуры. М., 2009*. См. также: Устное творчество народов СССР: Библиографический указатель. М., 1940; Фольклор России в документах советского периода 1933–1941 гг.: Сб. документов. М., 1994.

⁴³⁵ Эта мысль робко формулировалась Фадеевым еще в докладе, сделанном в Союзе писателей 21 августа 1941 года.

<...>

В портфеле Гослитиздата сотня рукописей.

Готовится серия лучших произведений классиков славянских народов – поляков, чехов, сербов и т. д. – примерно 30 названий.

<...>

Издательством «Советский писатель» на оставшиеся до конца года 3½ месяца запланировано пятьдесят новых книг об отечественной войне⁴³⁶.

Бесчисленное множество таких публикаций в каждом (!) выпуске «Литературной газеты» не только свидетельствовало об особенном внимании власти к литературе, но и смягчало панические настроения, объясняя, например, что срыв графика выхода литературных журналов вызван вовсе не начавшейся войной, а «плохо обеспеченной полиграфической базой»⁴³⁷. Однако усугубление положения на фронтах боевых действий негативно сказывалось и на культурном производстве – в октябре 1941 года выпуск «Литературной газеты» прекратился (редакцию не эвакуировали, а закрыли вовсе). Забегая вперед, отметим, что вместо «Литературной газеты» вскоре начала выходить газета «Литература и искусство»⁴³⁸, ответственным редактором которой стал А. Фадеев. 16 июля 1942 года он напишет в Агитпроп ЦК Г. Александрову и А. Пузину с просьбой вывести работу газеты из-под контроля издательства «Искусство», находившегося в ведении Комитета по делам искусств. Фадеев добьется сперва организации самостоятельной издательской и хозяйственной деятельности, а затем завладеет всем имуществом реорганизованной «Литературной газеты». Постановлением президиума Союза писателей от 21 декабря (случайно ли?) 1942 года за подписью П. Скосырева будет образовано самостоятельное издательство «Литература и искусство»⁴³⁹. Но осенью 1941 года все отчетливее проявлялся кризис, постепенно охватывавший все сферы советской действительности⁴⁴⁰.

⁴³⁶ Новые книги о войне: На партсобрании Союза советских писателей СССР // Литературная газета. 1941. № 37 (951). 17 сентября. С. 1.

⁴³⁷ Там же. Этим же, по-видимому, объяснялся и выход многих номеров «толстых» журналов сдвоенными и зачастую с серьезными задержками. Так, например, сдвоенный выпуск «Нового мира» за ноябрь – декабрь 1941 года увидел свет с трехмесячным опозданием (см.: *Володин М.* По страницам журналов: Новый мир, кн. 11–12, 1941 г. // Литература и искусство. 1942. № 19. 9 мая. С. 3). С ходом времени ситуация будет только ухудшаться: 20 февраля 1943 года Молотов, Маленков и Щербаков направят Сталину записку о необходимости снижения газетных тиражей, что и будет исполнено после соответствующего решения Политбюро (см.: *Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов.* С. 536–537).

⁴³⁸ После майских событий 1942 года и последовавшего за ними увольнения Письманника с поста заведующего редакцией «Литературы и искусства» ее верстка должна была проходить за день до выпуска, чтобы Агитпроп имел возможность просматривать предназначавшиеся для печати материалы (об этом Александров сообщил Щербакову в письме от 2 июня 1942 года; см.: «Литературный фронт»: История политической цензуры 1932–1946 гг. С. 74).

⁴³⁹ См.: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 574. Л. 1, 15–19.

⁴⁴⁰ Литературная критика не станет исключением. В период первых военных лет она уподобится политической публицистике, лишится своего «учительного» потенциала, о чем А. Сурков напишет в статье «Товарищам критикам» (Литература и искусство. 1942. № 10. 8 марта. С. 2). Позднее в среде литераторов возникнет осознание необходимости профессионализировать критику, сблизить ее с литературоведением (ср. в статье Б. Эйхенбаума «Поговорим о нашем ремесле», опубликованной в февральском номере «Звезды» за 1943 год) и направить на поиск «нового» в литературе. С. Кормилов писал: «Во время войны число малограмотных наставительных разборов в самом деле резко сократилось, так как сократилось вообще число разборов отдельных произведений. Б. Эйхенбаум надеялся, что они и не возобновятся, слишком серьезна была окружающая действительность, тем более в блокадном Ленинграде, где печаталась его статья» (*Кормилов С. И.* Белое пятно в истории Великой Отечественной войны: Литературная критика // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2015. № 3. С. 20).

Война институций: Союз советских писателей и Всесоюзный комитет по делам искусств в 1940-е годы

Параллельно с повсеместным обострением кризисных явлений в Союзе советских писателей, секретарем которого был отличавшийся пристрастием к выпивке А. Фадеев, началось брожение, грозившее масштабным переделом в кругу писательского истеблишмента. Начало этому несостоявшемуся переделу стало секретное обращение бывшего директора Гослитиздата (в 1937–1939 гг.), заместителя начальника Совинформбюро С. А. Лозовского к своему прямому начальнику секретарю ЦК ВКП(б) А. С. Щербакову от 3 сентября 1941 года. В нем отмечалось «совершенно недопустимое отношение т. Фадеева к своим обязанностям», неоднозначно интерпретировавшееся в писательской среде (запой Фадеева предшествовала поездка на фронт). Лозовский писал:

На протяжении всего времени его работы в Информбюро он (Фадеев. – Д. Ц.) периодически исчезает на несколько дней, совершенно не интересуясь порученным ему делом. Вместо того чтобы собирать вокруг Литературного отдела писателей, привлечь наших музыкантов, кинорежиссеров, композиторов и всех работников искусства для сотрудничества в иностранных газетах и журналах, т. Фадеев растерял то, что было с самого начала организовано. Нельзя дальше терпеть такое отношение к работе, особенно в условиях военного времени. Я предлагаю:

1. Освободить т. Фадеева от работы в Информбюро.
  2. Назначить зав. литературной группой Евг[ения] Петрова (Е. П. Катаева – брата В. П. Катаева, соавтора И. А. Ильфа. – Д. Ц.).
  3. Дать ему в качестве заместителя члена партии т. Бурского.
- Чем скорее мы проведем эти решения, тем лучше⁴⁴¹.

Глава Совинформбюро Щербаков ознакомился с этой запиской не позднее 7 сентября 1941 года. Тогда же об этой ситуации было сообщено в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б), руководителем которой был А. А. Андреев, сменивший на этом посту расстрелянного в начале февраля 1940 года Н. И. Ежова. Фадеев направил туда объяснительную записку (этому предшествовал разговор Фадеева с М. Ф. Шкирятовым), датированную 10 сентября 1941 года, в которой секретарь Союза советских писателей СССР писал:

Считаю своим партийным долгом объяснить, как мог случиться такой постыдный факт, что я, член ЦК партии, руководитель Союза писателей и работник Информбюро смог в течение семи дней пропьянствовать и не являться на работу в наше напряженное время.

<...>

То обстоятельство, что мое пьянство сейчас произошло сразу по возвращении с фронта, является обстоятельством случайным. <...>

Вся беда в том, что такие нездоровые прорывы в моей работе бывали и раньше и сопровождают мою жизнь. Они не так часты, но в них много

---

⁴⁴¹ Письмо С. А. Лозовского А. С. Щербакову, 3 сентября 1941 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 69. Л. 24. Документ опубликован в кн.: «Литературный фронт»: История политической цензуры 1932–1946 гг. С. 66–67. 27 июля 1941 года А. Первенцев записал в дневнике: «Фадеев пьет уже пять дней. Мне это сказал Оськин <...>. Все пьют. В чем дело? Где же их хваленая партийность?» (Первенцев А. А. Дневники: 1941–1945. С. 43).

нездорового в силу их затяжного характера – это признаки алкоголизма или склонности к нему⁴⁴².

Вслед за этим обращением последовала и вторая записка на имя М. Ф. Шкирятова от 13 сентября 1941 года⁴⁴³. В ней Фадеев не только оправдывался перед заместителем председателя Комитета партийного контроля за свое предыдущее послание, называя его «гнилым и обывательским», но и снимал с себя ответственность за пристрастие к выпивке; алкоголизм, по словам адресанта, «есть результат многолетнего и небезуспешного эксплуатации моей слабости (в части выпивки) всякого рода богемскими и обывательскими элементами из литературной среды – на выгоду им и во вред партии»⁴⁴⁴. Под «обывательскими элементами» имелись в виду (и Фадеев прямо об этом пишет), прежде всего, вдова «человека антисоветского» Е. С. Булгакова (она была любовницей Фадеева), любезно предоставившая руководителю писательской организации «убежище», и населявшие ее квартиру «политически сомнительные люди». Еще более комическим на фоне этого гнусного доноса выглядит обещание Фадеева покончить с алкогольной зависимостью (ср.: «пьянство я прекращу, в этом можете мне поверить»⁴⁴⁵). К слову сказать, побороть это пристрастие будущему «литературному генсеку» так и не удастся⁴⁴⁶. 21 сентября 1941 года было принято постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О т. Фадееве А. А.»⁴⁴⁷, а через два дня, 23 сентября, оно было утверждено Политбюро⁴⁴⁸. Провинившемуся функционеру объявили выговор с предупреждением о возможности «более серьезного партийного взыскания»⁴⁴⁹.

Еще больший хаос в непростую организацию литературной жизни первых военных месяцев внесло секретное (особой важности) постановление Государственного Комитета Обороны СССР «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы» № 801сс от 15 октября 1941 года за подписью Сталина⁴⁵⁰. Перед Фадеевым была поставлена задача под личную ответственность «вывезти писателей, имеющих какую-нибудь литературную ценность»⁴⁵¹. Список этих писателей был составлен работником Агитпропа ЦК Еголиным и насчитывал 120 фамилий (без учета родственников литераторов) из числа тех, кто не был эвакуирован еще в начале войны (около 700 человек), тех, кто не уехал самостоятельно (около 100 человек), и тех, кто не находится на

⁴⁴² Фадеев А. А. В Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б), 10 сентября 1941 г. // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Ед. хр. 280. Л. 3.

⁴⁴³ См.: Фадеев А. А. Записка в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б) М. Ф. Шкирятову, 13 сентября 1941 г. // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 34. Ед. хр. 280. Л. 6–7.

⁴⁴⁴ Там же. Л. 6.

⁴⁴⁵ Там же. Л. 7.

⁴⁴⁶ См. анонимную докладную записку в Центральную ревизионную комиссию КПСС (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Ед. хр. 84. Л. 101–105), в которой содержались обвинения Фадеева в пьянстве (отмечалось, например, что закускую в Перedelкинe прозвали «Фадеевской») и пагубном влиянии на работу писательской организации (ср.: «Общая деятельность Фадеева – развал работы в Союзе, бюрократизм, нетерпимость к критике...»). 16 декабря 1954 года об этой записке сообщили Н. Хрущеву. Интересно, что ключевые тезисы документа почти дословно повторяют те обвинения, которые обиженный на Фадеева В. Кирпотин изложил в докладной записке А. Щербакову от 10 февраля 1942 года. Например, Кирпотин обвинял секретаря правления в «развале работы в Союзе» (см.: Кирпотин В. Я. Ровесник железного века. С. 469–476).

⁴⁴⁷ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Ед. хр. 95. Л. 9. Документ опубликован в кн.: «Литературный фронт»: История политической цензуры 1932–1946 гг. С. 67.

⁴⁴⁸ См.: Власть и художественная интеллигенция. С. 475. Оригинал документа см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Ед. хр. 1042. Л. 30.

⁴⁴⁹ Кирпотин в письме к жене от 24 сентября 1941 года писал об этой ситуации: «В Союзе такие дела: Фадеев Саша получил выговор, оставлен на работе в Союзе и в „Лит[ературной] газете“. То есть он – официальный руководитель Союза. Мы договорились о разделении работы. Я буду вести агитацию, пропаганду, журналы, издательства. Но пока, в первые дни, он в Союзе бывает мало. Я всех принимаю и подписываю бумаги» (цит. по: Кирпотин В. Я. Ровесник железного века. С. 454).

⁴⁵⁰ См.: Постановление Государственного Комитета Обороны СССР об эвакуации столицы СССР г. Москвы, 15 октября 1941 г. // РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 155. Черновой вариант постановления с правкой Сталина см.: Постановление ГКО СССР № 801 «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы», 15 октября 1941 г. // РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Ед. хр. 23. Л. 19–22 (правка по тексту красным карандашом – автограф И. В. Сталина).

⁴⁵¹ Цит. по: «Литературный фронт»: История политической цензуры 1932–1946 гг. С. 68.

фронтах (около 200 человек). По понятным причинам при организации возникли серьезные затруднения, которые были связаны с транспортировкой писателей⁴⁵² (если 14 октября эшелоны отправились по плану, то 15 октября вагоны в Ташкент и Казань предоставлены не были). Замешательство Фадеева и общее ухудшение и без того сложной обстановки после ликвидации в Москве Союза писателей привели к закономерному общему недовольству литераторов работой руководителя. Такое уязвимое положение создавало вполне благоприятные условия для новых локальных «атак», главной целью которых была смена руководства в писательской организации. Однако Фадеев, в полной мере ощутивший масштаб грозящих последствий его промедления, уже 13 декабря 1941 года написал объяснительную записку⁴⁵³, адресованную Сталину, Андрееву и Щербакову; в ней он отчитался о проделанной работе, сделал акцент на безальтернативности принятых им решений и возложил ответственность за неудачи в организации эвакуации на Кирпотина, который его «распоряжений не выполнил и уехал один, не заглянув в Союз». Недовольство в писательской среде Фадеев объяснял личными мотивами: «Работа среди писателей (в течение 15 лет) создала мне известное число литературных противников. Как это ни мелко в такое время, но именно они пытаются выдать меня сейчас за „паникера“»⁴⁵⁴. Позиция «активного борца за дело Ленина и Сталина» надежно обезопасила «писательского начальника» от возможных последствий допущенных «ошибок, промахов и проступков». Редкие залпы этого неудавшегося противостояния то и дело будут раздаваться на «культурном фронте», однако статуса полноценной кампании так и не обретут. Незначительные, но весьма многочисленные докладные записки мелких партийцев (например, обвиненного в неисполнении возложенных на него обязанностей уполномоченного ССП В. Кирпотина или эвакуированных писателей, недовольных отсутствием внимания со стороны руководства Союза⁴⁵⁵) хоть и обнажали недостатки фадеевского руководства Союзом писателей, но попросту не могли произвести эффекта, достаточного для хоть сколько-нибудь серьезного удара по репутации Фадеева, обеспеченной покровительством самого Сталина. Вполне закономерно Фадееву удалось сохранить за собой должность в писательской организации, предотвратив назревавший «переворот» уже на начальной стадии. Впредь «писательский чиновник» будет куда внимательнее относиться к обстановке в Союзе и тщательнее подходить к выстраиванию

⁴⁵² Несколько более удачно обстояло дело с эвакуацией деятелей искусства и учреждений культуры, которой занимался Храпченко. За относительно небольшой срок ему удалось организовать перемещение большинства театров Москвы и Ленинграда в отдаленные от линии фронта города СССР.

⁴⁵³ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 69. Л. 29–31. Документ опубликован в кн.: Власть и художественная интеллигенция. С. 476–478.

⁴⁵⁴ Цит. по: «Литературный фронт»: История политической цензуры 1932–1946 гг. С. 70.

⁴⁵⁵ В письме Н. Ломакина к А. Андрееву от 17 октября 1941 года (см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 68. Л. 185–187) подробно описан не только сам механизм назревавшего передела в Союзе писателей, но и мотивы этого предприятия: «... за последнее время среди этих (эвакуированных. – Д. Ц.) писателей имеют место нездоровые настроения и попытки организованно выступить против руководства Союза Советских писателей. Например, 3 дня тому назад в ЦК КП(б) Уз[бекистана] пришел Алексей Толстой и от имени всех московских писателей, находящихся в Ташкенте, поставил вопрос о необходимости „полной реорганизации и обновления руководства Союза Советских писателей СССР“, имея ввиду получить у нас поддержку в такой постановке вопроса. Алексей Толстой заявил, что Фадеев и его помощники растерялись, потеряли всякую связь с писателями, судьбой их не интересуются <...>. Он, в частности, высказал свое возмущение тем, что т. Фадеев, под пьяную руку, выдает безответственные мандаты отдельным писателям на право „руководить“ различными отраслями писательской работы в Узбекистане. Такие мандаты, по заявлению т. Толстого, были выданы Фадеевым т. т. [В. Я.] Кирпотину, [П. Г.] Скосыреву, [С. Я.] Маршаку и [А.] Ниалло. Дело дошло до того, что группа московских писателей с участием Алексея Толстого (особое рвение проявляет [Н. Е.] Вирта) постановила на своем собрании объявить выдачу таких мандатов незаконным делом и немедленно отобрать их у всех перечисленных выше товарищей и, в частности, у т. Кирпотина, находящегося в Узбекистане. В результате этого, т. Кирпотин не только не оказывает никакого влияния на работу московских писателей, но и окружен нескрываемым презрением с их стороны» (цит. по: «Литературный фронт»: История политической цензуры 1932–1946 гг. С. 72–73). Позднее, в январе 1942 года, и Вс. Вишневский в письме к В. Ставскому сообщал о серьезных недостатках работы руководства Союза писателей и лично Фадеева: «Будешь на президиуме, ставь вопросы о долге сов[етского] писателя со всей силой <...>. Где руководство ССП, забота о людях, связь с фронтов[ыми] товарищами, помощь?.. Чем были заняты люди в президиуме?.. Глядеть надо не в стакан и не на „рубжи“ Чистополя, Ташкента, Алма-Аты, а на Запад...» (цит. по: «Мы предчувствовали полыханье...»: Союз советских писателей СССР. Кн. 1. С. 277).

взаимоотношений с окружавшими его «литературными работниками» и партфункционерами всех мастей.

В военный период зримо обозначился *институциональный конфликт*, имевший и персональное измерение. Борьба за установление сфер влияния между Союзом советских писателей, находившимся в ведении А. А. Фадеева, и Комитетом по делам искусств при Совнаркоме СССР под начальством М. Б. Храпченко в первой половине 1940-х вошла в наиболее активную фазу⁴⁵⁶. (Примечательно, что никаких свидетельств неформального общения Храпченко и Фадеева за пределами заседаний Комитета по Сталинским премиям не сохранилось⁴⁵⁷.) В первой половине 1930-х годов официальное советское искусство по повелению партийного начальства было условно поделено на литературу и остальные сферы искусства. Институционально это деление было закреплено сначала постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций»⁴⁵⁸ от 23 апреля 1932 года, а затем и учреждением Союза писателей СССР на Первом Всесоюзном съезде советских писателей в августе 1934 года. Писательская деятельность, таким образом, была подчинена «литературному министерству» – «Союзу советских писателей с коммунистической фракцией в нем». Вскоре эта же участь постигла и все остальные сферы искусства. 16 декабря 1935 года было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об организации Всесоюзного комитета по делам искусств»; новосозданному ведомству поручалось «руководство всеми делами искусств, с подчинением ему театров, киноорганизаций, музыкальных и художественно-живописных, скульптурных и иных учреждений»⁴⁵⁹. 17 января 1936 года постановлением ЦИК и СНК СССР был образован Всесоюзный Комитет по делам искусств⁴⁶⁰. Сфера официальной культуры оказалась искусственно поделена на две институционально оформленные части, которые в свою очередь были подчинены ЦК. Однако в рамках Комитета по Сталинским премиям две эти части оказывались вновь объединены и могли зримо влиять друг на друга. Такая ситуация не могла не вызвать усиление конфликтных настроений в среде чиновников от культуры: борьба не столько за институциональные ресурсы, сколько за возможность влиять на изгибы «партийной линии» в советском искусстве ожесточилась именно в военные годы, определив характер культурной политики всего позднего сталинизма.

Контуры этой «культурной войны» наметились еще в конце 1930-х годов. 25 января 1939 года Фадеев становится секретарем нового состава президиума правления писательской организации. В первой половине декабря того же года Храпченко занимает пост председателя Комитета по делам искусств⁴⁶¹ (фактически руководил ВКИ с апреля 1939 года). Уже тогда сложилась весьма напряженная обстановка, и первый удар по неокрепшей репутации Храпченко был нанесен осенью следующего года. 18 сентября 1940 года Политбюро ЦК (двумя днями

⁴⁵⁶ Между тем во второй половине 1920-х годов деятельность и Фадеева, и Храпченко тяготела к рапповскому контексту раннесоветской литературы. В 1927–1932 годах Фадеев входит в редколлегия журнала «На литературном посту», где свои первые литературно-теоретические статьи печатает Храпченко (см., например: *Храпченко М.* 1) К проблеме стиля // На литературном посту. 1927. № 19. С. 22–29; 2) О смене стилей // На литературном посту. 1927. № 24. С. 18–27).

⁴⁵⁷ Среди архивных и опубликованных материалов нам не удалось обнаружить ни писем Храпченко к Фадееву, ни писем Фадеева к Храпченко.

⁴⁵⁸ Документ опубликован в: Правда. 1932. № 114 (5279). 24 апреля. С. 1. 7 мая 1932 года было принято постановление Оргбюро ЦК под названием «Практические мероприятия по проведению в жизнь решения о перестройке организаций писателей» (см.: На уровень новых задач, [редакционная] // Правда. 1932. № 127 (5292). 9 мая. С. 2). Оргкомитет Союза писателей по РСФСР был учрежден 17 мая 1932 года на заседании Оргбюро ЦК.

⁴⁵⁹ Цит. по: Власть и художественная интеллигенция. С. 281.

⁴⁶⁰ См.: Постановление ЦИК и СНК Союза ССР «Об образовании Всесоюзного комитета по делам искусств при СНК Союза СССР», 17 января 1936 г. // Советское искусство. 1936. № 4 (290). 22 января. С. 2.

⁴⁶¹ Тогда же Храпченко вместе с А. В. Солодовниковым побывали у Леонова, где последний прочел им новую пьесу «Метель». Чиновник высоко оценил леоновский текст. 8 января 1940 года Леонов прочел пьесу в редакции «Советского искусства», а уже 14 января фрагмент «Метели» появился в подконтрольной Комитету по делам искусств газете.

ранее такое же решение приняло Оргбюро) приняло постановление «О пьесе „Метель“»⁴⁶², которое в основных тезисах вторило вышеупомянутой записке П. Н. Пospelова и Д. А. Поликарпова⁴⁶³, покровительствовавших секретарю писательской организации. Кроме того, в документе содержалась и угроза смещения Храпченко с должности в случае повторения подобных «политических ошибок». Очевидно, что «мишенью» этого постановления был отнюдь не любимец Горького Леонов, еще 18 мая 1939 года писавший Сталину о незаслуженно «издательском» отношении к нему критиков и представлявший на его суд свою «писательскую судьбу»⁴⁶⁴. В. Перхин писал:

После этого [постановления] имя Храпченко в связи с «Метелью» нигде не упоминалось, хотя автор был подвергнут «идеологической порке» на собрании писателей 23 сентября [1940 г.]. Против пьесы выступили А. А. Фадеев, В. В. Вишневский, К. Я. Финн, И. Л. Альтман, А. С. Гурвич, Н. Н. Асеев⁴⁶⁵.

Ответный удар не заставил себя ждать. 21 сентября 1940 года вступило в силу постановление Оргбюро ЦК «О Литературном Фонде Союза Советских Писателей и о фондах Управления по охране авторских прав», в котором содержалось требование

изъять из ведения Союза [советских писателей] Литературный Фонд СССР со всеми его учреждениями и подсобными предприятиями, а также Управление по охране авторских прав, передав их в ведение Комитета по делам искусств при Совнаркоме СССР⁴⁶⁶.

Писательская организация буквально лишилась средств на поддержание собственной «боеспособности», а все расходы попали под контроль ведомства, возглавляемого Храпченко. Кроме того, правление Союза писателей обвинялось в отступлении от своих прямых обязанностей, заключавшихся в «управлении литературой». 28 сентября 1940 года Храпченко сообщил в ЦК о бесконтрольном расходовании средств Литфонда и подытожил: «В результате этого происходило открытое разбазаривание огромных государственных средств, имели место вопиющие безобразия»⁴⁶⁷. С началом войны конфликт хоть и ослаб, но ни одна из сторон не упускала возможность укрепить свои позиции на поле борьбы за власть. Именно поэтому оказалась возможной описанная выше попытка передела в Союзе писателей. Слабостью Фадеева не удалось воспользоваться в полной мере. После краткосрочного периода буквального отсутствия контроля над ССП началось жесткое и стремительное усиление авторитарных тенденций в руководстве писательской организации. Фадеев готовился к очередной атаке.

Ликвидация «Литературной газеты» и основания на ее месте «Литературы и искусства» также создавали условия для ужесточения конфронтации. Фактически, обе организационные структуры – Союз писателей и Комитет по делам искусств – были задействованы в «культурном производстве», но каждая из этих структур была заинтересована в продвижении собственных интересов. Относительная нормализация социально-политической обстановки актуализировала былые разногласия. Но у обеих сторон конфликта сохранялось осознание необходимости действовать аккуратно, наносить единичные, но прицельные удары по противнику. Секретарь писательской организации решился на реванш. 31 марта 1942 года прямые подчиненные Фадее-

---

⁴⁶² Тогда же Молотов подписал почти идентичное постановление № 1722 Совнаркома СССР (см.: ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 42. Ед. хр. 22. Л. 5).

⁴⁶³ Документ опубликован в: «Литературный фронт»: История политической цензуры 1932–1946 гг. С. 45–46.

⁴⁶⁴ См.: Письмо Л. М. Леонова И. В. Сталину, 18 мая 1939 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 761. Л. 49.

⁴⁶⁵ Деятели русского искусства и М. Б. Храпченко. С. 25.

⁴⁶⁶ Цит. по: «Литературный фронт»: История политической цензуры 1932–1946 гг. С. 49.

⁴⁶⁷ Цит. по: Там же. С. 50.

ева П. Скосырев и Е. Ковальчик от лица президиума и парткома Союза писателей адресуют Г. Александрову записку с просьбой вернуть Литфонд в систему писательской организации. В тексте утверждалось:

За истекшие полтора года президиум ССП СССР убедился, что выделение Литфонда из его системы не только не улучшило и не упорядочило работу Литфонда, а создало для него и для Союза писателей целый ряд дополнительных трудностей.

<...>

На президиум ССП и Литфонд легли задачи повседневной-творческой и материально-бытовой помощи писателям-фронтовикам, эвакуированным и семьям Членов ССП⁴⁶⁸.

И далее:

...президиум ССП СССР просит санкционировать возвращение Литфонда в его систему, тем более что до настоящего времени передача Литфонда Комитету по делам искусств не была оформлена соответствующим правительственным постановлением⁴⁶⁹.

Следующим шагом Фадеева стала вышеупомянутая записка с прилагавшимся проектом решения, направленная в Агитпроп ЦК 16 июля 1942 года. Целью этого обращения стал вопрос о выводе «Литературы и искусства» из-под контроля храпченковского Комитета. Фадеев писал:

Практика показала, что передача газеты «Литература и искусство» в систему издательства «Искусство» нецелесообразна. <...> издательство «Искусство» подчиняется Комитету по делам искусств, а газета является одновременно и органом Союза советских писателей СССР и Комитета по делам кинематографии. Это, в свою очередь, лишает возможности влиять на административную и хозяйственную деятельность аппарата редакции⁴⁷⁰.

Интересно, что строится эта записка примерно на тех же риторических приемах, что и цитированное выше обращение П. Скосырева и Е. Ковальчик. Можно предполагать, что ответственный редактор «Литературы и искусства» был причастен к созданию обоих посланий в Агитпроп. С течением времени позиция Фадеева в роли руководителя Союза писателей становилась все прочнее: большое число литераторов находило решение своих проблем в обращении к нему напрямую (сохранилось довольно большое число адресованных Фадееву писем с просьбой посодействовать в том или ином вопросе), что благотворно сказывалось на репутации будущего «генсека» ССП. Заручившись поддержкой «работников литературы», Фадеев ощутил возможность максимально расширить свои полномочия и установить полный контроль над Союзом. По-видимому, тогда с ним случился очередной приступ «литературного политиканства», которое, как писал Симонов, «судорожно овладевало Фадеевым, вопреки всему тому главному, здоровому и честному по отношению к литературе, что составляло его истинную сущность»⁴⁷¹

---

⁴⁶⁸ Цит. по: «Мы предчувствовали полыханье...»: Союз советских писателей СССР. Кн. 1. С. 371.

⁴⁶⁹ Цит. по: Там же. С. 372.

⁴⁷⁰ Цит. по: Там же. С. 482.

⁴⁷¹ Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. С. 192.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.